

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

Кафедра сравнительной политологии

На правах рукописи

Стригунов Константин Сергеевич

**Особенности современных неклассических войн:
формы, методы, технологии**

Специальность 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, с.н.с.
Манойло Андрей Викторович

Москва – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава I. Теоретические и методологические аспекты исследования современных неклассических войн	22
1.1. Неклассические войны как объект политологического анализа.....	22
1.2. Современные научные подходы к исследованию неклассических войн	57
1.3. Классификация форм и методов ведения современных неклассических войн.....	89
1.4. Классификация субъектов современных неклассических войн.	98
1.5. Неклассические войны как угроза национальной безопасности Российской Федерации.	109
Выводы по Главе I.....	117
Глава II. Особенности ведения современных неклассических войн.....	119
2.1. Технологии использования сетевых групп в современных неклассических войнах.....	119
2.2. Технологии демонтажа современных политических режимов.	140
2.3. Технологии многоуровневого воздействия на «государства-мишени» ..	166
2.4. Внестоличные формы осуществления «цветных революций».	192
2.5. Практические рекомендации по организации системного противодействия формам и методам неклассических войн.	205
Выводы по Главе II.....	217
Заключение	220
Библиография	232

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в новейшее время использование технологий «цветных революций», а также гибридных войн и других форм неклассических войн является неотъемлемой составляющей международных процессов, представляя собой фундаментальную угрозу национальной безопасности для любого государства, в том числе и прежде всего – России.

Во-первых, в условиях нарастающей глобальной неопределенности, трансформации и разбалансировки системы международных отношений возникают новые формы и методы вооруженной борьбы, заметно отличающиеся от классических аналогов и канонов. Так, в классической войне для достижения целей используются в основном традиционные вооруженные силы (регулярные войска). Напротив, в войнах нового поколения (таких, как вооруженные конфликты в Сирии, Ливии, на Украине, а также попытка организации вооруженного мятежа в Казахстане в январе 2022 года) на передний план выступают информационно-психологические операции, экономические санкции, кибератаки, подрывная работа спецслужб, диверсионно-террористическая деятельность, политико-дипломатическое давление и использование сетевых групп. Для традиционных войн эти методы выглядят неклассическими, выходящими за рамки привычных представлений о традиционных вооруженных конфликтах, а сами войны приобретают особый неклассический характер (признаками такой неклассической войны обладают действия коллективного Запада в отношении России на фоне проводимой специальной военной операции

на Украине). Перенос в современных войнах основной тяжести вооруженной борьбы из сферы прямых вооруженных столкновений в различные области так называемой «несиловой» борьбы связан ещё и с тем, что прогресс в научно-технической сфере последних десятилетий расширил спектр средств, методов и технологий войны. С их помощью международные акторы могут достигать военно-политических целей без использования вооруженных сил или с минимальным их участием.

Во-вторых, в условиях глобализации заметно возросла взаимозависимость государств и негосударственных акторов, что существенным образом осложнило прямое использование методов классических войн при разрешении конфликтных ситуаций, споров и противоречий. Наличие у ряда государств ядерного оружия, иных видов оружия массового поражения и стратегического неядерного вооружения способно нанести участникам войны неприемлемый ущерб, что, в свою очередь, делает традиционные вооруженные столкновения делом чрезвычайно рискованным, с непредсказуемым конечным результатом. На этом фоне неклассические формы и методы противоборства (информационные операции спецслужб, «цветные революции», торговые войны), используемые как в военное, так и в мирное время, получают ряд существенных преимуществ и, как следствие, приобретают приоритетное значение для международных акторов.

В-третьих, средства, методы и технологии неклассических войн позволяют акторам действовать вне международного правового поля и институтов (например, Совет Безопасности ООН). Так, в международном праве до сих пор отсутствуют нормы, дающие определение и правовую квалификацию вооруженной агрессии в информационной сфере, что позволяет вести информационные войны и в мирное время; «цветные революции», представляющие собой особые технологии организации государственных переворотов, до сих пор рассматриваются некоторыми исследователями как разновидность «народных восстаний»; торговые и санкционные войны, ставшие для США инструментами давления и шантажа, до сих пор не получили надлежащую правовую оценку международных институтов. Указанные

особенности позволяют использовать чрезвычайно опасные методы неклассических войн и в мирное время, при отсутствии обязательного для классических войн прямого вооруженного конфликта.

В-четвёртых, в неклассических войнах активно участвуют негосударственные акторы – международные террористические организации, транснациональные преступные организации, частные военные компании. При этом в неклассических войнах осуществляется активное взаимодействие государственных и негосударственных акторов в разных комбинациях, порождая при этом новые формы консолидации, взаимодействия, объединения усилий и ресурсов ради достижения общих целей, а также гибкость в решении задач на стратегическом и тактическом уровнях. Многие из этих негосударственных акторов используют неклассическую по своей природе тактику ведения боевых действий, чрезвычайно опасную для противника, в роли которого выступают в первую очередь современные национальные государства, и потому нуждающуюся в серьезном научном осмыслении.

В-пятых, применяемые средства, методы и технологии неклассических войн создают угрозу международной безопасности и национальной безопасности России. События на Украине в 2013-2014 гг. («евромайдан») показали, что использование средств, методов и технологий неклассических войн способно нанести ущерб интересам Российской Федерации, поскольку в результате государственного переворота на Украине к власти пришёл антироссийский режим, использованный коллективным Западом против России. Современные неклассические войны, такие как военная операция коалиции западных и некоторых ближневосточных стран в Сирии и действия коллективного Запада против России на фоне проводимой специальной военной операции на Украине, делают ситуацию в мире ещё опаснее, становясь для Российской Федерации источником новых вызовов и угроз¹, для которых эффективные решения по их нейтрализации ещё не выработаны.

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2021. URL:

Все вышеперечисленные факторы в совокупности обуславливают необходимость глубокого научного осмысления феномена неклассических войн и проблем, которые они порождают.

Степень научной разработанности темы исследования. В ходе исследования особенностей неклассических войн использовались научные работы как отечественных, так и зарубежных специалистов в области международных отношений, политологии, конфликтологии, национальной и международной безопасности, социологии и военных наук. В целом все их можно разделить на семь основных групп.

К **первой группе** относятся работы учёных, внесших вклад в развитие теории международных отношений, военной науки, геополитики и стратегии, теории рефлексивного управления, кибернетики, теории «ненасильственной борьбы», теории революций и макросоциологии, в разработку концепций войны 4-го поколения, и др. К ним относятся: З. Бжезинский² – экс-советник по национальной безопасности президента США Дж. Картера, геополитик и геостратег; Й. Галтунг³ – социолог, специалист в области анализа и урегулирования конфликтов, автор ряда концепций, включая концепцию структурного насилия; Дж. Голдстоун⁴ – социолог и политолог, автор демографически-структурной теории революции; К. фон Клаузевиц⁵ – военный теоретик, который своим фундаментальным трудом «О войне» вывел военную науку на новый уровень; Лефевр В.А.⁶ – создатель теории рефлексивных игр, и концепции рефлексивного управления; Б. Лиддел Гарт⁷ – военный историк и теоретик, разработавший стратегию не прямых действий; военный теоретик

<http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.

³ Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. – 1969. – V.6. № 3. – P. 167-191.

⁴ Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory // Annual Review of Political Science. – 2001. – V. 4. – P. 139-187.

⁵ Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. – 458 с.

⁶ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973. – 158 с.

⁷ Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий. – М.: АСТ, 2018. – 512 с.

Месснер Е.Э.⁸ – автор концепции «мятежевойны»; исследованиями «цветных революций», в частности относящихся к «Арабской весне», занимался выдающийся отечественный учёный и государственный деятель Примаков Е.М.⁹; русский военный теоретик Свечин А.А.¹⁰, среди прочего изучавший влияние на ход и результат войны совокупности военно-технического, политического и экономического потенциалов противоборствующих сторон, а также взаимосвязь стратегии и политики; древнекитайский китайский стратег и мыслитель Сунь-Цзы¹¹, автор классического военно-философского трактата «Искусство войны»; полковник ВМС США Г. Уилсон¹², внесший вклад в разработку концепции войны четвертого поколения; Дж. Шарп¹³ – исследователь, который написал ряд работ в области «ненасильственной борьбы», лежавших в основе технологий «цветных революций» конца 80-х гг. XX – н.в.; У. Эшби¹⁴ – специалист по кибернетике, а также исследователь сложных систем, сформулировавший, в частности, фундаментальный закон кибернетики – закон необходимого разнообразия.

Во вторую группу входят работы отечественных авторов, посвящённые «цветным революциям», гибридным войнам, сетцентрическим военным действиям и операциям, технологии «системно-сетевой войны», геополитике, проблемам информационной безопасности и пр.: Батюк В.И.¹⁵, Глазьев С.Ю.¹⁶, Загорский А.В.¹⁷, Кара-Мурза С.Г.¹⁸, Манойло А.В.¹⁹, Подберёзкин А.И.²⁰,

⁸ Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / Под ред. В.И. Марченкова. – М.: Военный университет, Русский Путь, 2005. – 696 с.

⁹ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская газета, 2012. – 414 с.

¹⁰ Свечин А.А. Стратегия. – М.: Военный вестник, 1927. – 265 с.

¹¹ Сунь-Цзы. Искусство войны. – М.: Эксмо, 2021. – 416 с.

¹² Lind W et al. The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette. – 1989. – № 73. – P. 22-26.

¹³ Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издательство, 2012. – 84 с.

¹⁴ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Иностранная литература, 1959. – 432 с.

¹⁵ Батюк В.И. Россия, США и «цветные революции» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 8. – С. 15-26.

¹⁶ Глазьев С.Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности в условиях американской агрессии // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2015. – № 1. – С. 4-20.

¹⁷ Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях / Под ред. А.В. Загорского, Н.П. Ромашкиной – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 183 с.

¹⁸ Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – 143 с.

¹⁹ Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – Т. 6. № 39. – С. 61-67; Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 1-19;

Пономарёва Е.Г.²¹, Попов И.М.²², Ромашкина Н.П.²³, Фененко А.В.²⁴, Цыганков П.А.²⁵, Цымбурский В.Л.²⁶, Шаклеина Т.А.²⁷. В данных работах проанализированы гибридные и сетцентрические войны (военные действия) в контексте долгосрочного прогнозирования развития международных отношений, а также «цветные революции», инициированные американским руководством в контексте отношений России и США, систематизированы технологии неклассических войн. Кроме того, в работах анализируется взаимодействие мирополитических и стратегических процессов, а также деятельность ведущих мировых держав по территориальной и институциональной переконфигурации мира.

Третью группу образуют работы зарубежных учёных, военных и государственных деятелей, посвящённые исследованиям «цветных революций», государственных переворотов, гибридных войн, сетцентрическим военным действиям и операциям, войнам четвёртого поколения, конфликтам в «серой зоне», кибервойнам и т.п.: П. Акерман²⁸, Дж. Альманг²⁹, И. Бержина³⁰, Б. Бьюкенен³¹, Л. Вей³², Дж. Гарстка³³, Р. Кларк³⁴, Э. Люттвак³⁵, Ф. Хоффман³⁶,

---

Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия-Телеком, 2020. – 378 с.

²⁰ Подберёзкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований МГИМО МИД России. – М.: МГИМО–Университет, 2015. – 581 с.

²¹ Пономарёва Е.Г. Что такое «цветные революции» и как с ними бороться? // Представительная власть. – 2016. – № 1–2. – С. 26-38.

²² Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. – 832 с.

²³ Ромашкина Н.П. Глобальные военно-политические проблемы международной информационной безопасности: тенденции, угрозы, перспективы // Вопросы кибербезопасности. – 2019. – № 1 (29). – С. 2-9.

²⁴ Фененко А.В. «Долгий мир» и ядерное оружие // Россия в глобальной политике. – 2018. – Т. 16. № 6. – С. 99-123.

²⁵ Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 253-258.

²⁶ Цымбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 3. – С. 27-55.

²⁷ Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка // Международные процессы. – 2019. – Т. 17. № 4. (59). – С. 36-48.

²⁸ Ackerman P., Rodal B. The Strategic Dimensions of Civil Resistance // Survival. – 2008. – V. 50. № 3. – P. 111-126.

²⁹ Almäng J. War, vagueness and hybrid war // Defence Studies. – 2019. – V. 19. № 2. – P. 189-204.

³⁰ Bērziņa I. Weaponization of «Colour Revolutions» // Journal of Political Marketing. – 2019. – V. 18. № 4. – P. 330-343.

³¹ Buchanan B. The Cybersecurity Dilemma: Hacking, Trust, and Fear Between Nations. – Oxford University Press, 2017. – 304 p.

³² Way L. The Real Causes of the Color Revolutions // Journal of Democracy. – 2008. – V. 19. № 3. – P. 55-69.

³³ Cebrowski A., Garstka J. Network Centric Warfare: Its Origin and Future // Proceedings of the Naval Institute. – 1998. – V. 124. № 1. – P. 28-35.

Чжао Цзинфан³⁷, Дж. Чэмберс³⁸. В данных работах авторы исследуют «цветные революции» как народные восстания против диктаторов, гибридные войны рассматриваются в виде комбинации регулярных войск и иррегулярных формирований. Кроме того, проанализированы характеристики «серой зоны» и «квазивойны», а также разработана теория сетецентрических войн (более точно – военных действий) и операций.

В четвертую группу входят исследования в области теории систем (Г. Николис, Пригожин И.Р.³⁹), теории сложности (Дж. Моффат⁴⁰) и теории хаоса, а также концепции «управляемого хаоса». Среди них стоит выделить работы П. Бака, К. Визенфельда, Ч. Танга⁴¹ и К. Чена⁴², которые открыли важное свойство динамических систем – самоорганизованную критичность. Данное свойство лежит в основе концепции «управляемого хаоса», исследованиями которого занимался учёный и государственный деятель С. Манн⁴³.

Для настоящей работы использовались защищённые диссертации, в частности, Данюка Н.С.⁴⁴, Ходынской-Голенищевой М.С.⁴⁵, Дж. Шарпа⁴⁶, образующие пятую группу.

³⁴ Clarke R., Knake R. *Cyber War: The Next Threat to National Security and What To Do About It*. – New York, NY: Ecco, 2010. – 304 p.

³⁵ Luttwak E. *Coup d'État: A Practical Handbook*. – Harvard University Press, 1968. – 210 p.

³⁶ Hoffman F. 'Hybrid Threats': Neither Omnipotent Nor Unbeatable // *Orbis*. – 2010. – V. 54. № 3. – P. 441-455.

³⁷ Zhao Z., Zhao J. On Control and Management of Military Crises (论军事危机的管控) // *China Military Science* (中国军事科学). – 2013. – № 4. – P. 62-71.

³⁸ Chambers J. Countering Gray-Zone Hybrid Threats. An Analysis of Russia's «New Generation Warfare» and Implications for the US Army [Электронный ресурс] // Modern War Institute at West Point [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://mwi.usma.edu/wp-content/uploads/2016/10/Countering-Gray-Zone-Hybrid-Threats.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).

³⁹ Николис Г., Пригожин И.Р. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. – М.: Мир, 1979. – 512 с.

⁴⁰ Moffat J. *Complexity Theory and Network Centric Warfare*. – Washington, DC: Do Command and Control Research Programm, 2003. – 160 p.

⁴¹ Bak P., Tang Ch., Wiesenfeld K. Self-organized criticality: An explanation of 1/f noise // *Phys. Rev. Lett.* – 1987. – V. 59. № 4. – P. 381-384.

⁴² Bak P., Chen K. Self-Organized Criticality // *Scientific American*. – 1991. – V. 264. № 1. – P. 46-53.

⁴³ Mann S. *Chaos Theory and Strategic Thought* // *Parameters* (US Army War College Quarterly). – 1992. – V. 22. – P. 54-68.

⁴⁴ Данюк Н.С. Внешняя политика Российской Федерации (2000-2016 гг.) и феномен «цветных революций»: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.15. – М., 2018. – 312 с.

⁴⁵ Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений: дисс. ... доктор. истор. наук: 07.00.15. – М., 2018. – 1047 с.

⁴⁶ Sharp G. *The politics of nonviolent action: a study in the control of political power: doctoral dissertation*. – University of Oxford, 1968.

В шестую группу входят аналитические публикации и доклады аналитических структур, включая и т.н. «мозговые центры» («think tank»). Среди них можно выделить Национальный университет обороны НОАК КНР (г. Пекин), Российский институт стратегических исследований, RAND Corp., Центр военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России, Центр экономических и политических исследований (г. Вашингтон) и др.⁴⁷.

К седьмой группе относятся публикации в сети Интернет и СМИ, в частности, «Военно-промышленный курьер», РИА Новости, ТАСС, Жэньминь жибао, BBC, Deutsche Welle, PanAm Post, Reuters, South China Morning Post, The Washington Post и др.⁴⁸.

⁴⁷ Стригунов К.С. Миграционный удар по Европе. Уроки для России [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://riss.ru/mail/20645/> (дата обращения: 10.05.2022); Daniel G. et al. Network-Centric Operations Case Study: The Stryker Brigade Combat Team. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2005. – 137 p.; Liu X. Military Response to Significant Sudden Incidents and Crises: Research on Military Operations Other than War (军队应对重大突发事件和危机非战争军事行动研究). – Beijing: National Defense University Press, 2009. – 401 p.; Long G. et al. What Happened in Bolivia's 2019 Vote Count? [Электронный ресурс] // Center for Economic and Policy Research [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://cepr.net/publications/reports/bolivia-elections-2019-11> (дата обращения: 02.04.2022).

⁴⁸ Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер [Официальный сайт]. 2013. URL: <https://vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 07.03.2022); Дугин А.Г. Мир охвачен сетевыми войнами [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. 2005. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2005-11-25/4_netwars.html (дата обращения: 04.03.2022); Каков размер «денежного вознаграждения» от США участникам беспорядков в Сянгане? [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0827/c95181-9609501.html> (дата обращения: 15.04.2022); Китай завершил масштабный проект расширения береговой зоны в порту Коломбо [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://ria.ru/20190117/1549469337.html> (дата обращения: 14.04.2022); Лавров: РФ и ФРГ обсудили возможность встречи «четверки» с учетом попытки диверсии в Крыму [Электронный ресурс] // ТАСС [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://tass.ru/politika/3538904> (дата обращения: 12.05.2022); Полиция и чернокожие в США: факты и мифы [Электронный ресурс] // BBC [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-36837450> (дата обращения: 28.04.2022); ФРГ потратит на миграционную политику 78 млрд евро до 2022 года [Электронный ресурс] // Deutsche Welle [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.dw.com/ru/фрг-потратит-на-миграционную-политику-78-млрд-евро-до-2022-года/a-43848224> (дата обращения: 04.05.2022); Avendaño O. ¿Cómo lograr que EEUU deponga a Maduro?, explica Sosa Azpúrua [Электронный ресурс] // PanAm Post [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://panampost.com/orlando-avendano/2019/04/02/sosa-azpuru-guaido-debe-buscar-alianza-con-la-dea-para-extraer-a-maduro/> (дата обращения: 28.05.2022); Ellsworth B. Trump says U.S. military intervention in Venezuela 'an option,' Russia objects [Электронный ресурс] // Reuters [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-idUSKCN1PS0DK> (дата обращения: 08.04.2022); Lau S., Delaney R. Hong Kong arrest of media tycoon Jimmy Lai sparks international condemnation [Электронный ресурс] // South China Morning Post [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/3096824/hong-kong-arrest-media-tycoon-jimmy-lai-sparks-international> (дата обращения: 18.04.2022); Stanley-Becker I. How McKinsey quietly shaped Europe's response to the refugee crisis [Электронный ресурс] // The Washington Post [Официальный сайт]. 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/how-mckinsey-quietly-shaped-europes-response-to-the-refugee-crisis/2017/07/23/2ccb616-6c80-11e7-b9e2-2056e768a7e5_story.html (дата обращения: 02.05.2022); Venezuela's Maduro announces start of negotiations with opposition -- media reports [Электронный ресурс] // Xinhua [Официальный сайт]. 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-07/09/c_138211081.htm (дата обращения: 11.04.2022).

Источниковая база исследования включает:

- официальные документы и нормативно-правовые акты Российской Федерации⁴⁹;
- официальные документы иностранных государств и международных организаций⁵⁰;
- заявления официальных лиц⁵¹.

Объект исследования – современные неклассические войны в условиях возникновения новых вызовов и угроз.

Предмет исследования – формы, методы, технологии ведения современных неклассических войн.

Цель исследования – выявить формы, методы, технологии ведения современных неклассических войн в условиях новых вызовов и угроз.

---

⁴⁹ Комплекс мер по выполнению Минских соглашений [Электронный документ] // Президент России [Официальный сайт]. 2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения: 12.05.2022); О ситуации в Белоруссии [Электронный ресурс] // Служба внешней разведки Российской Федерации [Официальный сайт]. 2020. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2020/09/o-situatsii-v-belorussii-2.htm> (дата обращения: 12.05.2022); Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2021. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0pID1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 25.03.2022); Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии». Статья 1. [Принят Государственной Думой 13 ноября 1996 года] // Президент России [Официальный сайт]. 1996. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10364> (дата обращения: 01.03.2022).

⁵⁰ Joint Doctrine for Information Operations. Joint Publication 3-13 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff. 1998. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (дата обращения: 02.03.2022); Joint Strategic Plan. FY 2018-2022 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. U.S. Agency for International Development [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.state.gov/joint-strategic-plan/> (дата обращения: 11.03.2022); Network Centric Warfare [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense Report to Congress, Washington, DC: U.S. Government Printing Office [Официальный сайт]. 2001. URL: http://www.defenselink.mil/nii/ncw/ncw_main.pdf (дата обращения: 03.03.2022); Preliminary findings report to the General Secretariat [Электронный ресурс] // Organization of American States [Официальный сайт]. 2019. URL: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-099/19 (дата обращения: 31.03.2022); Russia: Implications for UK defence and security: Government Response to the Committee's First Report of Session 2016–17. Fourth Special Report of Session 2016–17 [Электронный ресурс] // House of Commons Defence Committee [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmdfence/668/668.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).

⁵¹ Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on July 9, 2019 [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Официальный сайт]. 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1679792.shtml (дата обращения: 18.04.2022); Garamone J. Military Must Be Ready to Confront Hybrid Threats, Intel Official Says [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1952023/military-must-be-ready-to-confront-hybrid-threats-intelligence-official-says/> (дата обращения: 13.03.2022); President Donald J. Trump's State of the Union Address [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-state-union-address-2/> (дата обращения: 29.04.2022); Zaconeta H.A. Sesión Extraordinaria del Consejo Permanente de la OEA [Электронный ресурс] // Ministerio Relaciones Exteriores Estado Plurinacional de Bolivia [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://www.cancilleria.gob.bo/webmre/discurso/3712> (дата обращения: 02.04.2022).

Задачи исследования:

- определить сущность и содержание современных неклассических войн;
- выявить и классифицировать формы, методы, субъекты современных неклассических войн;
- выявить угрозы национальной безопасности Российской Федерации, вызванные появлением новых форм неклассических войн;
- определить механизмы неклассических войн с использованием сетевых групп и технологии «венесуэльский прецедент»;
- выявить особенности технологий осуществления внестоличных форм «цветных революций» в современных неклассических войнах;
- предложить практические рекомендации по организации системного противодействия формам и методам неклассических войн.

В теоретико-методологическую базу исследования помимо общенаучных методов анализа, синтеза, дедукции и индукции входят системный подход, структурно-функциональный подход, проблемный подход, сравнительный подход, метод case study, методология классических военно-политических исследований, кибернетический подход. Методология работы определяется характером поставленных цели и задач, а также научными взглядами автора.

К методологической основе исследования относится неореализм, позволивший рассмотреть современные неклассические войны в качестве важного элемента международных отношений как целостной системы, чья структура не сводится к простой сумме её акторов. При этом нападающая сторона и «объект-мишень» (или их множество), в отношении которого нападающая сторона применяет средства, методы и технологии неклассических войн, таким образом взаимодействуют между собой, влияя на международную систему.

В диссертационном исследовании применялись системный и структурно-функциональный подходы, позволившие рассмотреть «объект-мишень» (государство, негосударственный субъект, наднациональный субъект) как открытую систему, подверженную внешним воздействиям, в т.ч. с использованием средств, методов и технологий различных форм неклассических

войн. Данные подходы также позволили классифицировать формы неклассических войн и её субъектов, выявить свойства и механизм инструментализации протестных движений и иррегулярных парамилитарных формирований, используемых актором с целью демонтажа неугодного политического режима в формах неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп.

Сравнительный подход и метод case study позволили выявить различия между формами неклассических войн, которые с точки зрения выбранных актором технологий отличаются между собой (например, в случаях с Боливией, Венесуэлой и Гонконгом), в т.ч. и по целям, которые ставит перед собой актор. Вместе с этим, сравнивая применённые в разных странах технологии неклассических войн с тем, что происходило в США за несколько месяцев до президентских выборов 2020 года, удалось показать, что данные технологии могут быть применены внутри отдельно взятого государства одной частью элит против другой.

В соответствии с использованной в диссертационной работе методологией классических военно-политических исследований, основывающейся прежде всего на фундаментальных трудах таких военных мыслителей и стратегов, как К. фон Клаузевиц, Б. Лиддел Гарт, Свечин А.А., неклассическая война, равно как и война классическая, рассматривается как продолжение политики иными насильственными средствами, а также методами и технологиями. Кроме того, это позволило выявить, что применение средств, методов и технологий неклассических войн соответствует стратегии не прямых действий.

В диссертационном исследовании был предложен авторский методологический подход, в соответствии с которым неклассическая война представляется как война, в которой основная роль в осуществлении насильственного контроля над «объектом-мишенью» отводится неинтервенциональным элементам насильственного контроля, а вооруженные силы либо не применяются, либо задействуются ограниченно. По этому признаку различается неклассическая война от классической войны, в которой

насильственный контроль над «объектом-мишенью» осуществляется в первую очередь с помощью вооруженных сил, а неинтервенционные элементы насильственного контроля второстепенны. Кроме того, в соответствии с предложенным методологическим подходом выявление ключевого признака целого ряда форм неклассических войн базировалось прежде всего на теории сложности, общей теории систем, кибернетическом подходе, законе Меткалфа. Благодаря этому удалось установить причину синергетического роста эффективности использования сетевым образом организованных людских масс (сетевые группы), инструментализируемых для устранения неугодного политического режима или оказания на него необходимого влияния согласно интересам актора, использующего в указанных целях эти сетевые группы. Вместе с системным подходом это позволило выявить ключевые признаки и свойства неклассических войн, в основе которых лежит использование людских масс, организованных по сетевому принципу. Вместе с этим неклассическая война рассматривается как война, в которой актор оказывает постепенно нарастающее давление на «объект-мишень» (государство), привлекая (по мере необходимости) всё новые ресурсы, если «объект-мишень» демонстрирует высокий уровень устойчивости. В результате, если в классической войне по противнику изначально наносится удар с максимальной силой, то в неклассической войне нападающая сторона действует от противника – от наименее деструктивных форм воздействия к наиболее разрушительным, если предыдущих оказалось недостаточно для достижения цели установить насильственный контроль над государством, выбранным в качестве «объекта-мишени», при условии наличия возможностей для этого.

Научная новизна результатов диссертационного исследования определяется поставленной в диссертационном исследовании целью и теми задачами, которые решаются в ходе её достижения:

– выявлен системообразующий признак ряда форм неклассических войн в виде синергии применения неинтервенционных элементов насильственного контроля, в первую очередь – сетевых групп, возникающей из-за усложнения

управляющей системы, кардинального роста числа и качества управляющих команд, а также эффекта самосинхронизации, чего удалось достичь за счёт использования теорий хаоса и сложности в области стратегии, а также революции в сфере информационно-коммуникационных технологий, в технологиях рефлексивного управления и организационного поведения, вследствие чего актер сумел достигать того же результата, что и в классической войне, но без использования вооруженных сил. Также сформулированы три свойства неклассических войн, базирующихся на использовании людских масс, организованных по сетевому принципу. Из третьего свойства выводится объяснение, почему агрессор не переходит от фазы гибридной войны к «цветной революции»;

– выявлены формы и методы неклассических войн, а также их субъекты; проведена классификация форм и методов неклассических войн, а также субъектов неклассических войн;

– идентифицированы угрозы национальной безопасности Российской Федерации, создаваемые новейшими методами и технологиями неклассических войн;

– выявлена технология демонтажа политического режима в Боливии, итогом применения которой стало вынужденное бегство Э. Моралеса в Мексику; выявлена и алгоритмизирована новая технология государственных переворотов, апробированная США в Венесуэле, получившая название «венесуэльский прецедент», и впоследствии интегрированная с технологией «цветной революции» в Белоруссии; дано объяснение возможности реализации технологии внестоличной «цветной революции» на примере событий в Гонконге (2019-2020 гг.), основная цель применения которой состояла в принуждении китайского руководства к подписанию новой торговой сделки с США на невыгодных для Китая условиях; вскрыт механизм технологии, близкой к «цветной революции», ядром которой выступили движения «Black Lives Matter» и Antifa, осуществленной для недопущения Д. Трампа на второй президентский срок; дано

определение миграционному оружию, вскрыты его поражающие факторы и технологические особенности;

– предложены меры по организации противодействия полномасштабной неклассической войне, осуществляемой коллективным Западом против России.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Глобализация, угроза гарантированного взаимоуничтожения и удорожание вооружения и военной техники привели к коренному изменению стратегического мышления через рассмотрение пространства международных отношений и вооружённых сил в виде сложных адаптивных систем, к которым применимы теории сложности, хаоса и самоорганизованной критичности. Это позволило создать базу для перехода к воздействию на международные процессы и управлению войсками на основе концепции «управляемого хаоса» и сетецентрического принципа управления. Благодаря революции в информационно-коммуникационных и сетевых технологиях и использованию технологий рефлексивного управления, а также исследований в области организационного поведения оказалось возможным внедрение концепции «управляемого хаоса» на практике, что особенно проявилось в кардинальном повышении эффективности применения неинтервенционных элементов насильственного контроля и прежде всего групп людей, организованных сетевым образом (сетевых групп). Следствием этого для агрессора стало возможным достигать того же результата, что и в классической войне, но без использования (или крайне ограниченного использования) вооружённых сил.

2. Критерием, в соответствии с которым классифицируются формы неклассических войн, выступают сетевые группы (протестные движения, иррегулярные парамилитарные формирования) – их наличие или отсутствие. К формам неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, в данном исследовании относятся, в частности, «цветные революции», «мятежевойна», гибридные войны, «сетевая война», «системно-сетевая война», «квазивойна». К формам неклассических войн, где не используются сетевые группы, относятся: информационные (информационно-психологические) войны;

когнитивные войны; ментальные войны; кибервойны; «венесуэльский прецедент»; неклассические войны, основанные на применении миграционного оружия. Выделяются формы неклассических войн смешанного типа. В зависимости от принадлежности к тому или иному типу международных акторов классифицируются субъекты неклассических войн. К субъектам неклассических войн относятся: государственные акторы; негосударственные акторы; субъекты смешанного типа (государственные и негосударственные акторы, действующие совместно для достижения общих целей).

3. Как показал «евромайдан» на Украине в 2013-2014 гг. и действия коллективного Запада после начала проведения специальной военной операции Вооруженными Силами Российской Федерации на Украине, методы и технологии неклассических войн представляют собой фундаментальную угрозу для национальной безопасности Российской Федерации. Особо опасными являются действия в информационно-психологической сфере, активация массивов экономических санкций, массовый заброс наёмников в зону конфликта и использование киевского режима, его войск и неонацистских формирований в прокси-войне против Вооруженных Сил Российской Федерации. Запад во главе с США стремится затянуть конфликт, нанести как можно больший военный урон российским войскам, синхронизировав данный результат с усилением санкционного прессинга для создания синергетического разрушительного воздействия на общественно-экономическую систему России.

4. Сформулированы три свойства неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп. Применение неклассической войны в форме «цветных революций», в которых применяются сетевые группы, в октябре 2019 года в Боливии привело к государственному перевороту и свержению Э. Моралеса. Движения «Black Lives Matter» и Antifa стали основным инструментом в технологии, близкой к «цветной революции», применённой в США политическими противниками Д. Трампа. К современным технологиям демонтажа политических режимов относятся: «венесуэльский прецедент» (2019 г.) – попытка устранения руководства Венесуэлы, когда один из лидеров местной

оппозиции Х. Гуайдо был признан США и их союзниками «президентом», всё имущество и доли в собственности правительства Венесуэлы на территории США были заблокированы, а сама попытка государственного переворота финансировалась за счёт «государства-мишени»; комбинированная технология демонтажа политического режима в Белоруссии. К особенностям современных типов «цветных революций» и комбинированных технологий демонтажа политических режимов относится использование управляемых протестных движений в виде аморфно-роевых групп, для организации которых не обязательно использование площадей («майданов»). Кроме того, применяется триггерный механизм активации широкомасштабных управляемых акций протеста, используемых в качестве основного инструмента демонтажа неудобного политического режима.

5. В неклассических войнах цели актора могут быть ограниченными, что продемонстрировали события в Гонконге (2019-2020 гг.). Организованные в Гонконге беспорядки в 2019 году являлись формой вневосточной «цветной революции», важнейшая цель которой состояла в принуждении Китая принять новую торговую сделку на невыгодных для него условиях, одновременно выступая и как элемент сдерживания инициативы «Один пояс – один путь». События в Гонконге продемонстрировали, что в отношении государства («объекта-мишени») с большой территорией возможна организация синхронно или последовательно инициируемых извне управляемых насильственных протестных движений сразу в нескольких регионах для создания разрушительного синергетического и кумулятивного воздействия на это государство в интересах внешнего актора.

6. Для системного противодействия средствам, методам, технологиям неклассических войн целесообразно: создание единой системы противодействия в информационно-психологической сфере; переход к проактивным действиям в информационно-психологической сфере для максимизации урона противнику при минимизации рисков для государственных и общественных институтов России; переход к стратегии не прямых действий; ставка на использование средств,

методов, технологий неклассических войн, которые позволят избежать рисков классической войны и достигнуть тех же политических целей, которые достигаются по результатам классической войны; привлечение других незападных государств, также стремящихся к сохранению своего суверенитета, для коалиционного противодействия средствам, методам, технологиям неклассических войн, применяемым коллективным Западом против них.

Теоретическая значимость результатов исследования определяется актуальностью темы и состоит в выявленных системообразующих признаках форм неклассических войн, которые базируются на использовании сетевых групп, технологии «венесуэльский прецедент». Сформулированы три свойства неклассических войн, основанных на применении сетевых групп. Вместе с тем исследования протестных событий в Белоруссии, Боливии, Венесуэле, Гонконге (Китай), Сирии, США, на Украине позволили существенно расширить представления о современных формах неклассических войн и применяемых в них технологиях. Кроме того, вскрыт механизм использования миграционных масс в качестве эффективного оружия (кризис в странах ЕС 2015-2016 гг.), за счёт использования которого возможно достижение стратегических целей (в первую очередь политических). Теоретические результаты диссертационного исследования позволили существенно расширить современные представления о формах, методах, технологиях неклассических войн.

Практическая значимость результатов исследования обусловлена возможностью их использования в деятельности федеральных органов государственной власти и компетентных ведомств, отвечающих за обеспечение национальной безопасности Российской Федерации по линии организации противодействия современным формам политической дестабилизации, деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия⁵², «цветных революций» и иных форм неклассических войн. Также результаты

---

⁵² Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2023. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 02.03.2023).

диссертационного исследования применимы в учебном процессе в высших учебных заведениях при подготовке специалистов по направлениям «политология», «конфликтология», «международные отношения», «международная безопасность», «национальная безопасность». Помимо этого, полученные результаты данного диссертационного исследования целесообразно использовать на курсах повышения квалификации для научных сотрудников научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений, сотрудников специальных служб, Министерства обороны и Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин.

7. Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Вызовы, риски, опасности и угрозы.

8. Международные кризисы и конфликты.

15. Демографические и миграционные процессы в международных отношениях и мировой политике.

17. Информационные, когнитивные, био- и другие новые технологии в международных отношениях и мировой политике.

19. Российская Федерация в системе международных отношений.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается обоснованностью и выверенностью теоретико-методологической базы исследования; использованием адекватных предмету, цели и задачам исследования методов; использованием надёжных и проверенных критериев

качественной оценки полученных результатов и выводов; опорой на верифицируемые научные источники информации.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова и рекомендована к защите. Материалы диссертации изложены в 23 научных публикациях, в том числе в 6 научных журналах, индексируемых в Web of Science, Scopus и RSCI, в 8 журналах, включенных в список научных изданий, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук, в 6 журналах, входящих в Перечень ВАК при Минобрнауки России, а также в 3 монографиях. Общий объем статей и монографий, опубликованных по теме диссертационного исследования, – 83,615 п.л. (доля соискателя – 35,01 п.л.). Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены на российских и международных конференциях, в т.ч. «Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России» (МГИМО, 16 сентября 2016 г.), Научно-практическая конференция «Теория и практика развития современных информационно-аналитических технологий и их применения в условиях цифровизации общества» (МГТУ им. Н.Э. Баумана, 4 декабря 2019 г.), круглый стол «Современный мир и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации» (Международный военно-технический форум «Армия-2021»), организованный Военной академией Генерального штаба ВС РФ, и др.

Глава I. Теоретические и методологические аспекты исследования современных неклассических войн

1.1. Неклассические войны как объект политологического анализа

В последние десятилетия международное сообщество столкнулось с угрозами, с которыми не справляется современная система международной безопасности, будучи не в состоянии их не только пресечь на подготовительной стадии, но и остановить в активной фазе. К угрозам подобного рода относятся такие явления, как «цветные революции», «гибридные войны», «сетевые войны», «управляемый хаос», «организационное оружие» и пр. Описываемые этими терминами явления таковы, что в силу своей природы и специфики их часто путают между собой, смешивают, что препятствует их адекватному исследованию. Прежде всего допускается ошибка, когда одним и тем же термином описываются разные феномены из-за их кажущегося сходства, но которые в действительности обладают серьезными отличиями. В других случаях наблюдается противоположная ситуация, когда при объяснении того или иного события, где наблюдаются признаки одного из вышеперечисленных явлений, разные авторы используют разные термины, что также добавляет серьезную путаницу и снижает качество исследований.

Дополнительно усугубляет ситуацию трудность в интерпретации воздействия перечисленных выше явлений, равно как и сложность их дифференциации между собой. Например, где заканчивается «цветная революция» и начинается гибридная война, есть ли между ними граница или же

их следует рассматривать единым целым, но как разные стадии одного и того же процесса, и пр. Однозначного ответа на эти вопросы всё ещё нет. В результате, возник комплекс терминов и понятий, часто используемых без должного понимания природы явлений, которые они должны описывать, приводя к дезориентации, отсутствию понимания исследуемого объекта, искажению выводов и т.п. Следовательно, целесообразно преодоление терминологической разрозненности, осложняющей исследования вышеперечисленных явлений.

В связи с существующим значительным количеством терминов и понятий, которыми обозначаются различные формы неклассических войн, далее будет приведён основной понятийный аппарат, используемый в данном исследовании.

«*Объект-мишень*» – государство, негосударственный субъект, наднациональный субъект, над которым агрессор пытается получить насильственный контроль.

Война – это акт насилия, цель которого состоит в том, чтобы заставить противника выполнить волю агрессора⁵³. Иными словами, агрессор стремится установить насильственный контроль в отношении «объекта-мишени». Полагаем, данное определение войны К. фон Клаузевица наиболее общее и ёмкое по сравнению, например, с определением Томаса Гоббса («война есть не только сражение или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения»⁵⁴); В.И. Ленина («война есть продолжение средствами насилия той политики, которые вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны»⁵⁵), поскольку в данном определении речь идёт только о государствах как о сторонах войны; Г.А. Леера («война является в виде одного из средств и притом крайнего средства в руках политики для достижения государственных целей»⁵⁶); определения в «Военном энциклопедическом словаре» («война – крайняя форма разрешения противоречий, характеризующаяся резкой сменой отношений между государствами, нациями и

⁵³ Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. – 458 с.

⁵⁴ Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.

⁵⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд., т. 27. – М.: Политиздат, 1969. С. 269.

⁵⁶ Леер Г.А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны. Часть 1. – СПб.: Печатня В. Головина, 1869. – 503 с.

др. субъектами политики и переходом к применению средств вооруженного и др. видов насилия для достижения социально-политических, экономических, идеологических, территориальных, национальных, этнических, религиозных и др. целей»⁵⁷).

Цель войны – добиться лучшего, хотя бы только с вашей точки зрения, состояния мира после войны⁵⁸. При этом политическая цель должна отвечать возможностям ведения военных действий⁵⁹. Страны ведут войну не ради самой войны, а ради достижения политической цели⁶⁰. Военная цель является только средством достижения политической цели.

Неинтервенционные элементы насильственного контроля (войны) – составляющие насильственного контроля, не относящиеся к применению собственно вооруженных сил⁶¹. К ним относятся: информационно-психологические операции (включая, информационные атаки и фейковые новости), кибероперации, экономическое давление, санкции, торговые войны, финансовые атаки, политико-дипломатическое агрессивное воздействие, применение сетевых групп, подрывная работа спецслужб, массовое использование некоммерческих и неправительственных организаций (НКО, НПО), работающих в интересах агрессора. Если в классической войне неинтервенционные элементы насильственного контроля выполняли второстепенную роль, то в неклассической войне их роль доминирующая. Такие явления как «цветные революции», гибридные войны, мятежевойна, системно-сетевая война и др. далее будут обозначаться как формы неклассических войн, поскольку во всех перечисленных случаях речь идёт об осуществлении насильственного контроля актором над «объектом-мишенью» в масштабах, соответствующих войне.

---

⁵⁷ Военный энциклопедический словарь / Под ред. Н.В. Огаркова. – М.: Воениздат, 1983. – 863 с.

⁵⁸ Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. – М.: АСТ, 2018. С. 476.

⁵⁹ Свечин А.А. Стратегия. – М.: Военный вестник, 1927. С. 37.

⁶⁰ Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. – М.: АСТ, 2018. С. 476.

⁶¹ Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 4. – С. 157-193.

Классическая война – интервенция⁶², в которой вооруженные силы (ВС) используются как главный инструмент в осуществлении насильственного контроля над «объектом-мишенью», а все остальные средства – неинтервенционные элементы насильственного контроля – играют второстепенную роль.

К классическим войнам относятся все войны, где основная ставка сделана на вооруженные силы, т.е. на основу военной организации государства (государственная военная организация). Речь идёт обо всех войнах, которые удовлетворяют данному условию. Например, войны раннего Нового времени, включая Тридцатилетнюю войну (1618-1648 гг.) и др., следует считать классическими, поскольку основная ставка в них была сделана на использование армий, будь то наёмных, набравшихся в случае войны, или профессиональных, находившихся на постоянном финансировании, т.е. независимых от реквизиций с захватываемых территорий. В целом, любые войны, где для достижения целей использовали в первую очередь прямую военную силу (т.е. с помощью армий), вне зависимости от исторической эпохи относятся к классическим, например: Пелопоннесская война, Пунические войны, войны Юстиниана I, Англо-французские войны XII в., Великая война (1409-1411 гг.), Столетняя война, Русско-литовские войны, Итальянские войны, Англо-голландские войны, Семилетняя война, Северная война, Наполеоновские войны, Крымская война, Опиумные войны, Русско-турецкие войны, Гражданская война в США, Англо-афганские войны, Первая мировая война, Гражданская война в России, Вторая мировая война, Шестидневная война, война во Вьетнаме, Ирано-иракская война, Югославские войны.

Неклассическая война – это вооружённый конфликт, в котором основным инструментом достижения военных целей выступают неинтервенционные элементы насильственного контроля.

Данный термин мы отличаем от термина «неконвенциональная война» (также используют термин «неконвенциональные военные действия») и его

---

⁶² В данном диссертационном исследовании под интервенцией понимается прямая военно-силовая агрессия.

синонимов – «нетрадиционная война» и «специальная война». Так, согласно определению в работе Д. Киллалена, данные термины означают примерно одно и то же: «операции специализированных сил для консультирования, помощи и сопровождения местных партнёров, ведущих боевые действия сопротивления против враждебного государства или оккупационных сил»⁶³. При этом Объединённый комитет начальников штабов ВС США определяет «неконвенциональные военные действия» как «действия, проводимые для того, чтобы дать возможность движению сопротивления или повстанцам принуждать, подрывать или свергать правительство или оккупационную власть, действуя через подпольные, вспомогательные и партизанские силы или с их участием в запретной зоне»⁶⁴.

Отметим, что определения термина «неконвенциональная война» отличаются между собой, равно как и их понимание. Некоторые авторы фактически не различают гибридные и неконвенциональные войны⁶⁵, а другие, напротив, под неконвенциональными войнами понимают ситуацию, когда явные боевые действия обеими сторонами не ведутся⁶⁶. Вместе с этим в некоторых документах и статьях⁶⁷ под неконвенциональной войной (военными действиями) понимается война с использованием оружия массового поражения (ОМП), например, ядерного или химического. В таком случае даже Первую и Вторую мировые войны можно отнести к неконвенциональным, т.к. тогда применялось химическое и ядерное оружие соответственно. Таким образом, «неконвенциональность» может относиться как к классической, так и к

---

⁶³ Kilcullen D. The Evolution of Unconventional Warfare // *Scandinavian Journal of Military Studies*. – 2019. – V. 2. № 1 – P. 61-71.

⁶⁴ Department of Defense dictionary of military and associated terms. Joint publication 1-02 [Электронный ресурс] // Joint Chiefs of Staff [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://apps.dtic.mil/docs/citations/AD1004650> (дата обращения: 21.11.2022).

⁶⁵ Korybko A. Hybrid Wars: The Indirect Adaptive Approach To Regime Change. – Moscow: People's Friendship University of Russia, 2015. – 174 p.

⁶⁶ Савин Л. Гибридная война. Об истоках концепции // Институт высокого коммунитаризма [сайт]. 2015. URL: https://communitarian.ru/posts/setevye_voyny_i_tekhnologii/gibridnaya_voyna_28022015 (дата обращения: 21.11.2022).

⁶⁷ Klingman A., Goldstein Z. Adolescents' response to unconventional war threat prior to the gulf war // *Death Studies*. – 1994. – V. 18. № 1. – P. 75-82; Unclassified Report to Congress on the Acquisition of Technology Relating to Weapons of Mass Destruction and Advanced Conventional Munitions [Электронный ресурс] // Office of the Director of National Intelligence [Официальный сайт]. 2006. P. 9. URL: https://www.odni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/Acquisition_Technology_Report_030308.pdf (дата обращения: 24.11.2022).

неклассической войне. Если понимать неконвенциональную войну в узком смысле (поддержка повстанцев и осуществление контрповстанческих мероприятий), то, в случае, если данные действия не предполагают масштабного применения ВС, т.е. прямого масштабного военно-силового участия государства, её следует отнести к использованию отдельных средств, методов и технологий неклассических войн (их частный случай).

Таким образом, учитывая различия в определениях термина «неконвенциональная война», а также то, что неконвенциональными могут быть и классические войны, где ставка сделана на прямую военно-силовую составляющую, мы полагаем, что термины «классическая/неклассическая война» и «конвенциональная/неконвенциональная война» следует различать. В данном диссертационном исследовании неклассические войны отличаются от классических войн прежде всего тем, что ВС (прямая военно-силовая составляющая) не используются или используются весьма ограниченно в качестве ключевого инструмента для достижения целей.

Для того чтобы показать отличия современных неклассических войн от классических войн, приведём пример колониальных войн XIX в. Последние относятся к классическим войнам, хотя в некоторых из них присутствовали признаки и элементы неклассических войн. Например, «Большая игра» – противостояние Российской и Британской империй – включала в себя такие признаки, поскольку в ней особо активно использовалась разведывательная деятельность и широкомасштабное применение информационных кампаний, являющихся прообразом современной информационно-психологической войны – неотъемлемой составляющей современных неклассических войн. Однако в колониальных войнах ключевую роль играло использование ВС (например, британские экспедиционные войска в Опиумных войнах). Вместе с этим отметим, что к ключевым отличиям современных неклассических войн от классических (в т.ч. колониальных войн XIX в.) относится либо полный отказ актора от использования собственных вооруженных сил (т.е. прямой военной силы), либо весьма ограниченное их использование (применение в отдельных случаях сил

спецопераций, единичные точечные ракетные удары и т.п.). Кроме того, в неклассических войнах критически важен информационный фактор (связь, объединение источников информации, т.е. разведки, доступ к достоверной информации в реальном времени, оперативный обмен информацией, самосинхронизация, сетецентричность, координация, информационно-психологические и кибер-операции, пр.), что отличает их от колониальных и других войн прошлого. Так, П.А. Цыганков отмечает, что гибридная война (которая в данном диссертационном исследовании относится к неклассическим войнам) имеет отличия от прочих вооруженных конфликтов, а именно тем, что она основана в большей степени не на применении силы, а на использовании информации⁶⁸.

Наконец, в прошлом не существовало технологий организации протестных движений и иррегулярных формирований, которые появились в новейшее время и которые активно применяются в современных неклассических войнах. Отметим, что в некоторых войнах XVI в. – первой половины XX в. наблюдались зачатки применения методов и технологий неклассических войн, однако организационно-технологический уровень того времени не позволял заменить ими прямую военную силу, поэтому предшественники методов и технологий неклассических войн в то время выполняли вспомогательную функцию.

Информационная война – вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме операций с применением информационного оружия. Структурно современная информационная война состоит из последовательности операций, объединенных единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия. Информационная война является одним из неинтервенционных элементов насильственного контроля, который может применяться как в увязке с другими неинтервенционными элементами, так и независимо от них.

---

⁶⁸ Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 253-258.

Другим важным элементом насильственного контроля являются *сетевые группы* – протестные движения или иррегулярные военизированные формирования, используемые в качестве основного инструмента демонтажа политического режима/государства в ряде форм неклассических войн («цветные революции», гибридные войны и пр.).

Под «*цветными революциями*» мы понимаем технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения⁶⁹. «Цветные революции» являются одной из форм неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп.

Синергия – это превышение результата деятельности системы над арифметической суммой результатов элементов системы, действующих по отдельности.

Под *технологией* мы понимаем систему операций и процедур, выполняемых управляющим контуром в определенной последовательности с использованием необходимых для этого методов и технических средств.

Сформулируем определение *оружия*, которым будем оперировать в дальнейшем. Согласно дефиниции в УК РФ, оружие – это устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов⁷⁰. Однако под данное определение подпадает даже мухобойка или мышеловка, т.е. термин «оружие» имеет довольно узкое толкование. Оружием в широком смысле может быть не только устройство или предмет. Если давать дефиницию для международных отношений, то *оружие* – это совокупность технических средств, способов, методов и технологий, предназначенных для получения насильственного контроля над «объектом-мишенью» в интересах того

⁶⁹ Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 1-19.

⁷⁰ Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии». Статья 1. [Принят Государственной Думой 13 ноября 1996 года] // Президент России [Официальный сайт]. 1996. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10364> (дата обращения: 01.03.2022).

актора, который его применяет⁷¹. Данное определение оружия отличается от определения в УК РФ и имеет более широкий смысл.

Отметим, что принуждение (осуществление насильственного контроля над «объектами-мишенями») при использовании средств, методов и технологий неклассических войн связано во многом не только с прямым насилием, но и с такими формами насилия, как структурное и культурное, концепцию которых разработал Йохан Галтунг⁷². Под структурным насилием Й. Галтунг понимал санкционированную обществом систему эксплуатации. Например, такое насилие включает манипуляцию сознанием, ограничение информации, а также социальную несправедливость в распределении ресурсов, неравные возможности, маргинализацию, разобщение и пр. При этом самым важным отличием структурного насилия от прямого Й. Галтунг считает то, что оно оказывает косвенное воздействие, например, через общественные институты, и уже вследствие этого не осознается объектами воздействия – индивидами и социальными группами, испытывающими на себе влияние структурного насилия. Некоторые исследователи интерпретируют структурное насилие как целенаправленное создание определенных условий или структур, ущемляющих потребности и интересы людей⁷³. В соответствии с Й. Галтунгом, основная опасность структурного насилия состоит в том, что оно не осознаётся как насилие, рассматриваясь объектом его воздействия как естественное положение дел. От прямого насилия структурное отличается стабильностью и статичностью.

Кроме прямого и структурного насилия, Й. Галтунг выделяет культурное насилие, включающее «те аспекты культуры, символической сферы нашего существования, представленной религией и идеологией, языком и искусством, эмпирической и формальной наукой, т.е. логикой и математикой, которые могут использоваться для оправдания прямого и структурного насилия как законного»⁷⁴.

---

⁷¹ Данное определение было сформулировано в работе: Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 4. – С. 157-193.

⁷² Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. – 1969. – V.6. № 3. – P. 167-191.

⁷³ Сидоренко И.Н. Конфликтологический подход к сущности социального насилия как деструкции // Труды БГТУ. Серия 6. – 2018. – № 1. – С. 96-100.

⁷⁴ См.: Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // Journal of Peace Research. – 1969. – V.6. № 3. – P. 167-191.

Согласно концепции Й. Галтунга, культурное насилие создает условия для проявления структурного, которое, в свою очередь, является основой для прямого насилия, выражаемого в действиях, существенно осложняющих или делающих невозможным удовлетворение важнейших потребностей человека – выживания, благополучия, свободы, идентичности. Примером может служить запрет русского языка в ряде государств, подвергшихся применению методов и технологий неклассических войн.

Воздействие на «объект-мишень» в формах неклассических войн, в которых основная ставка сделана на информационно-психологическое влияние на элиты и население «объекта-мишени» (государства), укладывается в концепцию Й. Галтунга. С помощью средств, методов и технологий неклассических войн на начальных этапах применяется культурное насилие, создающее условия уже для структурного и, при необходимости, прямого насилия в отношении неугодного политического режима, как это происходило в «цветных революциях», рассматриваемых в данном диссертационном исследовании как форма неклассических войн (особенно примечателен в этом отношении пример Украины). Когда культурного и структурного насилия оказывается недостаточно, тогда подготовленные ими условия используются для применения прямого насилия (через протестные группы, включая насильственные, а также парамилитарные формирования из числа местных и экзогенных радикалов, экстремистов, террористов, представителей преступных сообществ). Более того, культурное насилие, осуществляемое средствами и методами неклассических войн, создает условия, чтобы последующие структурная и прямая формы насилия представлялись в виде справедливых акций (например, как восстание масс против диктатуры, за права человека, против коррупции, за свободу слова и т.п.). Таким способом сам актер, осуществляющий воздействие на «объект-мишень» в той или иной форме неклассических войн, и его подлинные цели камуфлируются и представляются для внешних наблюдателей (отдельных лиц, государств, международных институтов) как проявление народной воли, восстание против угнетения диктаторскими режимами, за справедливость и т.д. Такой подход

расширяет возможности актора (нападающей стороны) для достижения тех же целей, которые возможно достичь по результатам классической войны, т.е. через преимущественно прямое насилие с помощью военно-силовых средств и методов, в которых основная ставка делается на использование ВС. Иными словами, такие формы насилия возникают не только из-за наличия внутренних причин в «объектах-мишенях», но могут быть и следствием согласованного применения внешним актором средств, методов и технологий неклассических войн для достижения военно-политических целей.

Эволюция представлений о современных формах неклассических войн (более ранние формы неклассических войн, например, практика информационно-психологического воздействия 1914-1945 гг. и первых послевоенных лет, в данной работе не рассматриваются; более подробно указанный период описан в диссертационном исследовании Курилкина А.В.⁷⁵) в данной работе разделена на три этапа: ранний (1960–1980-е гг.), средний (начало 1990-х гг. – конец 2000-х гг.) и современный (начало 2010-х гг. – настоящее время). Отметим, что сам термин «неклассические войны» появился уже на современном этапе, однако к неклассическим войнам относят целый ряд явлений, включая «цветные революции», «мятежевойну», гибридные войны, сетцентрические войны (военные действия). В рамках данного исследования целесообразно проследить эволюционный путь представлений об этих явлениях.

Ранний этап

Предшественником концепции гибридных войн (а также «войн четвертого поколения») можно назвать концепцию «мятежевойны», выдвинутую офицером российского Генерального штаба Е.Э. Месснером в 1960 году, который считал, что «следует отказаться от веками установившихся понятий о войне». По его мнению, «надо перестать думать, что война – это когда воюют, а мир – когда не воюют»⁷⁶, а сама мятежевойна – «воевание в стиле мятежа». Е.Э. Месснер

---

⁷⁵ Курилкин А.В. Информационные и кибернетические операции как инструмент реализации внешней политики: формы, методы, технологии дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2021. – 207 с.

⁷⁶ Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / Под ред. В.И. Марченкова. – М.: Военный университет, Русский Путь, 2005. – 696 с.

отмечал, что мятежевойна является войной еретической, психологической, низменной, ожесточенной и даже апокалипсической. Вместе с этим воюют и регулярным войском, лишившимся, по мнению Е.Э. Месснера, военной монополии, и иррегулярной силой, которая стала мощным фактором войны. Используются партизаны, диверсанты, террористы и пропагандисты. В такой войне воюют и явно и тайно, непрерывно или при удобном случае, а её субъекты пользуются всеми видами оружия. Кроме того, задействуется и другое оружие: агрессодипломатия, оружие-порнография, нефть-оружие, оружие-наркотики, оружие – промывание мозгов. Е.Э. Месснер отмечает, что террор и партизанство являются главным оружием в подобных войнах, а террор, будучи и войной, и военной стратегией, становится безграничным. Современные представления о гибридной войне очень схожи с тем, что описывал Е.Э. Месснер в своей концепции мятежевойны.

Одним из первых, кто выстроил базис под смену неугодных режимов, являлся Дж. Шарп. Так, в своей докторской диссертации «Ненасильственные действия: изучение контроля над политической властью»⁷⁷ (защищена в 1968 г.) Дж. Шарп фактически описал прообраз технологий организации «цветных революций». Данная работа легла в основу другой известной работы Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии. Концептуальные основы освобождения»⁷⁸, где был представлен перечень из 198 пунктов, в которых детально раскрывалась стратегия борьбы с неугодной государственной властью. Разработанные Дж. Шарпом методики лежали в основе многих переворотов, включая «бульдозерную революцию» в Сербии (2000 г.), «жасминовую революцию» в Грузии (2003 г.), «оранжевую революцию» 2004-2005 гг. на Украине и др.

В 1968 г. бывший советник Р. Рейгана, специалист по международным отношениям и военной стратегии Э. Люттвак опубликовал работу «Государственный переворот, практическое пособие»⁷⁹, в которой среди

---

⁷⁷ Sharp G. The politics of nonviolent action: a study in the control of political power: doctoral dissertation. – University of Oxford, 1968.

⁷⁸ Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издательство, 2012. – 84 с.

⁷⁹ Luttwak E. Coup d'État: A Practical Handbook. – Harvard University Press, 1968. – 210 p.

насильственных методов смены власти выделил революцию, гражданскую войну, пронунсиаменто, путч, освобождение, национально-освободительную войну, повстанческое движение, а также государственный переворот. По мнению Э. Люттвака, государственный переворот состоит в проникновении в государственный аппарат небольшой критически настроенной группы, которая использует его, чтобы устранить правительство от контроля над оставшейся частью госаппарата⁸⁰. По мнению исследователя, государственный переворот включает в себя некоторые элементы упомянутых выше форм, с помощью которых можно захватить власть, однако, в отличие от них, не всегда полагается на помощь народных масс или на силу армии.

Позже, в конце 1980-х годов, исследователями была введена концепция «войны четвертого поколения» (точнее «военных действий 4-го поколения», The 4-th Generation Warfare или 4GW). Её авторами являются У. Линд и четыре американских офицера – К. Найтингэйл, Дж. Шмитт, Дж. Саттон и Г. Уилсон⁸¹. Среди основных характеристик 4GW авторы выделили:

- отсутствие стратегического тыла;
- всё общество противника представляет собой поле боя;
- отсутствие различий между миром и войной (либо размытость границ между ними);
- война ведётся мелкими группами комбатантов или подразделениями;
- кардинально возрастает значение манёвренности и мобильности;
- отсутствие различий между фронтом и тылом;
- важность при выборе «стратегических центров тяжести» противника;
- применение новых технологий вплоть до того, что несколько солдат по своей эффективности стали бы сопоставимы с целой бригадой;
- внедрение систем дистанционного управления, робототехники, искусственного интеллекта, новейших средств связи способно кардинально изменить ведение военных действий;

⁸⁰ Ibid. P. 12.

⁸¹ Lind W. et al. The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette. – 1989. – № 73. – P. 22-26.

- диффузия понятий тактики и стратегии, а также обороны и нападения в их нынешнем понимании;
- приоритет политическим и культурным целям противника, а не только исключительно военным;
- снижение зависимости от логистической поддержки;
- массированное использование психологических операций, целью которых станет гражданское население, оказывающее поддержку собственному военно-политическому руководству (информационно-психологический террор и иные формы психологических операций становятся определяющими на оперативном и стратегическом уровнях).

Данная концепция получила дальнейшее развитие⁸² и фактически предвосхитила концепцию гибридной войны.

В период раннего этапа был введен термин «информационная война» (Information Warfare), который появился в докладе Томаса П. Рона «Системы вооружения и информационная война»⁸³ в 1976 году. Автор доклада первым обратил внимание на то, что информационная инфраструктура, становившаяся всё более значимым сектором экономики США, является и одной из самых уязвимых его частей, т.е. «под информационной войной» Т.П. Рона понимал уязвимость киберинфраструктуры, поэтому корректнее говорить о самом первом концепте «кибервойны»⁸⁴. Тем не менее понятие «информационная война» впервые вошло в американский научный дискурс. Впоследствии, в 1990-х гг., произошёл пересмотр терминов, когда были зафиксированы концепты «информационной» и «кибернетической» войны.

---

⁸² Wilcox G., Wilson G. Military Response to Fourth Generation Warfare in Afghanistan [Электронный ресурс] // Indian Strategic Knowledge on Line. 2002. URL: <https://indianstrategicknowledgeonline.com/web/4Th%20GENERATION%20WARFARE%20IN%20AFGANISTAN.pdf> (дата обращения: 24.11.2022).

⁸³ Rona T. Weapon systems and information War. – Washington: Boeing Aerospace Company, 1976. – 27 p.

⁸⁴ Курилкин А.В. Информационные и кибернетические операции как инструмент реализации внешней политики: формы, методы, технологии дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2021. – 207 с.

Средний этап

Специалист по международным отношениям и политолог Дж. С. Най ввёл в оборот термин «мягкая сила» («soft power») ⁸⁵. В задачу «мягкой силы» входило навязывание «объекту-мишени» (государству) ценностей и политической модели Запада без необходимости использовать прямую военную силу. В последующем «мягкую силу» стали рассматривать в качестве комплекса специальных инструментов и технологий, задача которых состоит в обеспечении скрытого контроля сознания граждан государства, включая представителей его власти.

Позже, на рубеже 1990-х и 2000-х годов и особенно в нулевых годах, происходит качественный скачок в технологиях демонтажа неугодных политических режимов, а вместе с этим появляются научные работы, в которых авторы пытаются дать объяснение наблюдаемым явлениям. В частности, после нескольких «цветных революций» на постсоветском пространстве (Грузия, Украина, Киргизия) отечественный исследователь С.Г. Кара-Мурза пришёл к выводу, что «к концу 1980-х гг. в политической практике США и их союзников была выработана и опробована новая технология целенаправленной дестабилизации и смены власти в самых разных странах без прямого насилия (так называемые "бархатные революции") или с минимальным использованием насилия» ⁸⁶. Другой исследователь Дж. Лафленд пришёл к выводу, что «в США продвижение демократии рассматривается как важный элемент общей стратегии национальной безопасности в рамках официальной политики. [...] Однако, у всех вышеперечисленных операций [по демократизации] есть общая черта: они предполагают вмешательство (зачастую довольно грубое) западных держав, в особенности США, в политические процессы в других государствах, и это вмешательство очень часто используется для достижения основной революционной задачи – для смены правящего режима» ⁸⁷, означающее, что под видом демократии осуществляется государственный переворот и перехват управления над государством («объектом-мишенью»).

⁸⁵ Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York: Basic Books, 1990. – 307 p.

⁸⁶ Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – 143 с.

⁸⁷ Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н. А. Нарочницкая. – СПб.: Алтея, 2008. С. 23-38.

В 90-е годы прошлого века в США активно стали использовать термин «информационная война» (или военные действия, Information Warfare). Так, министерство обороны США опубликовало доктрину под названием «Joint Pub 3-13.1 Doctrine for Command and Control Warfare», в которой информационная война определялась как «комплексное использование безопасности операций, военного обмана, психологических операций, радиоэлектронной борьбы и физического уничтожения, взаимно поддерживаемых разведкой, для того, чтобы блокировать информацию, влиять, ухудшать или уничтожать возможности управления и контроля противника, при этом защищая свои возможности управления и контроля против таких действий»⁸⁸. Позже данный документ дополнялся новыми, каждый из которых резюмировал и дополнял тезисы предыдущих, формируя цельную концепцию информационной войны в военной доктрине. Эти документы рассматривают информационную войну с организационной точки зрения, представляя её как объединённые усилия групп, работающих по определённому ряду направлений с целью сервисного обеспечения идущего конфликта, подготовки к нему на этапе мира или кризиса и поддержки на этапе вооруженного столкновения⁸⁹. В издании Joint Doctrine for Information Operations (Joint Pub 3-13) от 1998 г. активно используется термин «психологические операции»⁹⁰ (psychological operations, PSYOP) – действия по донесению выбранной информации и индикаторов до зарубежной аудитории. Они предназначены для воздействия на эмоции, мотивы, рассуждения и, в конечном счёте, на поведение иностранных правительств, организаций, групп и отдельных лиц⁹¹. Позже, в 2010-х гг., термин PSYOP был переименован в Military Information Support Operation (MISO), т.е. «военно-информационная поддержка операций», но в 2017 году

---

⁸⁸ Joint Pub 3-13.1. Command and Control Warfare [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. 1996. URL: https://www.bits.de/NRANEU/others/jp-doctrine/jp3_13_1.pdf (дата обращения: 02.03.2022).

⁸⁹ В частности, в издании «Joint Publication for Information Operations 3-13» от 2006 г. См.: Joint Publication 3-13 Information Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff. 2006. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=461648> (дата обращения: 02.03.2022).

⁹⁰ Отметим, что термин «психологическая операция», а также схожие и связанные с ним понятия появились в американских руководящих документах ещё в 1949 г. См.: Psychological Warfare in Combat Operations: Field Manual 33-5 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Army. 1949. URL: <https://zlibrary.to/pdfs/fm-33-5-psychological-warfare-in-combat-operations-pdf> (дата обращения: 17.03.2023).

⁹¹ Joint Doctrine for Information Operations. Joint Publication 3-13 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff. 1998. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (дата обращения: 02.03.2022).

термин был снова переименован в PSYOP. Согласно американским доктринальным документам, PSYOP выступают частью информационных операций.

В России на официальном уровне информационная война впервые упоминается в принятой в 1997 году Концепции национальной безопасности, где отмечается, что «серьезную опасность представляют собой стремление ряда стран к доминированию в мировом информационном пространстве [...] разработка рядом государств концепции информационных войн, предусматривающей создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира»⁹². Позже термин «информационная война» получил более глубокое и расширенное определение.

В начале XXI века активно исследуется кибервойна (cyberwar/cyberwarfare). В частности, в 2001 году Л. Алфорд определил кибервойну как «любое действие, направленное на то, чтобы заставить противника выполнить нашу национальную волю, выполненное против программного обеспечения, контролирующего процессы в системе противника»⁹³. В США вопросы обеспечения кибербезопасности постепенно вышли на уровень национальной стратегии. Так, в 2003 году был опубликован документ под названием «Национальная стратегия по защите киберпространства», в котором предлагался интегрированный подход в обеспечении защиты киберпространства⁹⁴, а уже позже, в 2008 году, была принята «Всеобъемлющая национальная инициатива кибербезопасности»⁹⁵, чья цель состояла в устранении накопившихся к тому времени проблем в обеспечении кибербезопасности. Таким образом, кибервойна стала неотъемлемой частью всего спектра конфликтов, происходя в киберпространстве. Отметим, что кибервойна

---

⁹² Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2000. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782/page/2> (дата обращения: 02.03.2022).

⁹³ Alford L. Cyber warfare: A new doctrine and taxonomy // The Journal of Defense Software Engineering. – 2001. – V. 14. №. 4. – P. 27-30.

⁹⁴ The National Strategy to Security Cyberspace [Электронный ресурс] // The Cybersecurity and Infrastructure Security Agency. U.S. Department of Homeland Security. [Официальный сайт]. 2003. URL: https://www.cisa.gov/uscert/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

⁹⁵ The Comprehensive National Cybersecurity Initiative [Электронный ресурс] // The White House. [Официальный сайт]. 2010. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/issues/foreign-policy/cybersecurity/national-initiative> (дата обращения: 03.03.2022).

(как и информационная война) является одним из неинтервенционных элементов насильственного контроля, который может применяться как в увязке с другими неинтервенционными элементами, так и независимо от них.

В нулевых годах подполковником Корпуса морской пехоты США Ф. Хоффманом была сформулирована концепция гибридной войны. В опубликованной им работе «Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars»⁹⁶ (2007 г.) автор отмечает, что гибридные войны включают в себя целый спектр различных режимов ведения войны: конвенциональные силы и средства; нетрадиционная тактика и формирования; террористические акты (например, неизбирательное насилие и криминальные беспорядки). Гибридные войны, по мнению Ф. Хоффмана, могут осуществляться государствами или политическими группами. Развивая идеи Ф. Хоффмана, другой исследователь Дж. МакКуин⁹⁷ отмечает, что гибридная война включает в себя полный спектр сил и средств в двух измерениях: физическом и концептуальном. Если под физическим измерением Дж. МакКуином понимается вооруженное противостояние, то под концептуальным измерением имеются ввиду психологические операции.

Отдельно следует отметить появление на Западе теории сетецентрических войн (точнее – военных действий, Network-Centric Warfare), авторами которой являются А. Себровски и Дж. Гарстка⁹⁸. Исследователи считали, что в современную эпоху происходит фундаментальный переход от того, что называется платформенно-ориентированной войной к тому, что теперь называют сетецентрической войной⁹⁹ (СЦВ, а также сетецентрические операции – СЦО, т.е. применение принципов СЦВ в конфликте). В другой работе этих авторов отмечается, что «СЦВ касается человеческого и организационного поведения», базируясь на новом сетецентричном способе мышления и применяя его «к военным операциям». Сами СЦВ, по мнению авторов, фокусируются на боевой

---

⁹⁶ См. Hoffman F. Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars. – Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. – 72 p.

⁹⁷ См. McCuen J. Hybrid Wars // Military Review. – 2008. – V. 88. № 2. – P. 107-113.

⁹⁸ Cebrowski A., Garstka J. Network Centric Warfare: Its Origin and Future // Proceedings of the Naval Institute. – 1998. – V. 124. № 1. – P. 28-35.

⁹⁹ Ibid.

мощи, которая может быть получена через «эффективное соединение или объединение в сеть активности подразделений и частей, ведущих боевые действия». СЦВ обладают особенностью, когда географически распределённые силы создают высокий уровень обмена совместной осведомленностью о пространстве боя, «который может быть использован через самосинхронизацию и другие сетевые операции для выполнения намерений командования»¹⁰⁰.

Основными принципами СЦВ/СЦО являются:

1) надёжные сетевые силы, улучшающие обмен и совместное использование информации;

2) совместное использование информации и обмен способствуют повышению качества информации, а вместе с тем приводят к улучшению обмена ситуационной осведомленностью;

3) обмен ситуационной осведомленностью делает возможным взаимодействие и координацию, самосинхронизацию, а также ведет к повышению устойчивости и скорости командования¹⁰¹.

Однако у концепции СЦВ/СЦО есть и критики. Так, они заявляют об отсутствии правильного определения СЦО, а полученные экспериментальные данные в равной степени поддерживают несколько альтернативных объяснений потенциально улучшенной производительности с сетью¹⁰². Отметим, что схожие

¹⁰⁰ Alberts D., Garstka J., Stein F. Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority. Second edition (revised). Washington, DC: Department of Defense. Command and Control Research Program (CCRP) [Электронный ресурс] // Department of Defense. Command and Control Research Program (CCRP) [Официальный сайт]. 2000. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_NCW.pdf (дата обращения: 03.03.2022). Также см.: Alberts D. Information Age Transformation: Getting to a 21st Century Military. Washington, DC: Department of Defense Command and Control Research Program (CCRP) [Электронный ресурс] // Department of Defense Command and Control Research Program (CCRP) [Официальный сайт]. 2002. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_IAT.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

¹⁰¹ Network Centric Warfare [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense Report to Congress, Washington, DC: U.S. Government Printing Office [Официальный сайт]. 2001. URL: http://www.defenselink.mil/nii/ncw/ncw_main.pdf (дата обращения: 03.03.2022). Также о принципах СЦВ/СЦО см.: Alberts D., Hayes R. Power to the Edge: Command and Control in the Information Age. – Washington, DC: CCRP Publication Series. 2003 – 11 p.; Daniel G. et al. Network-Centric Operations Case Study: The Stryker Brigade Combat Team. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2005. – 137 p.; Gherman L. Warfare in the Information Age // Journal of Defense Resources Management. – 2010. – V. 1. № 1. – P. 101-106; Moffat J. Complexity Theory and Network Centric Warfare. – Washington, DC: Do Command and Control Research Program, 2003. – 160 p.

¹⁰² Wilson C. Network Centric Operations: Background and Oversight Issues for Congress [Электронный ресурс] // CRS Report for Congress. 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/235121618_Network_Centric_Operations_Background_and_Oversight_Issues_for_Congress (дата обращения: 03.03.2022).

концепции существуют, например, и в Великобритании¹⁰³. В целом, концепция СЦВ/СЦО получила широкое распространение в военной среде и научном сообществе.

Активное использование НПО и НКО с их филиалами ряд исследователей стали считать частью используемой в качестве элементов разветвлённой сети¹⁰⁴, которые использовались наравне с другими элементами неклассических войн – информационными операциями, протестными группами, экономическими санкциями, подрывной работой спецслужб и т.п. По мнению некоторых исследователей, против таких сетевых технологий существующие системы защиты зачастую слабо эффективны или неэффективны. Так, говоря о ведомствах, отвечающих за противодействие подобной агрессии, А.Г. Дугин ещё в 2005 году отмечал, что спецслужбы, политические институты, системы обороны, а также силовые министерства и ведомства концептуально остаются в рамках стратегий прошлого, а именно «эпохи модерна, индустриального общества»¹⁰⁵. По его мнению, подобные структуры не способны не только эффективно справиться «с вызовом постмодернистских сетевых технологий, но и корректно распознать сам факт их применения», а задействованные сетевые технологии «слишком тонки и рафинированы» для достаточно устаревших систем функционирования спецслужб, которые «беззащитны и совершенно неэффективны» против системных действий со стороны США¹⁰⁶. Справедливости ради стоит отметить, что за прошедшее с того момента время «объекты-мишени» сумели найти некоторые меры противодействия, что показали примеры Венесуэлы (в 2019-2020 гг.) и Белоруссии (в 2020 г.). Однако А.Г. Дугин точно описал суть методов и технологий неклассических войн, позволяющих обходить

---

¹⁰³ Meiter J. Network Enabled Capability: A Theory Desperately in Need of Doctrine // Defence Studies. – 2006. – V. 6. № 2. – P. 189-214.

¹⁰⁴ Ганнова О.С. Сетевая война: сущность и содержание // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 5. – С. 337-341. Кроме того, действия НПО как «роевых сетей» исследовали и зарубежные специалисты. См: Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy [Электронный ресурс] // RAND Corporation [Официальный сайт]. 2001. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1382.htm (дата обращения: 04.03.2022).

¹⁰⁵ Дугин А.Г. Мир охвачен сетевыми войнами [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. 2005. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2005-11-25/4_netwars.html (дата обращения: 04.03.2022).

¹⁰⁶ Там же.

системы международной безопасности вместе с системой национальной безопасности «объекта-мишени».

В начале нулевых годов В.И. Слипченко в своей работе «Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего»¹⁰⁷ выделил семь поколений войны. Нынешний этап он относит к войнам шестого поколения, которым свойственно:

- применение космической разведки и высокоточного оружия;
- использование психологического подавления противника;
- создание «пятой колонны» под видом оппозиционеров или демократических сил;
- удары высокоточным оружием;
- осуществление наземных операций.

Главная цель в войне шестого поколения – разгром экономического потенциала «объекта-мишени» и свержение политического строя.

Одним из важнейших моментов среднего этапа эволюции и представлений о неклассических войнах стал переход к принципиально новым подходам в деле насильственного контроля, осуществляемого над «объектом-мишенью», когда прямая война несла в себе неприемлемые риски, в т.ч. в условиях интенсивной глобализации и взаимозависимости мировой экономики и политики.

Остановимся подробнее на этом аспекте. Ситуация современности отчасти похожа на ситуацию XVI-XVII вв., хотя уровень взаимозависимости и взаимосвязанности (глобализации) тогда был ниже. Кроме того, фактор глобализации в нынешнее время дополняется наличием ОМП и стратегического неядерного вооружения, а также революцией в сфере информационно-коммуникационных технологий, рефлексивного управления, других средств и методов войны. Эти факторы в данном диссертационном исследовании рассматриваются неразрывно друг от друга – т.е. представляются комплексом факторов, формирующих условия для использования альтернативы прямой

---

¹⁰⁷ Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. – М.: Вече, 2002. – 384 с.

военной силы, а именно – средств, методов и технологий неклассических войн. В этом состоит одно из важных отличий от ситуации, например, Нового времени.

С одной стороны, в XVI – XVII вв. не было указанного комплекса факторов. С другой стороны, в то время отсутствовали нынешние методы, средства и технологии, с помощью которых можно было добиваться целей, сопоставимых с теми целями, которых возможно добиться с использованием прямой военной силы. Отсутствовали современные знания и технологии информационно-психологического воздействия, сетевые (сетцентрические), когнитивные и организационные технологии (включая управление насильственными протестными движениями или применение иррегулярных формирований на новых организационных принципах, что было показано, в частности, в работах И.М. Попова и М.М. Хамзатова на примере Сирии¹⁰⁸, а также в работах А. Себровски и Дж. Гарстка в теории СЦВ¹⁰⁹). Однако схожесть современного этапа с некоторыми предыдущими эпохами всё же присутствует. Так, в настоящее время вновь получили распространение «частные войны» (с привлечением частных военных компаний и других негосударственных акторов). Подобные конфликты (войны) велись, например, и в Средние века, и в Новое время относительно небольшими войсковыми группами, которые упрощённо можно представить как аналог и предшественник современных ячеек сетей, отрядов сопротивления, партизанских движений и т.п., но в то же время ставить знак равенства между ними нельзя. Как уже было ранее сказано, отличие заключается в средствах, методах и технологиях организации подобных военных (военизированных) групп, что особенно связано с отсутствием в более ранние эпохи необходимых информационно-коммуникационных и сетевых технологий, а также технологий рефлексивного управления и организационного поведения.

Далее, в прошедшие исторические эпохи войны, осуществляемые даже сравнительно небольшими группами, всё же являлись действиями государств

---

¹⁰⁸ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. – 832 с.

¹⁰⁹ Cebrowski A., Garstka J. Network Centric Warfare: Its Origin and Future // Proceedings of the Naval Institute. – 1998. – V. 124. № 1. – P. 28-35.

(или отдельных феодалов) с помощью именно армий (ВС) того времени. Поэтому государство или феодал использовали военную силу прямо или опосредованно, т.е. зависимых акторов (феодалов), которые были аналогами современных прокси-структур (государственных или негосударственных акторов). В частности, подобные действия были характерны для Людовика XIV. Однако в современную эпоху в высшей степени важна информационная составляющая, которой в прошлом не уделялось и не могло уделяться столь же существенного внимания, как сейчас. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), сетевые технологии, а также технологии рефлексивного управления и организационного поведения (подробнее об этом будет сказано в параграфе 1.2) позволили не только влиять на когнитивную сферу «объекта-мишени», но и использовать против него террористов, партизан, повстанцев и криминальные элементы наряду с наёмниками. При этом указанные негосударственные насильственные акторы не встроены в систему ВС современных государств. Сами ВС могут не принимать и чаще всего не принимают непосредственного участия в военных действиях вместе с перечисленными акторами (исключение составляют наёмники, но их применение ограничено). Через использование иррегулярных формирований как основного инструмента в конфликте актор в состоянии достичь военного и, как следствие, политического результата, сопоставимого с тем результатом, которого он мог бы достичь, участвуя в конфликте напрямую с помощью своих ВС или же через зависимое государство. Это коренным образом отличается от применения в прошлом кондотьеров (аналог современных частных военных компаний), ландскнехтов или швейцарских наёмных войск, поскольку они выступали в роли наёмных армий и выполняли те же функции, что и возникшие позже регулярные армии (ВС). Иррегулярные парамилитарные формирования, являющиеся разновидностью сетевых групп, формируемых и управляемых опосредованно с использованием сетевых технологий и методов организационного поведения и рефлексивного управления, не являются армиями (регулярными войсками), но задействуются для достижения военных (и, как следствие, политических) целей *вместо* них. Данный аспект, наряду с новейшими информационно-

психологическими операциями, включая когнитивное пространство, и действия в киберсфере, коренным образом отличает современные неклассические войны от войн прошлого (до последней четверти XX века)¹¹⁰.

Некоторыми авторами отмечалась архаизация современной войны. Для прояснения данного вопроса в первую очередь целесообразно обратиться к концепции «сверхдлинных военных циклов» (СВЦ) В.Л. Цымбурского, который отмечал, что в прошлом речь шла «не просто о переключке великих побоищ разных столетий, но о закономерном соответствии между предельными тупиковыми фазами двух гомологичных по своим предпосылкам военных циклов»¹¹¹, длящихся приблизительно 150 лет. Так, В.Л. Цымбурский расценивает периоды с 1340-х по 1494 гг. и с 1494 по 1648 гг. как пролог к европейским СВЦ, называя их «протоциклами» (А и В соответственно) по отношению к циклам 1648-1792 гг. и 1792-1945 гг., имея в виду переходный характер их военного строительства и отчасти стратегии «между средними веками и Новым временем». Исследователь отмечает, что протоцикл А «по характеру своих военно-политических целей и стратегии их достижения сходен с СВЦ 1648-1792 гг.». Аналогично протоцикл В (время Реформации и Контрреформации) масштабом подобен СВЦ 1792-1945 гг., «предвосхищая его идеологизированные мобилизации и опыты перекраивания европейской и мировой карты силою оружия». В своём исследовании В.Л. Цымбурский даёт следующую классификацию циклам: депрессивный протоцикл А соответствует 1340-м – 1494 гг.; экспансивный протоцикл В: 1494-1648 гг.; депрессивный СВЦ: 1648-1792 гг.; экспансивный СВЦ II: 1792-1945 гг.; депрессивный СВЦ III: 1945 г. – (?). Исследователь отмечает, что «депрессивная волна идёт под доминирование уничтожения в структуре конфликтных возможностей или, по крайней мере, при явном ослаблении потенциала мобилизации, вторая же [эксансивная – Прим. К.С.] выдвигает мобилизацию вперёд», при этом «разные 300-летние

¹¹⁰ При этом они не отменяют фундаментальных признаков классических войн, т.к. неклассические войны, как и классические, являются продолжением политики, а их суть – борьба за власть.

¹¹¹ Цымбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 3. – С. 27-55.

метациклы [...] в пределах своих гомологичных – депрессивных или экспансивных – волн обнаруживают между собой фундаментальное сходство в том, что касается эталона победы, уровня целей, многих черт большой стратегии»¹¹². В депрессивных волнах основная ставка делается на контингенты профессиональных воинов, а в экспансивных типичны армии, «решающие исход борьбы "напором масс"». Существующие с 1945 г. ограничения (особенно наличие ядерного оружия) привели к тому, что нынешний цикл стал больше похож на период между Тридцатилетней войной и Наполеоновскими войнами, чем на экспансивный СВЦ II, закончившийся сравнительно недавно, с окончанием Второй мировой войны, и в этом смысле в современном мире происходит архаизация войны. Как отметил А.В. Фененко, «военные конфликты ядерной эпохи больше напоминают войны раннего Нового времени, чем мировые войны прошлого века»¹¹³.

Характерно, что ещё Б. Лиддел Гарт отмечал, что с появлением водородной бомбы понятия «тотальная война» как метод и «победа» как цель войны становятся устаревшими концепциями¹¹⁴. Однако угроза самоуничтожения человечества в условиях ядерной войны привела не к отказу от войны, а вызывала необходимость в поиске новых форм и средств ведения войны вне угрозы всеобщего физического уничтожения человечества¹¹⁵. После начала депрессивного СВЦ III (начался с окончанием Второй мировой войны, в соответствии с классификацией В.Л. Цымбурского), т.е. с появлением ядерного оружия, которое «отменяет тотальную войну, но только в том типе войн, в котором она посредством атомного оружия достигает своего предела»¹¹⁶, в некотором смысле происходит возврат назад, к эпохе раннего Нового времени.

¹¹² Там же.

¹¹³ См.: Фененко А.В. Какой будет война будущего? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakoy-budet-voyna-budushchego/> (дата обращения: 13.02.2023). Кроме того, см. Фененко А.В. «Долгий мир» и ядерное оружие // Россия в глобальной политике. – 2018. – Т. 16. № 6. – С. 99-123.

¹¹⁴ Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямых действий. – М.: АСТ, 2018. С. 10.

¹¹⁵ Война как национальная и глобальная угроза [Электронный ресурс] // Военный энциклопедический словарь [Официальный сайт]. 2007. URL: https://encyclopedia.mil.ru/files/morf/VoV_Vol12_Voina_kak_ugroza.pdf (дата обращения: 13.02.2023).

¹¹⁶ Там же.

Само появление ядерного оружия фактически стимулировало создание средств, методов и технологий ведения войны, которые более всего соответствуют стратегии не прямых действий Б. Лиддел Гарта, отметившего, что, «доведя разрушительность до крайности "самоубийства", атомное оружие стимулирует и ускоряет возвращение к использованию не прямых действий, являющихся сущностью стратегии, так как в этом случае война ведётся разумно в отличие от грубого применения силы»¹¹⁷. Сама стратегия не прямых действий была описана ещё древним китайским военным мыслителем Сунь-Цзы: «Лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь... Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости»¹¹⁸.

Таким образом, в некотором смысле происходит архаизация современных войн, но ведутся они на более высоком организационно-технологическом уровне, чем это было сто, четыреста или пятьсот лет назад, в новых исторических и геополитических условиях, с несвойственной войнам прошлого (до последней четверти XX века) спецификой. Так, к специфике современных неклассических войн, отличающей их от классических, на примере гибридных войн П.А. Цыганков относит то, что они «не только вооруженные конфликты, не имеющие пределов во времени, в пространстве, или в используемых средствах. Их главное отличие в том, что они размывают границы, отделяющие войну от других форм политического, экономического или идеологического противостояния»¹¹⁹.

Возникли условия для изменения стратегического мышления, которые точно подметил Збигнев Бжезинский, утверждавший, что американское доминирование после распада Советского Союза представляло собой «обширную и сложную систему, не являющуюся иерархической пирамидой»¹²⁰. З. Бжезинский точно описал во многом неиерархическую форму доминации США в 90-е и

¹¹⁷ Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий. – М.: АСТ, 2018. С. 12.

¹¹⁸ Подробнее см.: Сунь-Цзы. Искусство войны. – М.: Эксмо, 2021. – 416 с.

¹¹⁹ «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова, А.Ю. Шутова. – М.: Издательство Московского университета. 2015. С. 23.

¹²⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.

нулевые годы в отсутствие системно-стратегического противовеса в лице СССР. По его мнению, «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит, в конце концов, из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия»¹²¹. Суть нового стратегического мышления в открытой печати сформулировал учёный и дипломат Стивен Манн в своей, ставшей классической работе «Теория хаоса и стратегическое мышление»¹²². В ней автор уделил внимание необходимости в уходе от устаревших линейно-детерминированных парадигм к принципиально новым, основывающимся на теории хаоса. Под «хаосом» С. Манн понимал нелинейную динамику или же «динамический хаос», основывающийся на принципе самоорганизованной критичности. Бэк П. и Чен К. определяли самоорганизованную критичность как «большие интерактивные системы, которые постоянно путем организации доводят себя до критического состояния. В таком состоянии даже небольшое событие способно запустить цепную реакцию, которая может привести к катастрофе»¹²³. В то же время, по мнению авторов, сложные системы производят чаще небольшие события, чем катастрофы, а цепные реакции событий всех масштабов являются интегральной частью динамики. При этом сложные системы никогда не достигают равновесия и, напротив, «эволюционируют от одного метасостояния (т.е. временного состояния) к следующему»¹²⁴.

Применение указанного принципа в национальной стратегии состоит в том, что вся международная среда рассматривается в качестве нелинейной динамической (хаотической) системы. Подсистемы данной системы (международные акторы), взаимодействуя между собой, достигают только

---

¹²¹ Там же.

¹²² Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). – 1992. – V. 22. – P. 54-68; Complexity, Global Politics, and National Security / Beyerchen A. et al. – National Defense University Washington, D.C., 1998. – 180 p.

¹²³ См.: Bak P., Tang Ch., Wiesenfeld K. Self-organized criticality: An explanation of 1/f noise // Phys. Rev. Lett. – 1987. – V. 59. № 4. – P. 381-384; Bak P., Chen K. Self-Organized Criticality // Scientific American. – 1991. – V. 264. № 1. – P. 46-53.

¹²⁴ Ibid.

временных критических состояний. Тогда незначительное событие оказывается в состоянии вызывать каскад (цепную реакцию) других событий вплоть до катастрофических явлений. Согласно С. Манну, линейные и механицистские взгляды устарели и не дают адекватного описания международных процессов, сформировавшихся в эру биполярной модели, когда существовал баланс сил, создавший иллюзию стабильности. Теория хаоса, применительно к международным процессам, позволила кардинально изменить взгляд не только на стратегию, но и на методы и технологии войны.

Современный этап

В 2010-х гг. был осуществлён целый ряд государственных переворотов, являвшихся новым эволюционным этапом классических «цветных революций», а также иных форм неклассических войн. Изучение этих явлений привело к возникновению новых взглядов на формы неклассических войн.

Так, претерпела изменения концепция «мягкой силы», которая усилиями Дж. Наю развилась в концепцию «умной силы». По мнению автора концепции «умной силы», она более результативна по сравнению со своей предшественницей. Согласно Дж. Наю, «умная сила – это сочетание твёрдой силы для понуждения и возмездия с мягкой силой в виде убеждения и притяжения»¹²⁵.

Параллельно с этим в 2010-х гг. в США доктрины были дополнены ещё одним изданием «Joint Publication 3-13 Information Operations» от 27 ноября 2012 года¹²⁶. В нём под термином «информационная операция» понималось «объединенное использование информационных направлений в течение военных операций вместе с другими измерениями операции с целью влияния, разрушения, повреждения вражеских систем принятия решений, осуществляемых, как людьми, так и автоматически, при защите своих аналогичных систем». При этом с 2010-2011 гг. активно используется термин «военно-информационная поддержка операций» (Military Information Support Operation, MISO), определяемая как

---

¹²⁵ Nye J. The Future of Power. – NY.: Public Affairs, 2011. – 320 p.

¹²⁶ Joint Publication 3-13. Information Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff [Официальный сайт]. 2012. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_13.pdf (дата обращения: 06.03.2022).

запланированные операции по передаче выбранной информации и индикаторов иностранной аудитории, чтобы повлиять на их эмоции, мотивы, объективные рассуждения и, в конечном итоге, на поведение иностранных правительств, организаций, групп и отдельных лиц таким образом, чтобы это благоприятствовало целям организатора¹²⁷. MISO на несколько лет заменило название «психологические операции», но в 2017 году вернулись к прежнему названию¹²⁸. В настоящее время психологические операции – часть общей системы информационных операций.

В 2010-х годах продолжились исследования кибервойны. В частности, Р. Паркс и Д. Дагган предложили следующее определение кибервойны: «Кибервойна – это сочетание атак и защиты компьютерных сетей и специальных технических операций»¹²⁹. Другой исследователь М. Таддео полагает, что кибервойна основана на определенном использовании информационно-коммуникационных технологий в рамках одобренной государством наступательной или оборонительной военной стратегии, направленной на немедленное нарушение или контроль над ресурсами противника, и которая ведётся в информационной среде с агентами и целями, расположенными как в физической, так и в нефизической областях, и уровень насилия которых может варьироваться в зависимости от обстоятельств¹³⁰. Большой вклад в исследование кибервойны внесли Р. Кларк и Р. Нейк. В своей работе «Кибервойна: следующая угроза национальной безопасности и что с этим делать»¹³¹ авторы охватили различные угрозы и операции в киберпространстве, как и почему развивается кибервойна, будучи альтернативой классической войне.

---

¹²⁷ Military Information Support Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff. 2011. URL: https://jfsc.ndu.edu/Portals/72/Documents/JC2IOS/Additional_Reading/IC1_JP_3-13-2.pdf (дата обращения: 06.03.2022).

¹²⁸ Myers M. The Army's psychological operations community is getting its name back [Электронный ресурс] // Army Times. 2017. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/11/06/the-armys-psychological-operations-community-is-getting-its-name-back/> (дата обращения: 06.03.2022).

¹²⁹ Parks R., Duggan D. Principles of cyberwarfare // IEEE Security & Privacy. – 2011. – V. 9. № 5. – P. 30-35.

¹³⁰ Taddeo M. An analysis for a just cyber warfare // 2012 4th International Conference on Cyber Conflict (CYCON 2012). – 2012. – P. 1-10.

¹³¹ Clarke R., Knake R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What To Do About It. – New York, NY: Ecco, 2010. – 304 p.

На этом фоне в 2010-х годах в разных странах появляются кибервойска. Так, в США в 2010 году было создано Киберкомандование (USCYBERCOM). В Российской Федерации были созданы Войска информационных операций, которые, по словам министра обороны С.К. Шойгу, «гораздо эффективнее и сильнее того управления [существовавшего в советское время], которое называлось контрпропагандой», в задачи которых входит, в частности, отражение хакерских атак¹³². Противостояние в киберпространстве способно менять стратегический баланс сил, поэтому возможности в киберпространстве рассматриваются связанными с другими элементами национальной мощи. Основным направлением в политических исследованиях отечественных специалистов по теме кибервойны являются такие темы, как уязвимость критической инфраструктуры, определение источника кибератаки и управление интернетом. К их числу относятся работы А.В. Колесникова¹³³, А.В. Лукацкого¹³⁴, А.А. Стрельцова¹³⁵, П.А. Шарикова¹³⁶ и др.

В исследованиях «цветных революций» с начала 2010-х гг. произошел значительный прогресс. Некоторые отечественные исследователи стали выделять *технологии демонтажа политических режимов*, под которыми понимается специальный инструмент по слому и демонтажу устройства государства. По мнению А.В. Манойло, подобными технологиями в новейшее время являются технологии цветных революций¹³⁷. Согласно данному А.В. Манойло определению, «цветные революции» – это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с

---

¹³² Шойгу рассказал о российских войсках информационных операций [Электронный ресурс] // РБК [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2017/58ad78cd9a794757f3c80e9e> (дата обращения: 06.03.2022).

¹³³ Колесников А.В. Красная кнопка интернета // Индекс Безопасности. – 2015. – № 2. – С. 39-52.

¹³⁴ Лукацкий А.В. Определение источника кибератак // Индекс Безопасности. – 2015. – № 2. – С. 73-86.

¹³⁵ Стрельцов А.А. Суверенитет и юрисдикция государства в среде информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности // Международная жизнь. – 2017. – № 2. – С. 88-106.

¹³⁶ Шариков П.А. Подходы РФ и США к проблеме международно-правового обеспечения информационной безопасности // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – № 5(20). – С. 131-144.

¹³⁷ Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – Т. 6. № 39. – С. 61-67.

использованием в качестве инструмента шантажа молодёжного протестного движения¹³⁸. «Цветные революции» могут выступать в роли технологий демонтажа политических режимов как частный случай насильственного контроля, устанавливаемый над «объектом-мишенью», однако в отдельных случаях актор в собственных интересах может их применять для оказания ограниченного влияния на политическое руководство государства («объекта-мишени») без его демонтажа¹³⁹.

Вместе с этим в 2013 году начальник Генерального штаба Вооруженных сил РФ генерал армии В.В. Герасимов на примере «Арабской весны» показал, что «по масштабам жертв и разрушений, катастрофическим социальным, экономическим и политическим последствиям» конфликты нового типа «сравнимы с последствиями самой настоящей войны»¹⁴⁰. По его мнению, сами «правила войны» радикально изменились. В частности, увеличилась роль невоенных способов в достижении стратегических и политических целей, и при этом в некоторых случаях они по своей эффективности кардинально превзошли силу оружия. Согласно В.В. Герасимову, применяемые методы противоборства сместились в сторону полномасштабного использования политических, информационных, гуманитарных, экономических и других невоенных мер¹⁴¹, «реализуемых с задействованием протестного потенциала населения». Приведенные методы дополняются военными мерами скрытого характера, в т.ч. через проведение мероприятий информационного противоборства (например, информационных операций) и действия сил специальных операций. Кроме того, В.В. Герасимов отметил, что к явному использованию силы под видом миротворческой деятельности и кризисного урегулирования переходят только на некоторой стадии. Цель этого – достижение окончательного успеха в конфликте.

---

¹³⁸ Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // *Мировая политика*. – 2015. – № 1. – С. 1-19.

¹³⁹ Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия-Телеком, 2020. – 378 с.

¹⁴⁰ Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении [Электронный ресурс] // *Военно-промышленный курьер* [Официальный сайт]. 2013. URL: <https://vprk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 07.03.2022).

¹⁴¹ В данном диссертационном исследовании термин «невоенные меры» равнозначен термину «неинтервенционные элементы насильственного контроля».

Статья В.В. Герасимова произвела мощный резонанс в западных экспертных и военно-политических кругах, где высказанные им мысли назвали «доктриной Герасимова», а действия России термином «нелинейная война» (non-linear war), используемым некоторыми западными аналитиками (например, М. Галеотти, Т. Шнауфер) применительно, прежде всего, к России¹⁴².

На современном этапе термин «управляемый хаос» всё активнее используется среди исследователей, которые часто вкладывают в него смысл, отличный от того, который вкладывался еще С. Манном. Например, С.Ю. Глазьев использует в одной из своих работ термин «управляемый хаос» в контексте того, что США пытаются развязать серию региональных войн и политических конфликтов, которые, по мнению С.Ю. Глазьева, в совокупности складываются в глобальную гибридную войну на основе принципа «кто не с нами, тот против нас»¹⁴³. Неудобные подлежат «уничтожению, расчленению, дестабилизации», а также санкционной «порке». Аналитик полагает, что данный «управляемый хаос» Вашингтон генерирует путём организации вооруженных конфликтов в зоне жизненных интересов ведущих стран мира, где американцы провоцируют эти страны, втягивая в конфликт, а затем ведут кампании «по сколачиванию против них коалиций государств с целью закрепления своего лидерства»¹⁴⁴. Таким образом, термин «управляемый хаос» используется С.Ю. Глазьевым фактически как синоним контролируемой дестабилизации, являющейся следствием развязанной США гибридной войны. Исследованиями гибридных войн на современном этапе занимались и зарубежные авторы, например, Е. Кусумано и М. Корб, изучившие роль военно-гражданского сотрудничества в противодействии гибридным угрозам, которые, по мнению этих исследователей, сочетают в себе одновременное применение обычных и нетрадиционных средств и нацелены не только на военные цели, но и на правительства и общество в

---

¹⁴² Galeotti M. Hybrid, ambiguous, and non-linear? How new is Russia's 'new way of war'? // Small Wars & Insurgencies. – 2016. – V. 27. № 2. – P. 282-301; Schnauffer T. II. Redefining Hybrid Warfare: Russia's Non-linear War against the West // Journal of Strategic Security. – 2017. – V. 10. № 1. – P. 17-31.

¹⁴³ Глазьев С.Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности в условиях американской агрессии // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2015. – № 1. – С. 4-20.

¹⁴⁴ Там же.

целом. Гибридным угрозам нельзя противостоять исключительно военными средствами, а требуется ответ, охватывающий широкий спектр военных и гражданских действий¹⁴⁵. Другой учёный, директор Института стратегических исследований Военного колледжа армии США Д. Ловелас, в гибридную войну включает обычную войну, нерегулярную войну, кибервойну, повстанческое движение, преступность, экономический шантаж, этническую войну, законность и применение недорогих, но эффективных технологий для противодействия дорогостоящим технологически продвинутым силам¹⁴⁶.

К ещё одной концепции, разработанной на современном этапе, относится концепция организационного оружия. Одно из самых детальных определений организационному оружию дали В.С. Овчинский и И.Ю. Сундиев: организационное оружие – «есть способ активации патологической системы внутри функциональной системы «государства-мишени», при котором патологическая система для своего развития поглощает ресурсы носителя»¹⁴⁷. При этом особенностью патологической системы (т.е. применения организационного оружия) является её воздействие на функциональную систему общества, в первую очередь «извне», т.е. «с иерархически "вышележащего" (властного) уровня системной организации». Согласно авторам данного термина, одно из основных условий применения организационного оружия является замена системы фундаментальных ценностей «государства-мишени» ценностями государства-инициатора «как самыми перспективными»¹⁴⁸, а применение организационного оружия является отражением тенденции перехода от войн с истреблением противника к войнам, ориентированным на его «самодезорганизацию» и «самодезориентацию» для сохранения имеющейся ресурсной базы в интересах

---

¹⁴⁵ Cusumano E., Corbe M. (eds). *A Civil-Military Response to Hybrid Threats*. – Palgrave Macmillan, Cham, 2018. – 320 p.

¹⁴⁶ *Hybrid Warfare and the Gray Zone Threat / Terrorism: Commentary on Security Documents*. V. 141. Ed. by Lovelace D. – New York: Oxford University Press, 2016. – 396 p.

¹⁴⁷ Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие. Функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс] // Изборский клуб [Официальный сайт]. 2013. URL: <https://izborsk-club.ru/1466> (дата обращения: 19.03.2022).

¹⁴⁸ Там же.

инициатора применения оружия¹⁴⁹. Речь идёт об использовании системы организационных воздействий¹⁵⁰ на противника, которые вынуждают его действовать в соответствии с интересами актора (наступающей стороны). Авторы полагают, что в результате оказывается возможным завести противника в стратегический тупик, а вместе с этим измотать его экономику неэффективными или непосильными программами, вызвать остановку развития его вооружений. Также это ведёт к искажению основы его национальной культуры, созданию т.н. «пятой колонны» и т.п. Как следствие, в государстве возникает обстановка внутривластного, экономического и психологического хаоса. Как отмечают авторы, в основе «организационного оружия» лежат специальные рефлексивные технологии организационного управления. Фактически это упорядоченные совокупности постоянно совершенствующихся методов (включая программы, стратегии, процедуры, формы) осуществления управленческих решений, а также внедрения инноваций, поддержания информационных, идеологических и других требуемых структурных связей. Сюда же относится и подбор/подготовка персонала, планирование, отчётность, контроль и пр. Авторы уделяют внимание технологиям рефлексивного управления, а «цветные революции» представляются ими как система технологий применения организационного оружия.

Наконец, в последние годы исследователями применяется понятие «неклассическая война». Так, согласно Л.Л. Штофер, «появляются неклассические войны, в которых используются изощренные многофакторные методы воздействия на противника, не предполагающие вооруженного насилия [...] человечество вступает в полосу "неклассических" войн, направленных не на непосредственное уничтожение противника и физический захват его территории, а на достижение политических целей войны без вооруженного противоборства либо при его крайне ограниченном точечном применении»¹⁵¹. Вместе с этим И.В. Понкин под «неклассической войной» понимает собирательное понятие, в

---

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Под этим В.С. Овчинский и И.Ю. Сундиев понимают согласованные по целям, месту и времени разведывательные, пропагандистские, психологические, информационные и др. формы воздействия.

¹⁵¹ Штофер Л.Л. Военная безопасность на современном этапе развития: пути трансформации и меры обеспечения // Гуманитарий юга России. – 2019. – Т. 8. № 4. – С. 145-157.

которое включает презэмптивную войну, гибридную войну и малую войну¹⁵². В 2019 году исследователями было дано новое определение неклассической войне: «Неклассическая война – осуществление насильственного контроля над «объектом-мишенью» без полномасштабного применения прямой военной силы агрессором, результат которого сопоставим с результатом от прямой интервенции»¹⁵³. Данный термин уже объяснял, почему все разновидности неклассических войн, к которым авторы отнесли «цветные революции», гибридные войны, мятежевойну и др., имеют общий признак.

Таким образом, к концу 2010-х годов начала формироваться единая система описания и понятийный аппарат для разных форм неклассических войн, благодаря которому в перспективе возможно преодоление существующей разрозненности в терминах и понятиях, когда под одним и тем же термином (или понятием) понимаются разные явления; и наоборот – когда одно и то же явление обозначается разными терминами (понятиями).

---

¹⁵² Понкин И.В. Неклассические войны. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 87 с.

¹⁵³ Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 4. – С. 157-193.

1.2. Современные научные подходы к исследованию неклассических войн

Важность осмысления различных форм неклассических войн на современном этапе обусловлена тем, что с начала 2010-х гг. радикально увеличилось число процессов в международной политике, которые имеют признаки форм неклассических войн. Особое место здесь занимают события «Арабской весны» в странах Ближнего Востока и Магриба (2010 г. – н.в.), на Украине (2013-2014 гг.), в Гонконге (2014 г., 2019-2020 гг.), Армении (2018 г.), Венесуэле (2019-2020 гг.), Боливии (2019 г.), США (2020 г.), Белоруссии (2020 г.), Казахстане (2022 г.) и др.

Исследования неклассических войн на современном этапе можно разделить на четыре основных направления: исследования и дискуссии вокруг информационных (информационно-психологических), «ментальных», «когнитивных» и «кибер» войн; дискуссии о «цветных революциях» и соотношении их с другими формами неклассических войн; исследования гибридных войн; исследования сетевых войн и «технологии системно-сетевой войны». Кроме того, в данном параграфе приведён авторский методологический подход к исследованию неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, а также технологии демонтажа политических режимов «венесуэльский прецедент».

Современные подходы к исследованию информационных войн основываются прежде всего на том, что под ними понимается вооруженный конфликт, в котором столкновение сторон происходит в форме информационных

операций с применением информационного оружия¹⁵⁴. При этом структурно современная информационная война состоит из последовательности информационных операций, объединённых единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия¹⁵⁵. В США министерство обороны выделяет три уровня ведения информационных войн: стратегический, оперативный и тактический.

Стратегический уровень – соответствует самой информационной войне.

Оперативный уровень – совокупность информационных атак, проводимых по единому замыслу информационной операции.

Тактический уровень – отдельные информационные атаки.

В отечественной науке выделяют ещё четвёртый уровень – инструментальный. На этом уровне применяются отдельные способы, методы и технологии информационно-психологического воздействия. В России противодействие информационным войнам осуществляется через информационные операции, под которыми понимается последовательность информационных вбросов, разделённых периодами экспозиции, объединённых единым замыслом и согласованных по времени, целям, задачам, объектам и инструментам информационного воздействия. На современном этапе психологические операции рассматриваются как часть единой системы информационных операций. К руководящим документам США оперативного и тактического уровня в этой области относятся¹⁵⁶ FM 3-53 «Military Information Support Operations», 2013¹⁵⁷; JP 3-13 «Information Operations», 2014¹⁵⁸; JP 3-61

---

¹⁵⁴ Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М.: Горячая линия – Телеком, 2018. – 494 с.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ См.: Научные труды ученых Отделения общих проблем войны и армии Академии военных наук. Том 1 / Под общ. ред. И.В. Бочарникова, Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. – М.: Издательство «Московский Дом Медиа», 2019. – 252 с.

¹⁵⁷ Field Manual 3-53. Military Information Support Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of the Army [Официальный сайт]. 2013. URL: https://armypubs.army.mil/epubs/DR_pubs/DR_c/pdf/web/fm3_53.pdf (дата обращения: 09.03.2022).

¹⁵⁸ Joint Publication 3-13. Information Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff [Официальный сайт]. 2012. URL: (дата обращения: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_13.pdf (дата обращения: 06.03.2022)).

«Public Affairs», 2016¹⁵⁹; FM 3-13 «Information Operations», 2016¹⁶⁰; FM 3-61 «Public Affairs Operations», 2022¹⁶¹. В соответствии с указанными документами, информационная операция – это проводимая в мирное или военное время плановая пропагандистская и психологическая деятельность, рассчитанная на иностранные дружественные, враждебные или нейтральные аудитории с тем, чтобы влиять на их отношение и поведение в благоприятном направлении для достижения как политических, так и военных целей. Цель информационной войны – военное поражение противника через подчинение его воли.

На уровне информационной операции цель состоит во внедрении в сознание и подсознание человека программных установок на следование определенной модели поведения, выгодной организаторам информационной операции¹⁶².

На уровне информационных атак целью является внедрение в сознание и подсознание личности программных установок на совершение немедленного ответного действия – как правило, в ответ на сигнальный импульс со стороны какого-либо внешнего раздражителя¹⁶³.

Цель инструментального уровня ведения информационной войны состоит в получении немедленной ответной реакции на внешний информационный импульс-раздражитель, т.е. в соответствии с принципом «стимул–реакция»¹⁶⁴.

Отдельно следует остановиться на подходах в исследованиях «когнитивных войн» и «ментальных войн». В НАТО под «когнитивной войной» понимается разум как поле битвы и спорная область. Его цель – посеять диссонанс, спровоцировать противоречивые нарративы, поляризовать мнения и

---

¹⁵⁹ Joint Publication 3-61. Public Affairs [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff [Официальный сайт]. 2016. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_61.pdf (дата обращения: 09.03.2022).

¹⁶⁰ FM 3-13. Information Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of the Army [Официальный сайт]. 2016. URL: https://armypubs.army.mil/epubs/DR_pubs/DR_a/pdf/web/FM%203-13%20FINAL%20WEB.pdf (дата обращения: 09.03.2022).

¹⁶¹ FM 3-61. Communication strategy and public affairs operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of the Army [Официальный сайт]. 2022. URL: https://armypubs.army.mil/epubs/DR_pubs/DR_a/ARN34864-FM_3-61-000-WEB-1.pdf (дата обращения: 09.03.2022).

¹⁶² Классификация приведена из коллективной монографии: Научные труды ученых Отделения общих проблем войны и армии Академии военных наук. Том 1 / Под общ. ред. И.В. Бочарникова, Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. – М.: Издательство «Московский Дом Медиа», 2019. – 252 с.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Там же.

радикализировать группы. «Когнитивная война» может мотивировать людей действовать таким образом, который в состоянии разрушить или расколоть сплоченное общество. Последующий беспорядок может повлиять на принятие решений, изменить идеологию и породить недоверие между союзниками¹⁶⁵. Как полагают в НАТО, враждебные попытки манипулировать человеческим поведением станут серьезной проблемой для обороны и безопасности союзных государств, а сама новая угроза выходит за рамки контроля над потоком информации. При этом «когнитивная война» стремится изменить не только то, что люди думают, но и то, как они действуют. Атаки на когнитивную область включают интеграцию кибернетических, дезинформационных, психологических и социально-инженерных возможностей. Новая операционная среда для лиц, принимающих решения, задействует их способность обнаруживать атаки на когнитивную область и реагировать на них.

Исследуя когнитивные войны, генерал Д. Голдфейн (ВВС США) заметил, что мы «переходим от войн на истощение к войнам познания»¹⁶⁶. Другой эксперт, профессор Джорджтаунского университета Дж. Джордано, отметил, что «мозг во многом представляет собой новое поле битвы двадцать первого века»¹⁶⁷, а по мнению бывшего специального агента ФБР и эксперта по кибербезопасности К. Уоттса и профессора Д. Бербаха, если информационная война является войной информации, то когнитивное поле битвы – это война за информацию, поскольку она преобразуется в знание посредством процессов познания¹⁶⁸. По мнению некоторых исследователей¹⁶⁹, способность противника бороться за победу на поле

---

¹⁶⁵ NATO Innovation Challenge Fall 2021 – Countering Cognitive Warfare [Электронный ресурс] // North Atlantic Treaty Organization [Официальный сайт]. 2021. October URL: <https://www.act.nato.int/articles/innovation-challenge-2021-2-countering-cognitive-warfare> (дата обращения: 09.03.2022).

¹⁶⁶ Goldfein D. Remarks [Электронный ресурс] // U.S. Air Force. Remarks by General David L. Goldfein U.S. Air Force Chief of Staff [Официальный сайт]. 2017. URL: https://www.af.mil/Portals/1/documents/csaf/CSAF_AFA_2017%20Air_Space_and_Cyber_Symposium.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

¹⁶⁷ Amble J. War and the Human Brain, with Dr. James Giordano [Электронный ресурс] // Modern War Institute at West Point [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://mwi.usma.edu/mwi-podcast-war-human-brain-dr-james-giordano/> (дата обращения: 10.03.2022).

¹⁶⁸ Watts C. *Messing with the Enemy: Surviving in a Social Media World of Hackers, Terrorists, Russians, and Fake News*. – Harper Collins, New York, 2018. – 304 p.

¹⁶⁹ Bienvenue E., Rogers Z., Troath S. Cognitive Warfare [Электронный ресурс] // The Cove. Australian Army [Официальный сайт]. 2018. Mode of access: <https://cove.army.gov.au/article/cognitive-warfare> (дата обращения: 10.03.2022).

боя ниже порога обычного конфликта поднимает фундаментальный вопрос: если превосходство на поле боя явно не приводило к политическому успеху, то почему противник вообще должен идти по такому пути? В когнитивной войне стратегический успех может быть достигнут в обход традиционного поля битвы.

Нельзя не отметить работы отечественных специалистов по тематике, которую можно считать близкой к «когнитивным войнам». Речь идет о концепции *ментальных войн*, автором которых является советник Министра обороны РФ А.М. Ильницкий. По его мнению, актуальная суть сегодняшней глобальной повестки состоит в том, что в нынешнюю эпоху инструменты ведения войны и соперничества мирного времени «перемешались до степени совмещения», при этом радикально изменился спектр угроз. Всё это привело к появлению нового типа межгосударственного противоборства – ментальной войны¹⁷⁰. Цель войны нового типа – уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника. Ментальная война направлена на разрушение мировоззрения и цивилизационных основ противника. Задача ментальной войны, как и любой другой, – лишить объект воздействия суверенитета и поставить его под внешнее управление. По мнению автора концепции, ментальная война – агрессивное комплексное воздействие, которое направлено не только на информационное поле, но также на образование и воспитание. В целом, данная концепция довольно близка к концепции «когнитивных войн».

В соответствии с современными научными подходами, кибервойна считается продолжением политики иными специфическими методами. Так, согласно определению П. Шакаряна, кибервойна – это расширение политики за счёт действий, предпринимаемых в киберпространстве государственными субъектами (или негосударственными субъектами при значительном руководстве или поддержке государства), которые представляют серьёзную угрозу безопасности другому государству, или действия разумного характера,

---

¹⁷⁰ Ильницкий А.М. Ментальная война [Электронный ресурс] // Военная мысль (военно-теоретический журнал). Министерство обороны РФ [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/336904/> (дата обращения: 11.03.2022).

предпринятые в ответ на серьёзную угрозу безопасности государства (реальную или предполагаемую)¹⁷¹. Боевые действия в киберпространстве, наравне с технологиями и методами информационной (информационно-психологической) войны, являются разновидностью неинтервенционных элементов насильственного контроля, которые могут осуществляться как вместе с другими неинтервенционными элементами насильственного контроля в классической или неклассической войне, так и отдельно от них. При этом кибервойну рассматривают как составляющую информационной борьбы (информационных операций), влияющую на когнитивные и эмоциональные процессы людей, на их восприятие событий и принимаемые решения¹⁷².

В современных научных подходах выделяются подходы в изучении гибридной войны, под которой понимается «разнообразная и динамичная комбинация» регулярных войск, иррегулярных формирований, террористических сил и/или криминальных элементов, которые объединились «для достижения взаимовыгодных целей»¹⁷³. На Западе т.н. гибридные угрозы часто относят к деятельности России, Ирана или некоторых негосударственных акторов на внешнеполитической арене¹⁷⁴, однако по отношению к себе этот термин в США не применяют. По мнению ряда западных специалистов, относительная новизна гибридной войны заключается в способности субъекта одновременно синхронизировать несколько инструментов власти и намеренно использовать

---

¹⁷¹ Shakarian P., Shakarian J., Ruef A. Introduction to the cyber warfare: A multidisciplinary approach. – Syngress Publishing, 2013. – 336 p.

¹⁷² Литовкин В. Кибервойна с системами управления [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. 2011. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2011-02-04/11_cyberwar.html (дата обращения: 11.03.2022). Также по этой теме см.: Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях / Под ред. А.В. Загорского, Н.П. Ромашкиной – М.:ИМЭМО РАН, 2016. – 183 с.; Ромашкина Н.П. Глобальные военно-политические проблемы международной информационной безопасности: тенденции, угрозы, перспективы // Вопросы кибербезопасности. – 2019. – № 1 (29). – С. 2-9; Buchanan B. The Cybersecurity Dilemma: Hacking, Trust, and Fear Between Nations. – Oxford University Press, 2017. – 304 p.; Libicki M. Cyberspace in Peace and War. By. – Naval Institute Press, 2016. – 496 p.

¹⁷³ Army Doctrine Reference Publication (ADRP) 3-37 [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists [Официальный сайт]. 2012. URL: https://fas.org/irp/doddir/army/adrp3_37.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁷⁴ См.: Adomeit H. Russland und der Westen: Von 'strategischer Partnerschaft' zur strategischen Gegnerschaft // Sirius. – 2021. – V. 5. № 2. – P. 107-124; Bachmann S., Gunneriusson H. Hybrid Wars: The 21st-Century's New Threats to Global Peace and Security // Scientia militaria, South African Journal of military Studies. – 2015. – V. 43. № 1. – P. 77-98; Hoffman F. 'Hybrid Threats': Neither Omnipotent Nor Unbeatable // Orbis. – 2010. – V. 54. № 3. – P. 441-455; Joint Strategic Plan. FY 2018-2022 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. U.S. Agency for International Development [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.state.gov/joint-strategic-plan/> (дата обращения: 11.03.2022).

творческий потенциал, двусмысленность, нелинейность и когнитивные элементы войны. При этом гибридная война, проводимая государственными или негосударственными субъектами международных отношений, обычно рассчитана на то, чтобы оставаться ниже очевидных пороговых значений обнаружения и реагирования, и часто полагается на скорость, объём и повсеместную распространённость цифровых технологий, характерных для нынешнего информационного века¹⁷⁵. В частности, на Западе к гибридным угрозам относят: активность Ирана в Сирии; использование Россией газа и кредитных инструментов в украинском конфликте; деятельность «Исламского государства»¹⁷⁶ в Сирии и противодействие гибридной войне в Ираке; гибридная война в городском контексте; использование Россией кибервозможностей¹⁷⁷. Например, в официальных документах британского парламента указывается, что активность России в событиях на Украине и в Крыму в 2014 году «демонстрирует», что «она может угрожать странам и дестабилизировать их, фактически не участвуя в явном и открытом вооруженном нападении». По мнению парламентариев, НАТО должен обеспечить «полное понимание природы и масштабов угроз, направленных не на срабатывание статьи 5», и разработать свои «стратегии противодействия многомерным войнам», чтобы «защитить страны Балтии от таких угроз»¹⁷⁸.

Также обращает на себя внимание термин «multidimensional warfare» (многомерные военные действия¹⁷⁹), который применяется вместе с термином

¹⁷⁵ MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare [Электронный ресурс] // MCDC [Официальный сайт]. 2017. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/647776/dar_mcdc_hybrid_warfare.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁷⁶ Террористическая организация, чья деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

¹⁷⁷ MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare [Электронный ресурс] // MCDC [Официальный сайт]. 2017. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/647776/dar_mcdc_hybrid_warfare.pdf (дата обращения: 11.03.2022).

¹⁷⁸ Russia: Implications for UK defence and security: Government Response to the Committee's First Report of Session 2016–17. Fourth Special Report of Session 2016–17 [Электронный ресурс] // House of Commons Defence Committee [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmdfence/668/668.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).

¹⁷⁹ Английское слово «warfare» иногда неправильно переводят как «война». Warfare – это военные действия или приёмы ведения войны. Поскольку война является социальным и политическим явлением, то собственно военные действия таковыми не являются. Военные действия – это организованное применение сил и средств для достижения военных и политических целей. Очевидно, что между войной и военными действиями существует

«гибридная война» (hybrid war¹⁸⁰). Другие авторы в контексте исследования природы гибридных войн отмечают, что граница того, что считать войной, а что не считать, является произвольной, но контекст, в котором возникает конфликт, определяет диапазон возможных местоположений для этой границы¹⁸¹. Немецкий профессор Ю. Шеффран полагает, что гибридная война – это сочетание разрозненных форм конфликта и технологий, которые приводят к сложной динамике конфликта, вовлекают все слои общества и усиливают глубинные причины проблем¹⁸². При этом исследователь отмечает, что сам термин «гибридная война» столь же расплывчат и амбивалентен, как и его предмет.

Дифференциация конфликтов проводится и в соответствии с тем, что определяющей чертой их различия является одновременное использование регулярных и нерегулярных сил для достижения общей цели. Так, в комбинированных военных действиях (Compound warfare) координация ограничивается стратегическим уровнем. Нерегулярные части используются для поддержки обычных сил, но в разных областях боевого пространства, а не объединяются с ними. В гибридной войне происходит слияние обычных и нетрадиционных сил в боевом пространстве¹⁸³. Показывается, что многочисленные современные конфликты происходят в «пограничной» или «серой» зоне, которым свойственен сложный регулярно-иррегулярный характер. Примечательно, что термин «серая зона» («the gray zone») также существует в

принципиальная и фундаментальная разница, и смешивание одного с другим ведёт к весьма серьёзным последствиям, а именно – к искажённому пониманию сути и природы исследуемых явлений. Иными словами, даже одна неверная семантическая интерпретация приводит к неверному пониманию явлений и концепций и т.п., что отчётливо заметно на примере т.н. «сетевых войн», которые на самом деле более корректно переводятся с английского как «сетевые военные действия» (англ. Network-Centric Warfare). Следовательно, её авторами была предложена не новая война, а военные действия, основанные на сетевом принципе, что многие эксперты не учитывают и считают, будто речь идёт о некоей принципиально новой концепции войны.

¹⁸⁰ Впрочем, в некоторых документах и статьях используется термин «hybrid warfare», что лишь усугубляет смешение терминов и вносит дополнительную путаницу в понимание природы тех явлений, которые описываются этими терминами. Часто их используют в качестве синонимов (см.: Arazna M. Conflicts of the 21st century based on multidimensional warfare – “hybrid warfare”, disinformation and manipulation // Security and Defence Quarterly. – 2015. – V. 8. № 3. – P. 103-129).

¹⁸¹ Almäng J. War, vagueness and hybrid war // Defence Studies. – 2019. – V. 19. № 2. – P. 189-204.

¹⁸² Scheffran J. Formen hybrider Kriege: Zwischen Ambivalenz und Komplexität // Wissenschaft & Frieden. – 2019. – № 3. – P. 9-12.

¹⁸³ В частности, такое разделение использовал Н. Реккедал. См.: Rekkedal N. Kahdenlaisesta sodasta // Tiede ja ase. – 2009. – V. 66. URL: <https://journal.fi/ta/article/view/1879> (дата обращения: 29.11.2022); Rekkedal N. et al. Winds of Change On Irregular Warfare. – Helsinki, National Defence University of Finland, Department of Military History. Publication series 2 N:o 18, 2012. – 465 p.

иностранной литературе. Под «серой зоной» понимается операционная среда, в которой акторы используют неясность и отрицают свою причастность для достижения стратегических целей, ограничивая противодействие со стороны других национальных государств¹⁸⁴.

Другие исследователи выделяют «серую зону», определяя её как скрытые или незаконные действия нетрадиционного государственного управления, которые ниже порога вооруженного организованного насилия, включающие нарушение порядка, подрывную политическую деятельность правительственных или неправительственных организаций, психологические операции, злоупотребление юридическими процессами и коррупцию как часть комплексного проекта для достижения стратегического преимущества¹⁸⁵. Отчасти эта концепция пересекается с работами специалистов НОАК КНР¹⁸⁶. Согласно китайским исследователям, континуум межстрановых взаимодействий делится на три категории: мирное время; «среднее состояние» между миром и войной; война¹⁸⁷. Во многих работах НОАК точный характер «среднего состояния» неоднозначен и потенциально может быть неверно истолкован как военные действия. Средняя стадия континуума конфликта характеризуется как состояние «квазивойны» (zhunzhanzheng; кит. 准战争), обладающее характеристиками как мира, так и войны. Китайские исследователи указывают на то, что военные действия на данном этапе могут напоминать боевые действия, даже если участвующие страны не считают себя находящимися в состоянии войны. Термины «гибридная война (военные действия)» и «серая зона» (а также «квазивойна») в существенной степени связаны между собой, однако, как

---

¹⁸⁴ Chambers J. Countering Gray-Zone Hybrid Threats. An Analysis of Russia's «New Generation Warfare» and Implications for the US Army [Электронный ресурс] // Modern War Institute at West Point [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://mwi.usma.edu/wp-content/uploads/2016/10/Countering-Gray-Zone-Hybrid-Threats.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).

¹⁸⁵ Hoffman F. Examining Complex Forms of Conflict: Gray Zone and Hybrid Challenges // PRISM, the journal of complex operations. – 2018. – V. 7. № 4; Echevarria A. Operating in the Gray Zone: An Alternative Paradigm for U.S. Military Strategy. – Pennsylvania: US Army War College Press, 2016. – 68 p.; Erickson A., Martinson R. China's Maritime Gray Zone Operations. – Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2019. – 352 p.

¹⁸⁶ Liu X. Military Response to Significant Sudden Incidents and Crises: Research on Military Operations Other than War (军队应对重大突发事件和危机非战争军事行动研究). – Beijing: National Defense University Press, 2009. – 401 p.

¹⁸⁷ Zhao Z., Zhao J. On Control and Management of Military Crises (论军事危机的管控) // China Military Science (中国军事科学). – 2013. – № 4. – P. 65.

справедливо замечают некоторые специалисты, современное использование этих терминов чаще всего затуманивает, а не проясняет ситуацию¹⁸⁸.

П.А. Цыганков, как уже отмечалось, считает, что гибридная война имеет отличия от прочих вооруженных конфликтов, а именно тем, что она основана в большей степени не на применении силы, а на использовании информации¹⁸⁹. Вместе с этим А.В. Манойло не разделяет взгляды тех исследователей, которые утверждают, что «гибридные войны» всегда существовали в истории человечества, и что любая война фактически представляет собой «гибридную»¹⁹⁰.

При этом в отечественной, равно как и в зарубежной, литературе и документах не используют официально термин «гибридная война»; вместо этого, например, в документах министерства обороны США, применяют термин «гибридные угрозы»¹⁹¹. С другой стороны, исследователи не всегда считают обоснованным оперирование термином «гибридная война», предпочитая вместо него термин «сетевая война». Так, А.И. Подберёзкин считает, что «сетевая война» состоит в использовании практически любых средств – политических, экономических, информационных, военных и пр. «для достижения конечной и глобальной геополитической цели»¹⁹². Вместе с тем А.И. Подберёзкин отмечает, что «произошла серьёзная переоценка значения тех или иных политических и иных средств [...] в пользу силовых, но не военных средств»¹⁹³. По его словам, средства вооруженного насилия, прежде всего традиционные, «не

¹⁸⁸ Stoker D., Whiteside C. Blurred Lines: Gray-Zone Conflict and Hybrid War – Two Failures of American Strategic Thinking // Naval War College Review. – 2020. – V. 73. № 1. – P. 1-37.

¹⁸⁹ Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 253-258.

¹⁹⁰ «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова, А.Ю. Шутова. – М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 260–261.

¹⁹¹ Лишь сравнительно недавно в официальных документах Пентагона стали применять термин «hybrid warfare». См.: Garamone J. Military Must Be Ready to Confront Hybrid Threats, Intel Official Says [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1952023/military-must-be-ready-to-confront-hybrid-threats-intelligence-official-says/> (дата обращения: 13.03.2022). Кроме того, о необходимости формализации явления «гибридной войны» указывалось в работе: Новосельский А.В. Отражение правовой оценки гибридной войны против Сирии в научных публикациях // Вопросы безопасности. – 2019. – № 3. – С. 10-18.

¹⁹² Подберёзкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований МГИМО МИД России. – М.: МГИМО–Университет, 2015. – 581 с.

¹⁹³ Там же. С. 60–61.

являются единственными и решающими средствами войны»¹⁹⁴. В результате, здесь отмечается некоторое смешение терминов, поскольку под «сетевидной войной» понимается практически то же самое, что и под «гибридной войной». Ряд других экспертов, исследуя СЦВ/СЦО, используют подход, близкий к подходу её авторов, который содержит три основных принципа: обмен информацией и достижение информационного превосходства, информированность и самосинхронизация, т.е. способности подразделений и частей планировать задачи с последующим их выполнением с обеспечением максимальной эффективности своих действий, а также действия находящиеся во взаимодействии с ними других частей и подразделений¹⁹⁵.

В современных научных подходах к исследованиям феномена «цветных революций» также существует несколько направлений. Так, ряд экспертов рассматривает «цветные революции» в качестве восстания народных масс против систематически нарушающих права человека диктаторских, тиранических режимов¹⁹⁶. При этом отдельные авторы считают, что «положительный исход» ненасильственных действий при смене режима является не импровизацией в ответ на события, а стратегией «борьбы с диктатурой»¹⁹⁷. По мнению этих специалистов, термин «цветные революции» был придуман для обозначения ненасильственных массовых протестов против политических элит, вспыхнувших на постсоветском пространстве через десять лет после распада СССР. При этом взгляды российского военно-политического руководства, определяемые на основе обновлённых стратегических документов, военных концепций, выступлений и сообщений в СМИ, интерпретируются как «глубокая авторитарная реакция» на указанные явления. Более того, отдельные специалисты рассматривают «цветные революции» как «каскады смены режима»¹⁹⁸. Так, события, произошедшие в

---

¹⁹⁴ Там же. С. 60.

¹⁹⁵ Коровин В.М. Третья мировая сетевая война. – СПб.: Питер, 2014. – 354 с.; Савин Л.В. Сетевидная и сетевая война: введение в концепцию. – М.: Евразийское движение, 2011. – 130 с.

¹⁹⁶ См.: Way L. The Real Causes of the Color Revolutions // *Journal of Democracy*. – 2008. – V. 19. № 3. – P. 55-69; Bērziņa I. Weaponization of «Colour Revolutions» // *Journal of Political Marketing*. – 2019. – V. 18. № 4. – P. 330-343.

¹⁹⁷ Ackerman P., Rodal B. The Strategic Dimensions of Civil Resistance // *Survival*. – 2008. – V. 50. № 3. – P. 111-126.

¹⁹⁸ Hale H. Regime Change Cascades: What We Have Learned from the 1848 Revolutions to the 2011 Arab Uprisings // *Annual Review of Political Science*. – 2013. – V. 16. – P. 331-351.

конце 1980-х годов в социалистическом лагере, «цветные революции» в нулевых годах XXI века на территории постсоветского пространства и «Арабскую весну» ряд зарубежных авторов рассматривает как массовые восстания, быстро распространяющиеся через национальные границы, чтобы сменить диктатора за диктатором новыми лидерами, провозгласившими наступающую эру демократии и свободы. Они видят в этом и обратную сторону – «теорию домино», т.е. понимание того, что смена одного режима ведёт к репрессиям, а не к демократии, и опасению, что один авторитарный переворот спровоцирует другие. Проводятся аналогии с революциями 1848-1849 гг., т.е. имеет место смешивание революций, приведших к изменению социально-политической модели, с «цветными революциями», где подобных изменений не было.

Некоторые авторы считают, что критики «цветных революций» используют марксистское представление о революции, якобы избегая применять современные определения¹⁹⁹ этого термина, указывая, в частности, на работы Дж. Голстоуна, согласно которым революция представляет собой попытку преобразовать политические институты и вместе с этим дать новое обоснование политической власти в обществе, что сопровождается формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть²⁰⁰.

Среди сторонников подхода того, что «цветные революции» лишь восстание масс, можно выделить Б.Ю. Кагарлицкого²⁰¹, по мнению которого «каждая историческая эпоха порождает собственную «модель» революционных

---

¹⁹⁹ См. Соловей В.Д. «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2. № 1. – С. 33-43. Примечание. Соловей В.Д. внесён в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. См.: Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 10.09.2022).

²⁰⁰ Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory // Annual Review of Political Science. – 2001. – V. 4. – P. 139-187.

²⁰¹ Профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук Борис Кагарлицкий внесён в Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. См.: Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 10.09.2022).

преобразований, которые отличаются друг от друга так же, как и сами эпохи»²⁰². Согласно его представлениям, «в зависимости от социальной структуры общества, его экономической жизни и политических институтов меняются и средства борьбы, лозунги, формы организации». При этом Б.Ю. Кагарлицкий считает, что неизменным остается только выход многомиллионных масс «простых» людей на авансцену истории, превращение их из «зрителей или жертв происходящих событий» в полноценных действующих лиц.

Альтернативного подхода придерживаются исследователи, которые полагают, что «цветные революции» являются технологиями, направленными на демонтаж неугодных политических режимов, не имеющими никакого отношения к настоящим революциям. Подобных взглядов придерживаются, в частности, В.И. Батюк, Б.В. Долгов, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, М.Н. Петров, Е.Г. Пономарёва, Е.М. Примаков, Л.Л. Фитуни и др.²⁰³.

Так, среди отличий Е.Г. Пономарёва выделяет, в частности, следующие аспекты:

²⁰² Кагарлицкий Б. Ю. Неуловимая правда революций // Логос. – 2012. – Т. 22. № 2. – С. 65-80.

²⁰³ Батюк В.И. Политика США на постсоветском пространстве после окончания «холодной войны» // Международная жизнь. – 2011. – № 8. – С. 61-75; Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. – М.: Ленанд, 2017. – 200 с.; Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты арабской весны: русская версия. – М.: Алгоритм, 2012. – 304 с.; Кара-Мурза С.Г. «Оранжевые» политические технологии // Проблемы управления. – 2011. – № 1. – С. 159-168; Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – 143 с.; Карпович О.Г. Цветные революции: Теория и практика демонтажа современных политических режимов / О.Г. Карпович, А.В. Манойло. – Москва : Юнити-Дана : Закон и право, 2015. – 111 с.; Максимов И.В. Цветная революция: социальный процесс или сетевая технология? Монография. Под редакцией профессора Кочеткова В.В. – М.: Книга по требованию, 2010. – 116 с.; Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 1-19; Меркулов П.А. «Цветные революции» как технологии современной геополитики / Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Бочанов М.А. – Орел: Издательство ОФ РАНХИГС, 2016. – 138 с.; Москаленко М.Н. «Цветные революции» и иные угрозы конституционному строю Российской Федерации. История и современность [Электронный ресурс]: монография/ Москаленко М.Н. – Электрон. текстовые данные. – Москва: Дашков и К, 2015. – 136 с.; Наумов А.О. Мягкая сила, цветные революции и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – АРГАМАК-МЕДИА Москва, 2016. – 274 с.; Петров М.Н. Механизмы государственных переворотов: историко-теоретическое исследование. – Минск: Харвест. М.: АСТ, 2005. – 397 с.; Пономарёва Е.Г. Секреты цветных революций: Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль: Международный общественный журнал. – 2012. – № 1–2. – С. 87-98; Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская газета, 2012. – 414 с.; Родькин П. Революция потеряла цвет. «Цветные революции» 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. – М.: Совпадение, 2015. – 120 с.; Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 3-14; Хабриева Т.Я. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование: монография / Т.Я. Хабриева, В.Е.Чиркин. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 192 с.; Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны» – М.: «Международные отношения», 2015. – 336 с.

1) наравне с политическими и социально-политическими факторами базисом для классических революций XIX-XX вв. служат «идеологические, духовно-нравственные и даже метафизические представления», которые при этом определяют переворот, происходящий вначале «в общественном сознании, в "системе ценностей" наиболее активной части общества и только затем находят своё выражение в преобразовании общественного бытия»²⁰⁴;

2) отсутствие критически значимых условий для смены политической и общественной систем²⁰⁵;

3) наличие сильного руководителя государства («объекта-мишени»), который обладает волей и решимостью задействовать силу для пресечения незаконных антиправительственных действий со стороны протестующих и провокаций, а также преданность силовых структур и военных.

В.И. Батюк рассматривал применение «цветных революций» как стратегию сдерживания России со стороны американского руководства, а инициированной Западом «демократической революции» предлагал противопоставить национальную контрреволюцию²⁰⁶. Исследователями отмечается, что демонтаж политических режимов осуществляется с внешним участием и применением специфических технологий «цветных революций», направленных на демонтаж политических режимов. Так было в конце 1980-х годов и в период «цветных революций» на рубеже XX и XXI веков, в нулевые годы текущего столетия и во времена т.н. «Арабской весны», а также государственных переворотов последних лет.

При этом в современных государствах с относительно высоким уровнем организации даже при наличии серьезных социально-экономических проблем внутри них не происходит демонтаж существующей власти только за счёт одних

---

²⁰⁴ Пономарёва Е.Г. Что такое «цветные революции» и как с ними бороться? // Представительная власть. – 2016. – № 1–2. – С. 26-38.

²⁰⁵ Там же. Как отмечает Е.Г. Пономарёва, «настоящая революция невозможна, если значительная часть населения к ней не готова, когда народ не видит иного выхода из сложившейся критической – революционной – ситуации кроме как в кардинальном изменении всех ранее существовавших жизненных устоев, начиная от изменения форм собственности и заканчивая политической надстройкой».

²⁰⁶ Батюк В.И. Политика США на постсоветском пространстве после окончания «холодной войны» // Международная жизнь. – 2011. – № 8. – С. 61-75; Его же: Россия, США и «цветные революции» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 8. – С. 15-26.

внутренних сил. Это возможно прежде всего при суперпозиции внутренних факторов и внешнего влияния, которое осуществляется по определенному алгоритму (но с возможностью адаптации под конкретные условия конкретного государства), т.е. в виде технологии, или же прямой интервенции. Внутренние сложные социально-политическая, экономическая, этническая, религиозная или конфессиональная ситуации, безусловно, играют важную роль, но в современных условиях существуют акторы, которые используют на территории «объекта-мишени» искреннее недовольство населения (значительной его части или незначительной, но хорошо организованной), направляя это недовольство против действующей власти, в определённый момент перехватывая над «объектом-мишенью» управление. Без внешних ресурсов, технологий, политико-дипломатической, организационной, логистической, разведывательной и информационно-психологической поддержки у противников власти в государстве крайне ограничены возможности для её смены, поскольку власть обладает критическим преимуществом в организации и ресурсах над ними, которое невозможно или чрезвычайно тяжело нивелировать без системной и массивной внешней помощи.

Новый подход в исследовании неклассических войн выдвинули И.М. Попов и М.М. Хамзатов в виде концепции под названием «технология системно-сетевой войны». Согласно авторам данной концепции, в основе технологии системно-сетевой войны (ведения современных войн) лежит одновременное и при этом системное воздействие по всем социальным институтам противника. Для указанных целей привлекаются не только вооруженные силы, но также другие силовые и несиловые ведомства, организации и структуры²⁰⁷. По мнению И.М. Попова и М.М. Хамзатова, базой для разработки новой технологии войны послужила сильная зависимость современного общества от международных связей, а также ключевых элементов экономики, инфраструктуры и

---

²⁰⁷ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. – 832 с.

жизнеобеспечения²⁰⁸. Отмечается, что главное в данной технологии то, что «воюет не только армия, а всё общество, всё государство. Если раньше об этом говорилось иносказательно, то теперь в этом есть прямой смысл»²⁰⁹. По мнению авторов, всё государство и общество противника понимается как единая система со своими уязвимостями («критическими узлами»), разрушение которой кардинально уменьшит их оборонный потенциал и малыми ресурсами приведёт к победе. Поэтому нет необходимости уничтожать противника со всеми вооруженными силами – достаточно поразить его «центры тяжести». Фактически, согласно указанной технологии, воздействие актора (нападающей стороны) осуществляется по ключевым подсистемам противника всеми доступными возможностями – как военными, так и невоенными²¹⁰, а не только вооруженными силами.

Содержание «системно-сетевой войны» рассматривается её авторами на военно-политическом, стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. На военно-политическом уровне выбор указанной технологии осуществляется с определением наиболее приоритетных целей. На стратегическом уровне применения технологии «системно-сетевой войны» происходит переход от широкомасштабных «линейных» действий к операциям нового поколения через акцент на мобильность с максимальной реализацией боевых возможностей небольших группировок войск, что достигается за счёт новейших систем управления, разведки и обеспечения. Осуществляются центрально-сетевые операции, определяемые как «совокупность детально согласованных и взаимосвязанных боевых, небоевых и специальных действий и акций разнородных, разведомственных модульных группировок войск (сил), управляемых из единственного стратегического центра и действующих в едином информационно-коммуникационном пространстве [...] на всю глубину

---

²⁰⁸ Там же. С. 494.

²⁰⁹ Там же. С. 498.

²¹⁰ В термин «невоенные возможности» И.М. Попов и М.М. Хамзатов вкладывают тот же смысл, который в данной диссертации вкладывается в термин «неинтервенционные элементы насильственного контроля» (см. параграф 1.1.).

территории противника по ключевым «центрам тяжести»²¹¹. На оперативном уровне применяются т.н. «аморфные» группировки регулярных войск (сил). Вместе с этим используют иррегулярные формирования в форме «облачных» действий²¹², когда основные структурные элементы системы обеспечения такого («облачного») противника находятся за пределами «объекта-мишени» агрессии, а именно на территории стран, которые формально не участвуют в войне (конфликте). Цель применения такой технологии – достижение коллапса «объекта-мишени» изнутри.

Важной задачей нападающей стороны, по мнению авторов данной технологии, является террор против мирного населения и провоцирование гуманитарной катастрофы. На тактическом уровне основой центрально-сетевых операций является применение «боевых стай» с централизованной стратегией и децентрализованной тактикой действий; аморфно-скоординированное действие (атака) в отношении противника со всех направлений; отсутствие фронта. Все это подкрепляется новейшими системами разведки и управления.

Отметим, что в отечественной и иностранной научной и военной литературе, посвящённой неклассическим войнам, почти не используется понятие «модель ведения неклассической войны». Исключение составляют модель гибридной войны как проектной деятельности и упомянутая модель «облачного противника», разработанная И.В. Поповым и М.М. Хамзатовым²¹³. Так, согласно этой модели, «облачный противник» представляет собой аморфное образование, организованное под конкретную боевую задачу из подразделений и частей регулярных войск государства и иррегулярных вооружённых формирований. До непосредственного участия в конфликте они существуют в собственных контурах (в «облаке»). В необходимый момент их собирают вместе в рамках единого

---

²¹¹ Там же. С. 502.

²¹² Подробнее об «облачном противнике» см.: Хамзатов М.М. «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности // Дни науки. «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО, 2014. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/30887> (дата обращения: 29.11.2022). Его же: Новая технология войны. Выступление на круглом столе «Война в Сирии – уроки для России». Часть 1 [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. 2014. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-24/1_nvo.html (дата обращения: 15.03.2022).

²¹³ См.: Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. – 832 с.

общего военного проекта, устанавливая между ними иерархические связи, а также командование. Затем указанные силы функционируют уже как единое целое. После окончания проекта компоненты вооружённой мощи стороны конфликта распадаются и снова возвращаются в «облако» – до следующей точки сборки под очередную задачу²¹⁴. Указанной модели придерживаются американцы, британцы, французы и другие акторы, что продемонстрировал пример войны в Сирии. Близким примером является также использование Россией ЧВК «Вагнер» в Сирии, Ливии и ЦАР. Наконец, в данную модель укладываются действия Ирана в Сирии, Ираке и Йемене²¹⁵.

Следует отметить, что существуют серьёзные (часто – кардинальные) различия в подходах исследователей к разным формам неклассических войн, которые можно разделить на несколько основных типов:

1) «цветные революции» представляются либо как восстание масс против диктатур, либо как специфическая технология демонтажа неугодного политического режима и установления режима, подконтрольного нападающей стороне;

2) гибридные войны рассматриваются как взаимодействие государственных и негосударственных акторов для достижения взаимовыгодных целей, в т.ч. с помощью информационных операций, экономического воздействия и т.п. Вместе с этим ряд исследователей полагает, что понятие «гибридные войны» не совсем корректное и корректнее использовать понятие «сетевые войны»;

3) подход, в котором исследователи в основу неклассических войн ставят сеть и сетевой принцип организации (например, технология «системно-сетевой войны»).

Таким образом, указанные выше подходы исследователей в описании форм неклассической войны часто кардинально отличаются между собой. Следует

---

²¹⁴ Зайцев А.Я., Манойло А.В. Роль частных военных компаний в использовании технологий «облачного противника» // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91. № 2. – С. 167-173.

²¹⁵ Более подробно об этом см.: Стригунов К.С., Манойло А.В., Безвербный В.А. Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны. – М.: Горячая линия-Телеком, 2021. – 408 с.

констатировать отсутствие единой системы описания форм, методов и технологий неклассических войн, что приводит к путанице и смешению терминов и понятий.

Авторский методологический подход

На основании существующих подходов, в данном диссертационном исследовании сформулирован авторский методологический подход, включающий стандарт для исследования тех форм неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, а также технологии демонтажа политических режимов «венесуэльский прецедент».

Разработка новейших средств, методов и технологий неклассических войн, альтернативных классическим войнам, велась со второй половины XX века, когда тотальная классическая война с применением ядерного оружия между сверхдержавами вела к гарантированному взаимоуничтожению. Постепенно формировались новая система взглядов, методы и технологии, благодаря которым оказалось возможно достигать насильственного контроля над «объектом-мишенью», не прибегая к методам и технологиям классических войн, которые несли в себе неприемлемые военно-политические, стратегические, экономические, психологические и репутационные риски.

Представляется, что переход к неклассической войне был связан с коренным изменением стратегического мышления в США, важный вклад в которое внёс С. Манн (работа «Теория хаоса и стратегическое мышление»²¹⁶, подробнее об этом см. параграф 1.1.). Примечательно, но в своей работе С. Манн усомнился в том, что лежащая в основе нового мышления теория хаоса применима к уровню театра военных действий: «...в боевых действиях принимает участие ограниченное количество действующих лиц, как мы их определяем это, в основном, одна сила против другой»²¹⁷. Исследователь сделал вывод, что «уровень театра военных действий, вероятно, выпадает из теории хаоса, которая

---

²¹⁶ Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). – 1992. – V. 22. – P. 54-68; Complexity, Global Politics, and National Security / Beyerchen A. et al. – National Defense University Washington, D.C., 1998. – 180 p.

²¹⁷ См.: Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). – 1992. – V. 22. – P. 54-68.

описывает поведение большого количества акторов»²¹⁸. Однако в начале 90-х годов С. Манн и другие исследователи не обладали современной теоретической и эмпирической базой. Не менее важно и то, что они не в полной мере представляли себе колоссальные возможности, открытые революцией в ИКТ в последовавшие годы. Экспоненциальный рост передаваемого в единицу времени объема информации привёл к коренному изменению в коммуникации и предоставил принципиально новые возможности в организации.

В соответствии с выбранной методологией исследования, мы исходим из того, что теория систем²¹⁹, теория хаоса и теория самоорганизованной критичности²²⁰ (СОК) легли в основу теории сложности (complexity theory²²¹), задействованной в концепции СЦВ²²², чьи принципы, как будет показано дальше, схожи с принципами тех форм неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп. Теория сложности оперирует сложными адаптивными системами (САС)²²³, к которым относятся и войска. Это вызвано тем, что усложнение структуры войск (объекта управления) вело к увеличению уровней иерархии в системе командования и контроля (Command and Control, C2) при сохранении управляемости в диапазоне контроля (span of control), что неприемлемо в условиях информационной эпохи, поскольку деструктивно сказывается на гибкости всей организации и замедляет поток информации²²⁴. Это

²¹⁸ Ibid.

²¹⁹ Точнее – диссипативных систем, т.е. неравновесных открытых систем. См.: Николис Г., Пригожин И.Р. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. – М.: Мир, 1979. – 512 с.

²²⁰ Bak P., Tang Ch., Wiesenfeld K. Self-organized criticality: An explanation of 1/f noise // Phys. Rev. Lett. – 1987. – V. 59. № 4. – P. 381-384; Bak P., Chen K. Self-Organized Criticality // Scientific American. – 1991. – V. 264. № 1. – P. 46-53.

²²¹ Moffat J. Complexity Theory and Network Centric Warfare. – Washington, DC: DoD Command and Control Research Program, 2003. – 160 p.

²²² Cebrowski A., Garstka J. Network Centric Warfare: Its Origin and Future // Proceedings of the Naval Institute. – 1998. – V. 124. № 1. – P. 28-35.

²²³ Под САС понимаются динамические системы, способные адаптироваться и изменяться внутри или как часть изменяющейся среды. При этом невозможно свести общее поведение САС к набору свойств, характеризующих её отдельные компоненты (т.е. САС свойственно эмерджентное поведение). Иными словами, взаимодействие между элементами САС способно создавать свойства на коллективном уровне, которые не существуют, если компоненты рассматриваются по отдельности.

²²⁴ См.: Alberts D., Garstka J., Stein F. Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority. Second edition (revised). Washington, DC: Department of Defense. Command and Control Research Program (CCRP) [Электронный ресурс] // Department of Defense. Command and Control Research Program (CCRP) [Официальный сайт]. 2000. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_NCW.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

потребовало нового подхода для сглаживания негативного воздействия усложнения иерархии в С2-системе. При этом ряд взаимодействующих единиц системы управления может генерировать чрезвычайно сложное поведение, соответствующее колоссальному количеству доступных состояний (разнообразных конфигураций), т.е. демонстрировать потенциально хаотичное поведение.

Согласно теории сложности, хаотическая система самоорганизуется в сложную систему, когда количество степеней свободы элементов системы увеличивается. Центральная предпосылка самоорганизации заключается в том, что система «открыта»²²⁵, а это означает, что энергия (или информация) может входить в систему или выходить из неё. Вместе с этим, согласно закону необходимого разнообразия²²⁶, для правильного управления системой разнообразие субъекта управления (совокупность доступных состояний, которое он может занимать) должно соответствовать разнообразию самой боевой системы, *т.е. сама система управления должна быть сложной*. Потенциально хаотическое поведение подразделений низового уровня подавляется нисходящей С2-системой ВС, которая остается сосредоточенной на общих целях высокого уровня. Для этого подразделения самосинхронизируются под командованием миссии (военного руководства) для достижения общей цели. Под самосинхронизацией (данное понятие пришло из теории сложности) понимается самоорганизация военной структуры снизу, т.е. без указаний командования сверху. За счёт самосинхронизации происходит компенсация хаотичного поведения сложной системы (войсками в современном бою), а сам этот процесс становится осуществим вследствие возможности используемых сил создать *сеть*. Иными словами, речь идёт о сетцентрической форме военных действий, когда подразделения самосинхронизируются в информационной сети.

Как было отмечено, распад биполярной системы сказался на стратегическом мышлении, прежде всего – военно-политического руководства США. При этом

---

²²⁵ Atkinson S., Moffat J. The Agile Organization: From Informal Networks to Complex Effects and Agility. – Washington, DC: DoD Command and Control Research Program, 2005. – 211 p.

²²⁶ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Иностранная литература, 1959. С. 293–296.

проблема неприемлемого ущерба в ходе классической войны не исчезла, что требовало иных подходов, в которых ВС не выступают в качестве главного инструмента для навязывания своей воли противнику. Однако отсутствие теоретической основы, в соответствии с которой международные процессы и конкретно зоны конфликта рассматриваются как нелинейные динамические системы, вместе с отсутствием средств и инструментов её практического воплощения²²⁷, являлось фундаментальным препятствием для воздействия на операционную среду (международная арена и, в частности, зоны конфликтов) с помощью НЭНК (прежде всего людских масс, организованных особым сетевым способом) с результатом, которого возможно достичь в классической войне при помощи ВС. Это привело к переосмыслению мировых процессов и способов влияния на них, а также к пересмотру взаимодействий на международной арене.

Революция в ИКТ шла параллельно, с поиском новых способов обойти те ограничения, которые накладывали классические конфликты (войны). В таких условиях, когда политических и стратегических целей нельзя было достичь с применением ВС или же риски их применения перевешивали тот результат, который можно было получить в случае победы, на первый план вышли НЭНК. Сами НЭНК применяли и ранее, но отличие в том, что по мере революции ИКТ оказалось возможным применять НЭНК с радикально возросшей эффективностью, позволявшей достигать военно-политического результата аналогичного тому, который достигался бы по итогам прямой (классической) войны с помощью ВС. Этому же способствовали открытия в области сетевых технологий, организационного поведения и рефлексивного управления, основанные на действии внешних раздражителей («стимулов»), вызывающих рефлексивную реакцию объекта такого информационного воздействия²²⁸. Под организационным поведением понимается поведение субъектов организации –

---

²²⁷ Имеется ввиду отсутствие технологий сетевой организации масс людей, для чего требуются ИКТ необходимого уровня, а также апробация исследований в области организационного поведения и рефлексивного управления (манипуляция массами). Революция в этих направлениях пришлась на последнюю четверть XX века.

²²⁸ Основываются, в т.ч. на работах советского и американского психолога и математика В.А. Лефевра. См.: Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973. – 158 с.; Его же: Рефлексия. – М.: Когито-Центр, 2003. – 496 с.

людей, групп, коллектива в целом, а также организаций в изменяющейся внешней среде²²⁹. Организационное поведение вместе с рефлексивным управлением используются в формах неклассических войн, в частности, для управления непрямым способом значительным количеством людей (разновидности сетевых групп), инструментализируемых с целью демонтажа неуютного политического режима. Отметим, что организационное поведение следует отличать от организационного воздействия, под которым понимаются согласованные по целям, месту и времени разведывательные, пропагандистские, психологические, информационные и другие формы воздействия²³⁰, являющиеся частью комплекса операций, образующих организационное оружие (см. параграф 1.1). Фактически методы организационного поведения могут быть применены в конкретных «цветных революциях» – системах технологий применения организационного оружия.

Интеграция перечисленных составляющих не была случайной. Рассмотрение децентрализованных составляющих НЭНК, а конкретно – групп людей, в соответствии с сетевым принципом и теорией рефлексивного управления, а также благодаря возможностям ИКТ, позволило добиться кардинального роста точности воздействия на эти элементы НЭНК вплоть до конкретного индивидуума. По аналогии с ранее упомянутой концепцией СЦВ, за счёт этого эффективность управления всем процессом применения НЭНК, ядром которых являются организованные сетевым образом группы людей, радикально возрастает вместе с точностью результата, которого стремится достичь нападающая сторона. Важное отличие от СЦВ состоит в том, что теперь под сетевыми группами имеются *не ВС, а протестные группы и насильственные иррегулярные формирования*. Это обусловлено высокими рисками применения ВС или невозможностью их применения.

---

²²⁹ Ряжева Ю.И. Организационное поведение: учебное пособие / Ю.И. Ряжева, О.В. Семенова. – Самара: Издательство Самарского университета, 2021. С. 7.

²³⁰ Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие. Функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс] // Изборский клуб [Официальный сайт]. 2013. URL: <https://izborsk-club.ru/1466> (дата обращения: 19.03.2022).

Использование сетевых групп позволяет обойти данные риски и ограничения. Без сетевой организации протестных групп и иррегулярных формирований (боевики-террористы, криминальные элементы, повстанцы, наёмники) нельзя обойтись, когда актор (нападающая сторона), действующий чаще всего опосредованно, использует людские массы²³¹ в качестве основного инструмента для устранения неугодного режима и в целом перехвата контроля над «объектом-мишенью». Благодаря ИКТ удалось существенно повысить эффективность взаимосвязи и координации пространственно-разнесённых групп людей и отдельных лиц, поскольку ИКТ-революция радикально повысила скорость и ёмкость передаваемой информации. Иными словами, стратегический центр (субъект управления) сумел радикально увеличить (разнообразить) количество команд управления в отношении групп людей (объекты управления), при помощи которых чаще всего и осуществляется нападение в отношении «государства-мишени», но без увеличения уровней иерархии. Таким способом группы людей были объединены в сеть (сетевые группы).

Однако рост количества управляющих команд был связан и с эффектом самосинхронизации, когда большая часть управляющих сигналов возникала на низовом уровне (сетевых групп). Без вышеупомянутого роста количества управляющих команд каждый индивидуум, входящий в сетевые группы, увеличил бы разнообразие собственных состояний до такого значения, после которого эффективное управление²³² всеми группами оказалось бы невозможным. Как следствие, управление такой САС, которой является сетевая группа (как и войска), не удовлетворяло бы фундаментальному закону кибернетики – закону необходимого разнообразия²³³. Управление над САС становится возможным из-за самосинхронизации через объединение людей в сетевые группы. Из этого следует

---

²³¹ Указанное свойство отличает использование сетевых групп от других НЭНК, например, экономических санкций, которые можно дозированно вводить, синхронизируя с действиями сетевых групп, но для ввода санкций не требуется применение сетевых технологий.

²³² Под эффективным управлением здесь понимается такое управление, при котором объекты, т.е. сетевые группы, могут быть организованы и инструментализированы для осуществления насильственного контроля над государством, например, в виде демонтажа неугодного режима по украинскому сценарию или при попытке устранить правительство Б. Асада в Сирии, и т.п.

²³³ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Иностранная литература, 1959. С. 293–296.

важнейший вывод: *достижение результата, сопоставимого с результатом, достигаемым при нанесении «объекту-мишени» поражения в классической (прямой, интервенциональной) войне, стало возможным с использованием подхода, основывающегося на теории сложности, применении ИКТ и сетевой организации управления.* Рассмотрим подробнее этот важнейший аспект с помощью предлагаемого авторского метода.

При использовании линейного подхода²³⁴ количество управляющих команд при воздействии на среду относительно невелико, а преобразование среды, под которым в данном случае мы понимаем насильственный контроль над «объектом-мишенью» в ходе классической войны, осуществляется с использованием ВС. Такой метод адекватен классической войне без использования концепции СЦВ/СЦО, однако трудно применим в классической войне с сетцентричным управлением войсками и непригоден в неклассической войне, где на первый план выводятся НЭНК (прежде всего организованные сетевым образом группы людей). Для того, чтобы использование сетевых групп и других НЭНК приводило к результату, сопоставимому с результатом в виде нанесения поражения «объекту-мишени» в ходе классической войны, требовалось иное управление по сравнению с классическими ВС, где господствует иерархия и директивное управление.

Основной метод исследования неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, в данной диссертационной работе состоит в следующем. Мы полагаем, что при использовании сетевых групп управление должно быть рефлексивным, непрямым и опосредованным, т.е. осуществляемым в прокси-режиме. Однако в отношении сетевых групп (во время протестов или при использовании иррегулярных формирований, как это было в Сирии) чрезвычайно трудно добиться управляемости, сравнимой с той, которая

---

²³⁴ С. Манн понимал под этим классический подход, описывающий линейное поведение отдельных объектов. «Специфическая парадигма, – пишет С. Манн, – которая проникла в современное западное сознание, лучше всего описана в ньютоновском мировоззрении». По мнению С. Манна, данная парадигма детерминистская и линейная. Будучи связанной с взаимодействием сил и объектов, такая парадигма ориентирована на последовательные изменения. См.: Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters (US Army War College Quarterly). – 1992. – V. 22. – P. 54-68.

характерна для ВС. Мы рассматриваем управление над объединенными в сеть децентрализованными индивидуумами как опосредованное. Кроме того, мы полагаем, что в подобной сети нет или слабо проявляется иерархическая организация, тем более что стратегический центр часто пытается скрыть своё участие против «объекта-мишени». Именно максимальная детализация воздействия (фундаментальный уровень – один человек, т.е. дальнейшая детализация невозможна) вместе с увеличением осведомленности позволила перейти к сетевой организации, когда каждый элемент сети знает то, что знают другие. В этом наблюдается сходство с СЦВ и СЦО²³⁵.

В данном диссертационном исследовании мы полагаем, что детализация воздействия радикально увеличила количество объектов управления, что автоматически привело к ужесточению требований к управляющему контуру (т.е. стратегическому центру). Субъект управления должен увеличить количество управляющих команд, улучшить связанность с элементами сети и их координацию. Важная составляющая данного метода исследования неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, состоит в том, что такого рода воздействие не должно быть беспорядочным – в противном случае невозможно добиться управляемости процессом, т.е. использования сетевых групп в качестве инструмента по осуществлению над «объектом-мишенью» насильственного контроля с результатом, сопоставимым с результатом применения ВС в классической войне. В противном случае произойдет утрата управляемости сетевой группой (группами) и искомый результат окажется недостижим.

Кроме того, в соответствии с выбранным методом исследования, эффективное управление над сетевыми группами и элементами внутри них достигается в том случае, если управляющий центр увеличит скорость информационного обмена с сетевыми группами и между ними, а также объём передаваемой информации. На низовом уровне (сетевые группы) проявляется

---

²³⁵ Panwar R. Network Centric Warfare: Understanding the Concept [Электронный ресурс] // Future Wars [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://futurewars.rspanwar.net/network-centric-warfare-understanding-the-concept/> (дата обращения: 16.03.2022).

свойство самосинхронизации (по аналогии с подразделениями ВС в СЦВ/СЦО), благодаря которой стратегическому центру удастся компенсировать колоссальное разнообразие объектов управления.

Данный метод выявил принципиальную разницу между неклассической войной и СЦВ, состоящую в том, что в СЦВ объектами управления являются войска (солдаты, офицеры), т.е. к ним применимо директивное управление, а в неклассических войнах (особенно – в «цветных революциях», гибридных войнах) задействуется либо местное население, либо криминал, наёмники, экстремисты, террористы и т.п., которые могут негативно относиться к управляющему контуру (т.е. к стратегическому центру). В соответствии с выбранным методом, мы исходим из того, что в неклассических войнах эффект самосинхронизации и общее достижение цели достигается во многом за счёт рефлексивного²³⁶, т.е. непрямого, управления и организационного поведения, разработки которых осуществлялись на протяжении десятилетий в разных ведомствах на Западе²³⁷. Это кардинально отличает неклассические войны от СЦВ/СЦО, где масштабно задействуются ВС, *однако в обоих случаях организация масс людей по сетевому принципу имеет единый генезис.*

Иными словами, сетцентричный принцип используется и в СЦВ/СЦО для ВС и их С2-систем²³⁸, и в неклассических войнах, но принципиальное отличие

²³⁶ Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие. Функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс] // Изборский клуб [Официальный сайт]. 2013. URL: <https://izborsk-club.ru/1466> (дата обращения: 19.03.2022).

²³⁷ Например, корпорацией RAND, Тавистокским институтом человеческих отношений, Национальной академией наук США, подразделениями министерства обороны США и др. Исследования проводились и в военных целях. См.: Alberts D., Garstka J., Stein F. Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority. Second edition (revised). Washington, DC: Department of Defense. Command and Control Research Program (CCRP) [Электронный ресурс] // Department of Defense. Command and Control Research Program (CCRP) [Официальный сайт]. 2000. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_NCW.pdf (дата обращения: 03.03.2022); Chapman R. et al. The Systems Research Laboratory's Air Defense Experiments // Management Science. – 1959. – V. 5. № 3. – P. 250-269; Modeling Human and Organizational Behavior: Application to Military Simulations [Электронный ресурс] // National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine [Официальный сайт]. 1998. URL: <https://nap.nationalacademies.org/catalog/6173/modeling-human-and-organizational-behavior-application-to-military-simulations> (дата обращения: 26.11.2022); Emery F., Trist E. The Causal Texture of Organizational Environments // Human Relations. – 1965. – V. 18. № 1. – P. 21-32; The social engagement of social science: A Tavistock anthology. Volume 1: The Socio-Psychological Perspective / Ed. by Trist E., Murray H. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. – 625 p.

²³⁸ Пример. Во времена «Арабской весны» для свержения неугодных режимов США использовали исламистов, которые негативно относились к США, где находился стратегический центр управления серии «цветных революций» в Магрибе и Ближнем Востоке. Очевидно, что над исламистами нельзя было осуществлять управление, идентичное тому, которое применялось бы в СЦО вооруженными силами США. Поэтому

состоит в том, как он достигается – в случае с неклассическими войнами для этого массово применяются технологии рефлексивного управления (например, спецслужбы способны использовать людей без их ведома, т.е. «втемную»). В соответствии с применяемым в данной работе методом исследования, тип управляющих команд так же важен, как и увеличение их количества, связь и т.п. Следствием этого является гибкость использования сетевых групп при сравнительно высокой адаптивности к условиям, где они задействуются, и их изменениям. Важна и обратная связь со стратегическим центром для того, чтобы тот обладал возможностью коррекции своих действий на основе информации, полученной по каналам обратной связи. Тогда актер (наступающая сторона), имея представление о ходе процесса (например, демонтаже неудобного режима), обладает возможностью более эффективного управления им.

В предложенном методе исследования форм неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, осуществление над «объектом-мишенью» насильственного контроля возможно, если стратегическим центром оказывается воздействие на множество децентрализованных элементов сетевых групп. Без увеличения количества управляющих команд на элементы сетевых групп, активации их самосинхронизации, а также без использования необходимого типа команд (на основе рефлексивного управления), сами сетевые группы оказались бы дезорганизованными (разнообразие состояний управляемой системы превысило бы допустимый уровень), что исключало их инструментализацию для насильственного контроля над неудобным режимом, в т.ч. его демонтажа или принуждения к чему-либо.

Инструментализация людских масс оказалась возможной благодаря переходу от линейного подхода и иерархии к теории хаоса, теории сложности и сетевой организации; до указанного перехода было невозможно достигнуть высокой управляемости сетевыми группами, в т.ч. и в координации с другими

использовалось опосредованное управление, приводившее к эффекту, схожему с тем, который достигается сетевым принципом управления войсками. За счёт этого исламисты и примкнувшие к ним элементы становились сетью, т.е. инструментализировались для достижения конечного результата – свержения неудобного режима.

НЭНК. На основе нового стратегического мышления, подходов и технологий удалось радикально увеличить уровень согласованности как внутри сетевых групп, так и между ними, а также вместе с другими НЭНК. Кардинально возросла и эффективность их применения, поскольку возникла *синергия* и *синергетический эффект*.

Именно использование ИКТ, сетевых технологий, а также технологий рефлексивного управления и организационного поведения привело к радикальному увеличению согласованности между составляющими ключевого НЭНК в ряде форм неклассических войн – сетевых групп. Благодаря синергии эффективность применения сетевых групп (а вместе с ними и всех НЭНК) возрастает настолько, что становится возможным демонтаж неудобного режима без использования актором своих ВС, но результат оказывается сопоставим с использованием ВС, т.е. нанесением поражения «объекту-мишени» в классической войне. Это объясняется тем, что создание сети из множества участников, в протестных группах или иррегулярных вооруженных формированиях, ведёт к тому, что они становятся САС, обладающей такими свойствами, которые невозможно вывести из набора свойств, характеризующих отдельные её элементы, что является проявлением эмерджентности и синергии, а именно – возникновением высоких боевых свойств у сетевых групп, которыми не могли обладать протестующие или боевики, не объединенные в сеть. До возникновения нового мышления и апробации его на практике при помощи сетевой организации, ИКТ, технологий рефлексивного управления и организационного поведения такая синергия (рост эффективности применения людских масс) была невозможна. В этом и состоит причина, суть и механизм революции в деле осуществления насильственного контроля в формах неклассических войн, основанных на использовании сетевых групп. Данный признак – подлинно системный; его невозможно обойти, поскольку без него любая форма неклассических войн, основанная на использовании сетевых групп, не будет удовлетворять ключевому условию, а именно достижению наступающей стороной насильственного контроля над «объектом-мишенью» без

полномасштабного использования им своих ВС, который по военно-политическому результату был бы сопоставим с применением ВС.

Таким образом, в основе неклассических войн, базирующихся на использовании сетевых групп, лежит синергетический эффект, выразившийся в кардинальном росте эффективности применения НЭНК благодаря переходу к стратегическому мышлению, основанному на теориях хаоса, систем, СОК и сложности, а также кибернетики вместе с использованием ИКТ, сетевых технологий, технологий рефлексивного управления и организационного поведения. Благодаря этому удалось кардинально увеличить число управляющих команд на участников сетевых групп, превратив каждого из них в элементы (узлы) сети и уменьшить разнообразие их состояний. Следовательно, возросла эффективность координации между ними, синхронизация их действий, что автоматически повысило мощность сети, которая, в соответствии с законом Меткалфа, возрастает пропорционально квадрату числа узлов в ней²³⁹. Фактически за счёт преобразования С2-структуры актора (наступающей стороны), повышения им количества управляющих команд и через самосинхронизацию на низовом уровне²⁴⁰, стратегический центр повысил количество и качество управляющих команд в отношении объектов управления (сетевых групп), вследствие чего система управления приобрела сложность, конгруэнтную сложности управляемой системы. В противном случае сетевые группы не могли быть эффективно управляемы, а синергетический эффект повышения эффективности их использования не мог быть достигнут. Следовательно, эффективная управляемость ими была бы утеряна, а вместе с этим оказалась

---

²³⁹ См.: Gilder G. Metcalf's law and legacy // *Forbes ASAP*. – 1993. – V. 152. № 6. – P. 158-159. Соответствие закона Меткалфа реальным данным см.: Zhang XZ, Liu JJ, Xu ZW. Tencent and Facebook data validate Metcalfe's law // *Journal of Computer Science and Technology*. – 2015. – V. 30. № 2. – P. 246-251. Применение закона Меткалфа к боевым операциям см.: Cebrowski A., Garstka J. Network Centric Warfare: Its Origin and Future // *Proceedings of the Naval Institute*. – 1998. – V. 124. № 1. – P. 28-35; Panwar R. Network Centric Warfare: Understanding the Concept [Электронный ресурс] // *Future Wars* [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://futurewars.rspanwar.net/network-centric-warfare-understanding-the-concept/> (дата обращения: 16.03.2022).

²⁴⁰ Имеются ввиду сетевые группы (протестные группы, иррегулярные формирования) по аналогии с подразделениями в концепции СЦВ, т.е. когда команды генерируются на уровне самих подразделений, которые самосинхронизируются с высшим командованием для достижения общей цели, обладая некоторой свободой для выполнения своей локальной миссии, но с пониманием общей цели и ограничений, налагаемых высшим командованием.

невозможной их инструментализация для достижения конечной цели – установления насильственного контроля над «объектом-мишенью» через демонтаж его политического руководства или же оказания иного влияния, если цели актора ограничены.

Отметим, что среди форм неклассических войн есть формы, в которых сетевые группы не используются или же их влияние вторично. В частности, в Венесуэле в 2019 году была осуществлена попытка демонтажа политического режима, получившая название «венесуэльский прецедент», отличающаяся от «цветных революций». В данной диссертационной работе применены следующие методы исследования развязанной против Венесуэлы неклассической войны:

1) был выявлен лидер оппозиции, который заявил о себе как о президенте (Хуан Гуайдо) и которого после этого признали президентом США и страны, которые действуют аналогично США (прежде всего западные страны);

2) осуществлялся мониторинг арестов, накладываемых на имущество и счета «объекта-мишени» (в данном случае Венесуэлы), т.е. введение массированных санкций, в т.ч. против конкретных лиц из числа военно-политического руководства (чавистов)²⁴¹;

3) выявлялась подрывная деятельность в отношении правящего политического руководства, включая подкуп представителей военных и иных силовых ведомств, осуществляемый контролируемой извне оппозицией (Х. Гуайдо и его окружением);

4) фиксировались негативные социально-экономические последствия вводимых со стороны американских ведомств (министерства финансов, Госдепартамента и пр.) секторальных санкций в отношении «объекта-мишени» (его системообразующих банков и компаний, пр.);

5) отслеживалось влияние вызванных негативных эффектов, включая экономический коллапс, массовый отток граждан, гиперинфляцию и т.п., когда и без того непростая ситуация целенаправленно усугублялась для создания

---

²⁴¹ К активам относятся и личные капиталы реальных руководителей страны, которые они держат на иностранных счетах, в т.ч. открытых на подставных лиц, а также объекты бизнеса, недвижимость, ценные бумаги и т.п.

невыносимых условий жизни основной части населения, чем подрывалась социальная опора неугодного внешнему актору режима;

б) выявлялись признаки возникновения новых условий для массовых протестов, которые с одной стороны могли оттянуть на себя часть ресурсов демонтируемого режима, а с другой – на начальном периоде отвлекали на себя внимание, дезориентируя его;

7) фиксировались признаки инициации раскола внутри высшего эшелона власти при помощи санкций, политико-дипломатического давления, а также подкупа чиновников и военных со стороны контролируемой извне оппозиции²⁴².

«Венесуэльский прецедент» является адаптивной формой неклассических войн, которая может быть применена против государств с различными политическими, экономическими и социокультурными особенностями.

---

²⁴² Провоцирование такого раскола является одной из основных задач, которая решается агрессором в деле демонтажа неугодного режима. Есть основание считать, что таким человеком в окружении Н. Мадуро на определенном этапе реализации «венесуэльского прецедента» был председатель Национальной конституционной ассамблеи Венесуэлы Диосдадо Кабельо. См.: Манойло А.В., Стригунов К.С. Венесуэльский прецедент: как была сорвана попытка очередной цветной революции // Культурная политика. – 2019. – № 2. URL: <https://histrf.ru/magazine> (дата обращения: 15.04.2022).

1.3. Классификация форм и методов ведения современных неклассических войн

В научных публикациях и СМИ разными терминами и понятиями может обозначаться одна и та же форма неклассических войн или же, напротив, разные формы неклассических войн могут обозначаться одним и тем же термином (понятием), что приводит к необходимости их классификации. Критерием, в соответствии с которым классифицируются формы неклассических войн, выступают сетевые группы (протестные движения, иррегулярные парамилитарные формирования и т.п.) – их наличие или отсутствие. На основании выбранного критерия к формам неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, в данном исследовании относятся, в частности: «цветные революции», мятежевойна, гибридные войны, сетевая война, системно-сетевая война, квазивойна²⁴³.

К формам неклассических войн, где не используются сетевые группы, относятся: информационные (информационно-психологические) войны; когнитивные войны; ментальные войны; кибервойны; «венесуэльский прецедент»; неклассические войны, основанные на применении миграционного оружия.

Существуют и неклассические войны смешанного типа, когда, например, технологии и методы информационно-психологической войны выступают в роли НЭНК в неклассических войнах, основанных на использовании сетевых групп.

---

²⁴³ Отметим, что явления, описываемые указанными понятиями, зачастую представляют собой одно и то же явление, но названное по-разному. Помимо этого, есть и целый ряд других, менее распространенных терминов (понятий), которые близки по смыслу к данным терминам (понятиям). Некоторые из них мы рассмотрим далее. Важен и тот факт, что инициатор (агрессор) те или иные формы неклассических войн в состоянии задействовать взаимосвязано и сообразно своим целям и задачам – как одновременно, так и на разных этапах.

Неклассические войны, в основе которых лежит использование сетевых групп

Для таких форм неклассических войн характерны следующие методы:

1) минимизация риска военного ответа со стороны «объекта-мишени» (государства, против которого осуществляется нападение в форме неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп);

2) наибольшая контролируемость процесса демонтажа неугодного политического режима через постепенное наращивание инжектируемых ресурсов в антиправительственные движения (митинги, беспорядки, мятежи²⁴⁴ и т.п.), калибруя их количество и дополняя новыми типами²⁴⁵ в соответствии с тем уровнем стойкости, который демонстрирует неугодный политический режим, а также сообразно стратегической цели актора (нападающей стороны);

3) создание актором (нападающей стороны) себе максимально положительного образа, включающего поддержку народа, выступившего против тирании, притеснения меньшинств, нарушения прав человека или чего-либо ещё, что можно отнести к «общечеловеческим ценностям», вследствие чего актер камуфлирует свои действия любыми благовидными предложениями;

4) проведение подрывной работы вне правового поля с тем расчётом, чтобы в соответствии с существующим международным правом актер не выглядел агрессором, для чего используется непригодность международных институтов (прежде всего ООН) к такому типу агрессии;

5) используются средства и методы коммуникации и организации людей, радикально отличающиеся по своим количественным и качественным

---

²⁴⁴ Это особенно заметно на примере Украины. См.: Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). – М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. – 433 с.; Филимонов Г.Ю., Данюк Н.С., Юраков М.В. Переворот. – СПб.: Питер, 2016. С. 157; Нагорняк К.И. Роль неправительственных организаций и проектов Государственного департамента США в подготовке «Евромайдана» на Украине // Стратегическая стабильность. – 2017. – № 1. – С. 73-74; Weintraub С. American Revolutions in Georgia and Ukraine: An Analysis of the Role of Public Relations and NGOs in the Political Regimes' Change in the Post-Soviet Space // Государственное управление. Электронный вестник. – 2012. – № 33. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk__33._avgust_2012_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategitckeskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/weintraub.pdf (дата обращения: 29.11.2022).

²⁴⁵ Например, добавляя к политико-дипломатической и информационно-финансовой составляющим поддержки протестных групп санкции против демонтируемого режима, а также осуществляя против него провокации насильственного характера, информационные операции и др.

характеристикам от тех, что были ранее, т.е. организация наибольшего числа людей за как можно меньшее время, даже если они пространственно разнесены друг от друга;

б) поскольку воздействие должно быть не прямым, а во многом опосредованным, применяются методы организационного поведения²⁴⁶ и рефлексивного управления (или, в формулировке Г.В. Грачева и И.К. Мельника, обеспечения «добровольной» подчиняемости²⁴⁷);

7) нападающая сторона действует так, чтобы конечный политический результат применения технологий демонтажа должен быть сопоставим с результатом от прямой войны, а вместе с тем этот результат фиксировался и сохранялся в долгосрочной перспективе (в противном случае теряется смысл от проведения подобных действий), для чего перехватывается политический, экономический, военный, информационный, ценностно-идеологический контроль над «объектом-мишенью» (классическим примером может послужить ситуация на Украине, где после переворота в 2014 году практически весь украинский политикум и значительная часть остального общества, включая крупный бизнес, интеллигенцию, молодежные организации и др., полностью перешли в ценностную и геополитическую систему коллективного Запада);

8) для эффективного осуществления активной фазы демонтажа политического режима проводится предварительный этап подготовки (выявление уязвимостей во властно-институциональной системе «объекта-мишени» и подбор подходящих оппозиционных кандидатов, постепенное вовлечение социальных страт в ценностную и культурную систему актора (нападающей стороны), использование зависимости «объекта-мишени» от иностранных кредитов, технологий и инвестиций, что также может быть использовано для оказания дополнительного давления на неудобную власть «объекта-мишени»);

---

²⁴⁶ В частности, подобными разработками занимались в Тавистокском институте человеческих отношений. См.: The social engagement of social science: A Tavistock anthology. Volume 1: The Socio-Psychological Perspective / Ed. by Trist E., Murray H. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. – 625 p.

²⁴⁷ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М.: ИФ РАН, 1999. – 230 с.

9) использование подконтрольного государства против «объектов-мишеней» более высокого порядка, т.е. целей, имеющих наивысший приоритет, но где осуществление демонтажа политического режима в данный исторический отрезок не представляется возможным или смена неудобного режима требует неприемлемых ресурсозатрат и (или) приведёт к неприемлемым побочным политическим, репутационным, экономическим и военно-стратегическим последствиям, нивелирующим весь смысл применения технологий демонтажа на данном этапе;

10) проводится адаптация под конкретный тип общественно-государственной системы «объекта-мишени» с возможностью калибровки действий для достижения более ограниченных целей, позволяющая актору в собственных интересах влиять на общество «объекта-мишени» против воли его политического руководства;

11) проводится активное использование транснациональных иррегулярных формирований из числа экстремистов, террористов, криминальных элементов, повстанцев, наёмников и т.п., которые задействуются для свержения (ослабления) неудобного политического режима. Для поддержки подобных групп также могут задействоваться ССО, агентура и офицеры разведки.

Данные методы в той или иной степени характерны для «цветных революций» и гибридных войн, а также схожих с ними форм неклассических войн, в частности: «организационного оружия» (близкого по смыслу к «цветным революциям»), «мятежевойне», «сетевой войне», «технологии системно-сетевой войны», «квазивойне». Отметим, что «объект-мишень», в отношении которого применяются вышеуказанные технологии, является сложной системой, на которую осуществляется воздействие посредством сетевых групп и других НЭНК, чьё конечное состояние – аттрактор – должно соответствовать интересам агрессора. Это и есть боевое применение теории хаоса, чаще всего в научной среде и СМИ именуемое (применительно к формам неклассических войн) «управляемым хаосом». Достижение насильственного контроля над «объектом-мишенью» через сетевые группы и другие НЭНК, равно как и через

использование ВС в соответствии с концепцией СЦВ/СЦО, доказывает возможность применения теории хаоса в боевых целях, в чём усомнился С. Манн, что связано с отсутствием у него на тот момент знаний и представлений о возможностях и потенциале ИКТ, сетевой организации и пр., которыми обладают исследователи в настоящее время. Устранения неудобных режимов без использования ВС как основного инструмента для осуществления насильственного контроля над «объектом-мишенью» случались и до революции в деле применения сетевых групп и других НЭНК, и параллельно с ними. Однако лишь после указанной революции актор, обладающий соответствующими технологиями и организацией, оказался в состоянии устранять режимы в государствах, где институты действовали эффективно и обладали высокой организацией, поэтому их противодействие внешнему деструктивному влиянию носило системный характер. Только в последней четверти XX века демонтаж подобных устойчивых политических режимов оказался возможен без прямой интервенции (т.е. не применяя ВС).

Формы неклассических войн, в которых не используются сетевые группы

К неклассическим войнам, в которых не используются сетевые группы, относятся информационные (информационно-психологические), когнитивные, ментальные войны (данные понятия близки друг к другу, поэтому далее мы будем их обозначать собирательным понятием *информационно-психологическая война*, ИПВ) и кибервойны. Противоборство в таких формах неклассических войн осуществляется только в информационном (или кибер) пространстве без использования физического насилия, однако результат такого противоборства в некоторых случаях способен нанести урон как от физического (кинетического) воздействия²⁴⁸. К основным методам ИПВ относят:

– явное²⁴⁹ (открытое) управление сознанием и поведением объектом воздействия;

²⁴⁸ Так, использование вредоносного программного обеспечения (ПО) Stuxnet привело к физическому разрушению инфраструктуры – нарушению работы почти 1000 иранских центрифуг для обогащения уранового топлива.

²⁴⁹ Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.

– скрытое (тайное) управление сознанием и поведением объектом воздействия²⁵⁰.

К явному управлению (когда объект воздействия понимает, что им управляют) относится убеждение и пропаганда²⁵¹, а к скрытому управлению (когда объект не осознает, что им управляют) относится манипулирование истинной или ложной информацией²⁵² (метод «пробных шаров», прайминг²⁵³, фрейминг²⁵⁴, метод «наклеивания ярлыков»²⁵⁵, «фейковые новости»²⁵⁶). Отметим, что обвинения в ведении ИПВ (как формы неклассических войн) могут быть сами частью ИПВ. Данный метод весьма распространён, поскольку часто инициатор информационной атаки или операции заранее продумывает ходы, чтобы обвинить противника («объект-мишень» воздействия информационной операции) в том, что сам же собирается осуществить. Например, в некоторых западных СМИ заранее обвиняли Россию в том, что она готовится «напасть на Украину»²⁵⁷, хотя ещё до проведения специальной военной операции (СВО) российские спецслужбы прямо заявляли об имеющихся у них данных о готовящейся атаке ВСУ на Донецкую и Луганскую Народные Республики²⁵⁸ (ДНР, ЛНР). Фактически коллективный Запад и киевский режим в упреждающем режиме пытались переложить ответственность на Россию за готовившуюся ими провокацию в отношении ДНР

²⁵⁰ Там же. С. 21-22.

²⁵¹ Zollmann F. Bringing Propaganda Back into News Media Studies // *Critical Sociology*. – 2019. – V. 45. № 3. – P. 329-345.

²⁵² См.: Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М.: ИФ РАН, 1999. – 230 с.; Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 1999 – 448 с.

²⁵³ Лаптева Е.М., Валуева Е.А. Феномен подсказки при решении задач // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2011. – Т. 8. № 4. – С. 134-146.

²⁵⁴ Armstrong A. Communicating Climate Change: A Guide for Educators / A.K. Armstrong, M.E. Krasny, J.P. Schuld. – Cornell: Cornell University Press, 2018. – 59 p.

²⁵⁵ Манойло А.В. Информационная война как угроза российской нации // *Вестник Российской нации*. – 2016. – № 6. – С. 174-184.

²⁵⁶ Манойло А.В., Теличко В.И., Попадюк А.Э. Методика противодействия фейковым новостям // *Международная жизнь*. – 2021. – № 7. – С. 78-93.

²⁵⁷ Например, см.: A twin-track strategy to deter Vladimir Putin [Электронный ресурс] // *Financial Times* [Официальный сайт] 2021. URL: <https://www.ft.com/content/a1b697b3-066f-4cb2-a5c3-20685e26cf12> (дата обращения: 27.11.2022); Bershidsky L. Putin Needs a Real Casus Belli to Invade Ukraine [Электронный ресурс] // *Bloomberg* [Официальный сайт] 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-12-02/putin-needs-a-real-casus-belli-to-invade-ukraine?srnd=premium-europe> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁵⁸ Глава СВР Сергей Нарышкин: «Разведка работает на мир» [Электронный ресурс] // *Московский комсомолец* [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/02/10/glava-svr-sergey-naryshkin-razvedka-rabotaet-na-mir.html> (дата обращения: 27.11.2022).

и ЛНР с последующей реэскалацией конфликта, для чего заблаговременно делали вбросы об «угрозе российской агрессии».

Кибервойна. Основные методы кибервойны²⁵⁹ – оборонительные и наступательные кибероперации:

– оборонительные операции по защите и поддержанию работоспособности собственной киберинфраструктуры от посягательств противника;

– наступательные операции в киберпространстве, направленные на нейтрализацию или уничтожение вражеской инфраструктуры с помощью внедрения вредоносного ПО, «закладок» и бэк-доров в оборудование и использования иных инструментов:

– – DDoS-атаки;

– – вредоносное ПО для уничтожения оборудования (пример: Stuxnet);

– – использование вирусов, когда вредоносные программы встраиваются в веб-сайты социальных сетей или сторонние приложения (вирус заражает пользователей, которые далее распространяют вредоносное ПО, неосознанно передавая вредоносные ссылки и файлы своим дальнейшим контактам);

– – операции по перехвату контроля (например, получение доступа к управлению веб-ресурсами);

– – компрометация официальных учётных записей и несанкционированный доступ (субъекты киберугроз используют социальную инженерию для получения контроля над официальными учётными записями, что может привести к раскрытию конфиденциальной информации, что приведёт к нарушению безопасности сетей ведомств и нарушению прав интеллектуальной собственности).

Отметим, что будущие версии вредоносного ПО типа Stuxnet могут использоваться национальными государствами, террористическими группами, хактивистами и киберпреступниками для достижения своих целей. В будущем

---

²⁵⁹ Подробное исследование методов кибервойны см.: Robinson M., Jones K., Janicke H. Cyberwarfare: Issues and challenges // Computers & Security. – 2015 – V. 49. – P. 70-94.

кибероружие может быть более высокотехнологичным, чем, например, Stuxnet, а последствия его применения ещё более разрушительными.

Одной из новых форм неклассических войн, в которых не используются сетевые группы, является государственный переворот нового типа, получивший название «венесуэльский прецедент»²⁶⁰. Основное отличие в методе, применяемом в «венесуэльском прецеденте», от методов, например, «цветных революций» состоит в том, что в нём практически не используются протестные группы из противников власти, радикалов и пр. Кроме того, демонтаж неугодного политического режима осуществляется за счёт «объекта-мишени» – государства, где данный политический режим удерживает власть. Вместе с этим внешний актор, пользуясь своими финансовыми и экономическими рычагами, а также возможностями своей финансовой разведки в состоянии арестовать (заморозить) активы «объекта-мишени» (государственные и частные, включая личные активы высокопоставленных чиновников). Эти деньги дозированно передаются агенту влияния (чаще всего под видом оппозиционера), которого внешний актор объявляет «признанным президентом». С помощью агента влияния и арестованных активов инициируется раскол внутри военно-политического руководства страны. Впервые попытка свергнуть неугодный политический режим подобным образом была предпринята США в отношении Венесуэлы в 2019 году. Позже, в 2020 году, элементы «венесуэльского прецедента» были использованы в отношении Белоруссии.

Ещё одной формой неклассических войн является совокупность методов и технологий применения миграционных потоков в качестве эффективного оружия²⁶¹. Примером могут послужить события 2015 года, когда в страны Европейского Союза (ЕС) была осуществлена релокация значительных миграционных масс, прежде всего из зоны Ливийской войны, где в течение сравнительно непродолжительного времени использование технологий

---

²⁶⁰ Стригунов К.С., Манойло А.В. Кризис в Венесуэле и раскол внутри чавистского руководства // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). – 2019. – № 4. – С. 57-73.

²⁶¹ См.: Стригунов К.С. Миграционный удар по Европе. Уроки для России [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://riss.ru/mail/20645/> (дата обращения: 10.05.2022).

демонтажа политического режима было усугублено участием коллективного агрессора в лице стран НАТО и террористического интернационала²⁶², совместными усилиями которых был свергнут Муаммар Каддафи. Поскольку механизм технологий демонтажа политических режимов в Магрибе и на Ближнем Востоке в 2010-2011 гг. был задействован и в Ливии, то и все последствия их применения способствовали созданию невыносимых катастрофических условий существования для местного населения, которое оказалось в ситуации, когда его вынудили покинуть своё место проживания, поскольку в противном случае дальнейшее пребывание в такой зоне грозило ему гибелью. В результате, интенсифицировалась инвазия чужеродных элементов в страны ЕС из разрушенного Магриба и других регионов. По целому ряду признаков данный процесс был проектируемым, а не только связан с исходом беженцев из зоны конфликта. Резкий рост миграционной активности произошел из-за применённой системы нелегальных операций, согласованных по целям и задачам, смысл которых был в усилении антропопотока и нанесения странам-реципиентам (в ЕС) политического, психологического, экономического и социального ущерба²⁶³. Кризис в Ливии был в дальнейшем использован для нанесения урона по ЕС, т.е. в качестве каскадного эффекта, генерация которого оказалась возможной из-за искусственно созданного военно-политического кризиса и использования организационных технологий для контролируемой релокации миграционных масс в страны ЕС. Использование миграционного оружия для достижения политических целей является формой неклассических войн, в которой возможно добиваться стратегически значимых целей. Вместе с этим использование миграционного оружия позволило создать условия для дальнейшей генерации нестабильности при решении новых стратегических задач.

---

²⁶² Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. – 126 с.; На пороге глобального хаоса. Битва за будущее / Общ. ред. и сост. А.И. Фурсов, С.А. Правосудов. – М.: Книжный мир, 2015. – 288 с.; Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 3-14.

²⁶³ Стригунов К.С., Безвербный В.А. Современные проблемы политической демографии и вопросы безопасности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2020. – № 3. – С. 21-38.

1.4. Классификация субъектов современных неклассических войн

В данном диссертационном исследовании критерием классификации субъектов современных неклассических войн выступает их принадлежность к тому или иному типу международных акторов. Соответственно субъектами неклассических войн могут быть:

- 1) государственные акторы;
- 2) негосударственные акторы;
- 3) субъекты смешанного типа (государственные и негосударственные акторы, совместно применяющие средства, методы и технологии неклассических войн ради достижения общих целей).

Государственные акторы осуществляют неклассические войны через:

- внешнеполитические ведомства, специальные службы, государственные агентства и иные правительственные и подконтрольные структуры;
- вооруженные силы (ограниченное использование, в т.ч. ССО, кибервойск, разведки).

Среди негосударственных акторов (субъектов неклассических войн) следует выделить:

- наднациональные структуры:
  - – транснациональные корпорации (ТНК), включая частные военные компании (ЧВК) и частные разведывательные компании (ЧРК);
  - – НПО и НКО;
- преступные организации, в т.ч. транснациональные;
- террористические организации, в т.ч. международные;
- повстанческие (партизанские) движения;

- протестные (в т.ч. насильственные) группы;
- хакерские группы (во взаимодействии со спецслужбами государств или действующие автономно).

Государственные акторы как субъекты неклассических войн

Государственные акторы являются основными субъектами неклассических войн (прежде всего в силу своих возможностей). Наибольшим интегральным потенциалом для ведения неклассических войн обладали и пока продолжают обладать США. У них для этого есть необходимые финансовые ресурсы, технологии и политическая воля их задействовать. Вместе с этим пример США наиболее релевантен постольку, поскольку они обладают максимумом практик по использованию новых форм, методов и технологий неклассических войн²⁶⁴. Кроме того, при всех проблемах США, во-первых, до сих пор удерживают роль мирового лидера, а во-вторых, активно отстаивают данный статус, что подтверждается непрерывным участием в конфликтах – непосредственно, т.е. с использованием своих ВС, США после 1991 г. участвовали в войне против Югославии (1999 г.), Афганистана (2001-2021 гг.), Ирака (2003-2011 гг.), а также осуществляли военные операции на Гаити (1994-1995 гг.), в Боснии (1995 г.), в Ливии (2011 г.), в Камеруне (2015 г.) и др. Опосредованно США участвовали, например, через организацию «цветных революций» в Югославии (2000 г.), Грузии (2003 г.), на Украине (2004-2005 гг. и 2013-2014 гг.), в демонтаже политических режимов во время т.н. «Арабской весны» (2010-2011 гг.), Боливии (2019 г.), попытки государственного переворота в Венесуэле (2019-2020 гг.) и Белоруссии (2020 г.).

Другие государства также применяют методы и технологии неклассических войн, хотя в гораздо меньших масштабах и разнообразии, но вместе с этим обладают своей спецификой. Так, к действиям в форме неклассических войн без использования сетевых групп относятся действия Китая и Израиля, которые активно применяют методы кибервойны. Например, как полагают некоторые

---

²⁶⁴ Манойло А.В. Цветные революции как «отмычка для демократии» // Гражданин. Выборы. Власть. – 2017. – № 3. – С. 142-154.

аналитики, для США основной киберугрозой являются именно действия Китая²⁶⁵. Ранее китайские хакеры проводили мощные кибератаки против США и других стран, объединившись одними из первых для защиты своей страны. Их первая операция против США состоялась в 1999 году во время конфликта в Косово, когда США взорвали посольство Китая в Белграде, убив трёх китайских репортеров. Патриотические хакеры из Китая разместили сообщения, осуждающие действия НАТО, на нескольких правительственных веб-сайтах США. Вместе с этим, по мнению некоторых аналитиков, Китай в состоянии атаковать инфраструктуру, чтобы подорвать волю тайваньцев, а кроме того, вмешаться в незасекреченные логистические системы, чтобы сдержать или отсрочить военное вмешательство США²⁶⁶. Как полагают некоторые западные аналитики, китайская «киберагрессия» в отношении США развивается. Кибератаки, наносящие явный ущерб, в частности, уничтожающие данные или вызывающие перебои в подаче электроэнергии, по мнению западных специалистов, исходят от других государственных акторов, а именно от России, Ирана и Северной Кореи.

Другим государством, активно применяющим средства, методы и технологии кибервойны, является Израиль. Одним из наиболее ярких примеров успешно осуществленной кибератаки на объекты иранской инфраструктуры, как считают аналитики, является применение вредоносного ПО Stuxnet, разработанного для саботажа иранской ядерной программы путем атаки на промышленные системы управления²⁶⁷. Данную атаку некоторые исследователи связывают с деятельностью израильского подразделения «Отряд восемь-двести» (8200 פּרָטִי²⁶⁸), относящегося к разведывательному отделу Армии обороны Израиля (АОИ). По своему уровню данная кибератака является беспрецедентной.

---

²⁶⁵ Denning D. How the Chinese Cyberthreat Has Evolved [Электронный ресурс] // Scientific American [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/how-the-chinese-cyberthreat-has-evolved/> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁶⁶ Hannas W., Mulvenon J., Puglisi A. Chinese Industrial Espionage: Technology Acquisition and Military Modernization. – New York: Routledge, 2013. – 302 p.

²⁶⁷ Collins S., McCombie S. Stuxnet: the emergence of a new cyber weapon and its implications // Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism. – 2012. – V. 7. № 1. – P. 80-91.

²⁶⁸ Cohen M., Freilich C., Siboni G. Israel and Cyberspace: Unique Threat and Response // International Studies Perspective. – 2016. – V. 17. № 3. – P. 307-321.

Какой бы ни была стоимость создания Stuxnet, использование данного вредоносного ПО намного меньше, чем стоимость традиционной военной атаки, а само применение Stuxnet в боевых целях положило начало новой гонке вооружений и серьезно повлияло на безопасность критически важной инфраструктуры во всём мире.

К использованию методов и технологий неклассических войн можно отнести действия Ирана в войне в Сирии и в Ираке. Согласно исследованиям и информации официальных лиц, Иран за годы данного противостояния сумел привлечь к участию на стороне правительства Б. Асада минимум десятки тысяч бойцов из парамилитарных шиитских формирований, набранных им от Ливана (Хезболла) до Пакистана (Лива Зайнабиюн)²⁶⁹. Эти иррегулярные силы координировались и управлялись ССО «Кодс» Корпуса стражей Исламской революции (КСИР). В Ираке КСИР (в т.ч. ССО «Кодс») действуют через т.н. «Силы народной мобилизации» (Аль-Хашд-аш-Шааби) – фактически конгломерат иррегулярных прокси-формирований Ирана, через которые его руководство осуществляет свою политику в Ираке, имеющего стратегическое значение для Ирана. По сути, иранское руководство сумело найти симметричный ответ на действия коллективного агрессора в лице коалиции западных и ближневосточных стран, использовавших боевиков, набранных из различных экстремистских, террористических и криминальных структур с территории свыше 100 стран мира. Данные действия Ирана идентифицируются как применение технологий гибридной войны для достижения военно-политических целей, в числе которых создание единого сухопутного коридора до Средиземного моря и военно-политической зоны, входящей в сферу стратегических интересов Тегерана (т.н. «шиитский пояс»)²⁷⁰.

---

²⁶⁹ На 2016 год Иран готовил порядка 200 тыс. бойцов. См.: IRGC Commander: ISIL Causes Increasing Awareness in Regional States [Электронный ресурс] // Fars News Agency [Официальный документ]. 2016. URL: <https://en.farsnews.ir/newstext.aspx?nn=13941022001355> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁷⁰ Манойло А.В., Стебнева А.В., Стригунов К.С. Иранский фактор вступления России в сирийскую войну: причины и стратегические риски // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10. № 12. – С. 2883-2893.

Другим субъектом, использующим методы и технологии неклассических войн, является Франция. В частности, речь идёт о противоборстве в информационном поле, иногда именуемой «гибридной тактикой», чья цель повлиять на других акторов или для усиления влияния на тот или иной регион. Так, в 2020 году Facebook²⁷¹ удалил из сети недостоверные аккаунты из Франции, которые распространяли антироссийскую риторику²⁷² (что, впрочем, не помешало этой запрещённой в России организации задействовать свои ресурсы для другой антироссийской пропаганды и призывов к насилию против граждан России после начала СВО). Антироссийская активность Франции в информационном поле усилилась на фоне ослабления её влияния в зоне т.н. Франсафрики (фр. *Françafrique*) – системе неформальной опеки Франции над своими бывшими колониями в Африке (в Мали, ЦАР и т.д.). К участию Франции в неклассических войнах относится и активная поддержка киевского режима, в т.ч. через поставки вооружения и военной техники ВСУ для усиления их военного потенциала в ходе противостояния с ВС РФ. Также к поддержке киевского режима Францией относится направление в зону проведения СВО наёмников, участие которых на стороне киевского режима не может осуществляться без ведома и содействия правительства Франции, её министерства обороны и спецслужб.

Великобритания, наряду с США, Францией и другими странами, активно участвовала в спонсировании боевиков²⁷³, которые среди прочего принимали и принимают активное участие в боевых действиях в Сирии против правительства Б. Асада, что следует расценивать как ведение гибридной войны. Кроме того, британские военные специалисты активно задействованы в подготовке украинских военных для того, чтобы использовать их в опосредованном (прокси) режиме против России и её ВС. Так, летом 2022 г. в Великобританию прибыла первая группа украинских военных, принимающих участие в новой крупной

---

²⁷¹ Принадлежит к Meta – запрещённой в России организации, признанной экстремистской.

²⁷² Allen K. Hybrid warfare – Africa beware [Электронный документ] // Institute for Security Studies [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://issafrica.org/iss-today/hybrid-warfare-africa-beware> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁷³ Модестов С.А. О состоянии и перспективах развития театра информационного противоборства. Организация контрпропагандистской работы в области борьбы с терроризмом и экстремизмом: сборник материалов пленарного заседания НКС при АТЦ СНГ. – М., 2019. – 130 с.

военной программе под руководством британского правительства, в рамках которой должно быть обучено до 10 000 украинских военных²⁷⁴. Программа является частью поддержки киевского режима, которая на сегодняшний день составляет более 2.3 млрд фунтов стерлингов в виде военной помощи и включает в себя свыше 5000 противотанковых вооружений NLAW, реактивные системы залпового огня M270 и пр. Кроме того, до начала СВО, с 2015 по 2022 гг., военные из Великобритании обучили 22 000 украинских военных в рамках операции «ORBITAL»²⁷⁵. Вместе с этим Великобритания крайне активно использует свои информационные ресурсы, включая СМИ, прежде всего против России²⁷⁶, – как до СВО, так и после её начала. Британские специалисты, наряду с инструкторами из других стран, участвуют в подготовке центров информационно-психологических операций ССО ВСУ (см. параграф 1.5), осуществляющих массированные информационные операции против России. В целом, информационные атаки и операции британских медиа-ресурсов характеризуются ярко выраженным русофобским нарративом. Наиболее известной антироссийской информационной операцией британцев является «Дело об отравлении Скрипалей»²⁷⁷.

Активно применяет методы неклассических войн Турция. Наиболее выражено это проявилось в её действиях в Сирии, Ливии, а также во время Второй Карабахской войны (2020 г.). Во всех трёх случаях турки активно применяли подготовленных на своей территории боевиков, в т.ч. имеющих отношение к террористической деятельности²⁷⁸. Так, по заявлению посла Армении в России Вардана Тоганяна, «около четырех тысяч боевиков

---

²⁷⁴ Defence Secretary Ben Wallace visits Armed Forces of Ukraine as training programme starts across the UK [Электронный ресурс] // Government of the United Kingdom [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/news/defence-secretary-ben-wallace-visits-armed-forces-of-ukraine-as-training-programme-starts-across-the-uk> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁷⁵ Ibid.

²⁷⁶ Манойло А.В., Петренко А.И., Рожин Б.А., Стригунов К.С. Фейки: анатомия лжи. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 384 с.

²⁷⁷ Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 1. – С. 100-132.

²⁷⁸ Strigunov K.S., Manoilo A.V., Rozhin B.A., Simons G. Energy market wars as a factor of military-political escalation in Eastern Mediterranean region: A Russian perspective // Cogent Social Sciences. – 2022. c V. 8. № 1. – P. 1-17.

переброшено Турцией из Сирии в Азербайджан»²⁷⁹. В самой Сирии Турция задействует протурецких боевиков, используемых, в частности, против курдов, для чего прибегает к скрытому взаимодействию с террористическим конгломератом «Хайят Тахрир аш-Шам»²⁸⁰ (запрещённая в России террористическая организация). В Ливии Турция поддерживает Правительство национального согласия (ПНС). Так, с 2019 г. турки активно перебрасывали на помощь ПНС боевиков из таких организаций, как «Дивизия султана Мурада», «Сукур аш-Шам», «Файлак аш-Шам» (запрещены в России). За координацию и логистику отвечали турецкие военные, МИТ (Национальная разведывательная организация) и турецкая ЧВК SADAT²⁸¹.

Россия также применяет методы и технологии неклассических войн для продвижения своих стратегических интересов. В частности, западные авторы к гибридной войне относят действия России в Крыму в 2014 г., осуществление массированных кибератак против Эстонии и Грузии, а также объектов украинской инфраструктуры, использование ЧВК «Вагнер»²⁸², в т.ч. на территории Украины в рамках проведения СВО, вмешательство в американские выборы 2016 года²⁸³ и пр. Отметим, что далеко не всё, в чём обвиняют Россию, было доказано. Тем не менее у России действительно имеются возможности для осуществления

²⁷⁹ Посол Армении заявил о переброске Турцией из Сирии боевиков в Карабах [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://ria.ru/20200928/karabakh-1577872619.html> (дата обращения: 27.11.2022). Также см.: وأذربيجان ترك يا بين "المرزقة رحلات" حقيقة يكشف أميركي مسؤول (Американский чиновник раскрывает правду о «рейсах наёмников» между Турцией и Азербайджаном) [Электронный ресурс] // Sky News Arabia [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.skynewsarabia.com/world/1380596> (дата обращения: 25.11.2022).

²⁸⁰ Альсисса М.А. Проблема Идлиба: стратегия и тактика ключевых игроков, причины обострения ситуации на современном этапе // Горизонты гуманитарного знания. – 2020. – № 2. – С. 45-57.

²⁸¹ См.: Strigunov K.S., Manoilo A.V., Rozhin B.A., Simons G. Energy market wars as a factor of military-political escalation in Eastern Mediterranean region: A Russian perspective // Cogent Social Sciences. – 2022. – V. 8. № 1. – P. 1-17; Öztürk S. Paramiliterlerin Libya'da vesayet savaşları: WAGNER mi SADAT mi? [Электронный ресурс] // A3 Haber [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.a3haber.com/2019/12/26/paramiliterlerin-libyada-vesayet-savaslari-wagner-mi-sadat-mi-2/> (дата обращения: 25.11.2022).

²⁸² Allen K. Hybrid warfare – Africa beware [Электронный документ] // Institute for Security Studies [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://issafrica.org/iss-today/hybrid-warfare-africa-beware> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁸³ По этой теме см.: Brown J. An Alternative War: The Development, Impact, and Legality of Hybrid Warfare Conducted by the Nation State // Journal of Global Faultlines. – 2018. – V. 5. № 1–2. – P. 58-82; Elonheimo T. Comprehensive Security Approach in Response to Russian Hybrid Warfare // Strategic Studies Quarterly. – 2021. – V. 15. № 3. – P. 113-137; Jones S. The Future of Competition: U.S. Adversaries and the Growth of Irregular Warfare [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://www.csis.org/analysis/future-competition-us-adversaries-and-growth-irregular-warfare> (дата обращения: 25.11.2022); Hoffman F. Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars. Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. – 72 p.; Yimin Z. A Double-Edged Sword: Russia's Hybrid Warfare in Syria // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2019. – V. 13. № 2. – P. 246-261.

деятельности в «серой зоне». Россия обладает информационными подразделениями в ВС, существенными кибервозможностями, в состоянии применять военизированные организации для осуществления деятельности там и в таких обстоятельствах, при которых прямое участие государства нежелательно по политическими и иным причинам, и другие средства. По мнению некоторых исследователей, Россия использует синергетический и конвергентный инструментарий военной и невоенной тактики²⁸⁴.

Негосударственные и смешанные субъекты неклассических войн

В неклассических войнах зачастую нет чёткого разделения между государственными и негосударственными субъектами. В действительности имеет место теснейшее взаимодействие этих акторов ради достижения общих целей. Кроме того, наблюдается кооперация ряда акторов, которые принимают активное участие в неклассических войнах. Так, в операции «Гедеон» имело место сращивание криминальных структур (наркокартелей) с парамилитарными формированиями из числа бывших военных Венесуэлы (дезертиров), наёмниками из американской ЧВК «Silvercorp», венесуэльской оппозицией во главе с Х. Гуайдо (фактически агент влияния, находящийся под оперативным контролем Вашингтона и действующий в соответствии с императивами американского руководства) и специальными службами США (Управление по борьбе с наркотиками, Drug Enforcement Administration, DEA), которые объединились для достижения взаимовыгодных целей – свержения чавистского руководства²⁸⁵.

Государственные и негосударственные субъекты по отдельности и совместно в состоянии принимать участие в различных формах неклассических войн. Так, государственные субъекты осуществляют информационные операции против государственных субъектов, что показал пример операций «Дело об

²⁸⁴ Polyakova A., Boulègue M. The Evolution of Russian Hybrid Warfare: Executive Summary [Электронный ресурс] // The Center for European Policy Analysis [Официальный сайт]. 2021. URL: https://cepa.org/comprehensive-reports/the-evolution-of-russian-hybrid-warfare-executive-summary/#footnote_6_621 (дата обращения: 26.11.2022).

²⁸⁵ Манойло А.В., Стригунов К.С. Операция «Гедеон»: успех венесуэльских или американских спецслужб? // Международная жизнь. – 2020. – № 11. – С. 64-79; Стригунов К.С. «Негро Примеро», или Крах дешёвой операции американского спецназа «Гедеон» [Электронный ресурс] // Ежедневник «Звезда». [Официальный сайт] 2020. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20205301227-QfFBV.html> (дата обращения: 22.03.2022); Стригунов К.С., Манойло А.В. Стратегия «Шах и мат Мадуро» как исток операции «Гедеон» // Международная жизнь. – 2021. – № 3. – С. 56-71.

отравлении Скрипалей» (информационная операция стратегического типа²⁸⁶), «Панамское досье» и пр., где спецслужбами США и Великобритании осуществлялись информационные операции в отношении Российской Федерации, конкретно – её высших должностных лиц. Однако негосударственные акторы тоже в состоянии вести ИПВ против государств или негосударственных акторов. Примером может послужить использование социальных сетей наркокартелями против официальных властей или своих внутренних противников, особенно в борьбе за власть и установление контроля над путями наркотрафика. Например, Дж. Салливан отметил, что картели использовали информационные операции для достижения своих целей и эффективно подвергали цензуре СМИ, а в некоторых случаях превращали их в свои рупоры²⁸⁷. Информационные операции использовались картелем, нацеливавшимся на СМИ и граждан, которые пытались обойти цензуру СМИ через блоги, а также участниками одного и того же картеля в борьбе за власть²⁸⁸.

Данные примеры показывают, что взаимодействие субъектов неклассических войн приводит к формированию устойчивых (временных или постоянных) структур, состоящих из разнотипных субъектов, что позволяет добиваться синергетического эффекта от данного взаимодействия, достижение которого невозможно или маловероятно, если бы субъекты действовали по отдельности. Отметим, что существуют различные комбинации субъектов неклассических войн, действующих ради достижения общих целей и способных добиваться результата, сопоставимого с результатом, достигаемым в классических войнах, в которых акцент сделан на использовании ВС. Особо

²⁸⁶ Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 1. – С. 100-132.

²⁸⁷ Sullivan J. Cartel Info Ops: Power and Counter-power in Mexico's Drug War [Электронный ресурс] // MountainRunner.us. [Официальный сайт] 2010. URL: https://mountainrunner.us/2010/11/cartel_info_ops_power_and_counter-power_in_mexico_drug_war/ (дата обращения: 22.03.2022).

²⁸⁸ Argomedo D. Information Warfare in Mexico's Drug War: The Dámaso López ("El Licenciado") Case Study [Электронный ресурс] // Small Wars Journal [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/information-warfare-mexicos-drug-war-damaso-lopez-el-licenciado-case-study> (дата обращения: 22.03.2022).

отметим *конвергенцию*, когда одни акторы неклассических войн перенимают функции и методы других. Выделим комбинации субъектов неклассических войн:

– взаимодействие ЧВК, радикальных элементов и спецслужб «объекта-мишени» (например, подготовка западными наёмниками украинских неонацистов из батальона «Азов»²⁸⁹ при непосредственном участии СБУ²⁹⁰), при котором создаются подрывные ячейки, состоящие из агентов-provokatorov, агентов-боевиков и пр.;

– объединение государственных ведомств и транснациональных парамилитарных формирований, в среду которых внедряется агентура спецслужб и представители ССО данных государств²⁹¹;

– взаимодействие спецслужб государств с НПО и НКО в рамках операций влияния («мягкой силы») и формирования условий для осуществления «цветных революций»²⁹²;

– объединение государственных спецслужб, ТНК, научно-исследовательских центров («think tank»), НПО и НКО для инициации

²⁸⁹ Запрещённая в России террористическая организация.

²⁹⁰ Об иностранных наёмниках на Украине см.: Трагедия юго-востока Украины. Белая книга преступлений / Под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. – 2-е изд., доп. М., 2015. – 368 с.; В СМИ появились новые данные о наёмниках батальона «Азов» [Электронный ресурс] // Телеканал «Беларусь 1» [Официальный сайт]. 2021. URL: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/v_smi_poyavilis_novye_dannye_o_naemnikakh_batalona_azov/?PAGEN_2=15 (дата обращения: 23.03.2022).

²⁹¹ Например, значительное количество западных стран, включая США, Великобританию, Францию и др., вместе с рядом ближневосточных государств (в частности, Саудовской Аравией, Катаром, Турцией) развязали войну против сирийского руководства в прокси-режиме (т.е. опосредованно), оказывая боевикам логистическую, координационную, информационно-разведывательную, политическую и материальную поддержку. Кроме того, боевикам предоставлялась помощь в виде вооружения и т.п. См.: Bacchi U. Syria: Al-Nusra Jihadists 'Capture US TOW Anti-Tank Missiles' from Moderate Rebels [Электронный ресурс] // International Business Times [Официальный сайт]. 2014. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/syria-al-nusra-jihadists-capture-us-weaponry-moderate-rebels-1472864> (дата обращения: 23.03.2022); Crowcroft O. Syrian sniper: US TOW missiles transform CIA-backed Syria rebels into ace marksmen in the fight against Assad [Электронный ресурс] // The International Business Times [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/syrian-sniper-us-tow-missiles-transform-cia-backed-syria-rebels-into-ace-marksmen-fight-against-1526468> (дата обращения: 23.03.2022); Gaytandzhieva D. US Task Force Smoking Gun smuggles weapons to Syria: Serbia files (part 2) [Электронный ресурс] // Arms Watch [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://armswatch.com/us-task-force-smoking-gun-smuggles-weapons-to-syria-serbia-files-part-2/> (дата обращения: 23.03.2022).

²⁹² Среди подобных структур на Украине активно действовали Агентство США по международному развитию, Институт «Открытое общество» Дж. Сороса, Корпус мира, Международный республиканский институт, Международная Хельсинкская федерация по правам человека, Национальный демократический институт по международным делам, Международная лига по правам человека, Национальный фонд в поддержку демократии, «Фридом хаус» (большинство из этих организаций признаны нежелательными в России) и др. См.: Данюк Н.С. Внешняя политика Российской Федерации (2000-2016 гг.) и феномен «цветных революций»: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.15. – М., 2018. – 312 с.; Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 45. – С. 148-178.

управляемого антропопотока на территории государств-реципиентов, используемого в качестве миграционного оружия²⁹³;

– объединение вооруженных сил, парамилитарных формирований и криминальных структур, действующих часто террористическими методами (типичный пример – Колумбия, где часть парамилитарес и наркокартелей использовалась для противодействия другим наркокартелям и леворадикальным повстанческим группировкам²⁹⁴).

Динамичное взаимодействие субъектов неклассических войн ведёт к перениманию ими методов друг друга в условиях стирания границы между ними. Так, террористические формирования способны применять криминальные методы в оперативных целях. В свою очередь, криминал активно используется для достижения политических целей²⁹⁵, действуя как самостоятельный актор или при взаимодействии со спецслужбами²⁹⁶. Это увеличивает диапазон угроз, с которыми сталкиваются государства в деле обеспечения национальной безопасности, из чего следует необходимость в новых подходах и контрмерах для пресечения подобных угроз – и в превентивном режиме, и в активной фазе, когда и если ранее указанные комбинации субъектов неклассических войн направят свои совместные усилия для достижения взаимовыгодных целей за счёт безопасности и интересов «объекта-мишени», особенно – России.

²⁹³ Об участии некоторых ТНК в миграционном кризисе в Европе (2015-2016 гг.) см.: Stanley-Becker I. How McKinsey quietly shaped Europe's response to the refugee crisis [Электронный ресурс] // The Washington Post [Официальный сайт]. 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/how-mckinsey-quietly-shaped-europes-response-to-the-refugee-crisis/2017/07/23/2cccb616-6c80-11e7-b9e2-2056e768a7e5_story.html (дата обращения: 02.05.2022).

²⁹⁴ К таковым относились Объединенные силы самообороны Колумбии (исп. Autodefensas Unidas de Colombia, AUC) – ультраправая террористическая организация. AUC, конкретно – аффилированная с ней группировка Лос Пепес (исп. Los Pepes), финансировалась наркокартелем Кали (враждебным Медельинскому картелю и его лидеру Пабло Эскобару) и взаимодействовала с ЦРУ и другими спецслужбами США. См.: Bowden M. Killing Pablo: The Hunt for the World's Greatest Outlaw. – Grove Press, 2001. – 304 p.

²⁹⁵ Это явление наблюдалось в событиях в Казахстане (попытка государственного переворота в январе 2022 года), в которых криминальные элементы играли значительную роль. См.: Манойло А.В., Стригунов К.С. Казахстанский мятеж: Технология очередной попытки госпереворота [Электронный ресурс] // «Белорусская военная газета. Во славу Родины» [Официальный сайт]. 2022. URL: https://vsr.mil.by/rubrics/vremya_sobytiya_lyudi/kazakhstanskiy_myatezh_tekhnologiya_ocherednoy_popytki_gosperevotota/ (дата обращения: 24.03.2022).

²⁹⁶ Например, Турция активно использует криминал для продвижения своих интересов в рамках создания транснациональной криминальной сети с пантюркским уклоном. См.: Апхайдзе Ш. Криминальный Туран: миф или реальность? [Электронный ресурс] // ИА News-Front [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://news-front.info/2021/09/26/kriminalnyu-turan-mif-ili-realnost/> (дата обращения: 24.03.2022).

1.5. Неклассические войны как угроза национальной безопасности Российской Федерации

Согласно определению, данному в Указе Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», *национальная безопасность Российской Федерации* – это состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, её независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны²⁹⁷. Отмечается, что недружественные страны пытаются использовать имеющиеся в России социально-экономические проблемы для разрушения её внутреннего единства, инспирирования и радикализации протестного движения, поддержки маргинальных групп и раскола российского общества. Всё более активно применяются *непрямые методы*, направленные на провоцирование долговременной нестабильности внутри Российской Федерации. В документе отмечается, что действия некоторых стран направлены на инспирирование в Содружестве Независимых Государств (СНГ) дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с её традиционными союзниками²⁹⁸. Недружественные государства и иные акторы, осуществляя неклассическую войну против России с использованием не прямых методов, стремятся достигнуть

²⁹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2021. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).

²⁹⁸ Там же.

политического результата, сопоставимого с тем результатом, как если бы против России велась классическая (прямая) война. Опасность для России состоит и том, что в неклассических войнах порой нельзя чётко определить не только начало и окончание агрессии, но даже сам факт её может вызывать сомнения. Это является отражением специфики неклассических войн, чьи методы позволяют обходить существующую систему международной безопасности и наносить ущерб интересам и национальной безопасности России.

Одним из характерных примеров, когда применение методов неклассических войн позволило фактически беспрепятственно преодолеть систему международной безопасности и несло угрозу национальной безопасности России, является война в Сирии²⁹⁹. Начавшиеся 15 марта 2011 года в Сирии события имели все признаки «цветной революции»³⁰⁰, затем переросшей в войну³⁰¹. Фактически ни одна из международных структур, главным образом СБ ООН, не смогла воспрепятствовать активизации агрессии против Сирии. Это делалось в обход всех существующих барьеров в международном праве и всей системы международной безопасности, которая оказалась практически беспомощной перед такой формой неклассических войн. Несмотря на то, что Россия и Китай (в отдельных случаях) блокировали резолюции по Сирии³⁰², чем удалось пресечь попытку прямого вторжения, однако это лишь отчасти сдержало боевиков и их кураторов от агрессии. В реальности не удалось ни предотвратить войну, ни остановить. Это, несомненно, не означает, что политико-дипломатические усилия по деэскалации были бессмысленными или неэффективными. Напротив, благодаря действиям российских дипломатов удалось инициировать решения ряда важных гуманитарных вопросов,

²⁹⁹ Махнёв С.Д. Угрозы конфликта в Сирии для национальной безопасности РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 1(2). – С. 345-350.

³⁰⁰ Нечаев Д.Н., Ницевич В.Ф., Бочанов М.А. «Цветные революции»: от soft power к гражданским войнам // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № Т. 10. № 6. – С. 115-120; Шульц Э.Э. Технологии бунта: «Цветные революции» и «Арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № Т. 10. № 19. – С. 46-53.

³⁰¹ Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. – 2018. – № 10. – С. 5-20; Наумов А.О. Мягкая сила и цветные революции // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3. № 1. – С. 73-86.

³⁰² См. Как Россия блокировала резолюции СБ ООН по Сирии. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://tass.ru/info/5113763>(дата обращения: 25.03.2022).

содействовать политическому урегулированию войны в САР³⁰³ (настолько, насколько это вообще достижимо) и заблокировать те резолюции СБ ООН, которые допускали применение санкций против Дамаска или использовали Международный уголовный суд (МУС) в качестве инструмента эскалации и как инструмент, который бы открывал возможность для внешней интервенции³⁰⁴. Однако все эти меры и достижения носили характер смягчения уже шедшей на протяжении нескольких лет войны. Подлинно стратегический перелом в войне наступил не благодаря дипломатии, а главным образом за счёт оказания Россией и Ираном сирийскому руководству прямой военной помощи, которую оно получает до сих пор и без которой оно потерпело бы поражение ещё в 2015-2016 гг.

Другим примером неклассических войн являются события 2013-2014 гг. на Украине, где была инициирована вторая за десять лет «цветная революция». Итогом «цветной революции» стало свержение В.Ф. Януковича, его бегство в Россию, а на Украине к власти был приведён полностью подконтрольный коллективному Западу (главным образом США) режим. Это – один из ярчайших примеров того, как современные формы неклассических войн не просто не останавливаются существующими барьерами нынешней системы международной безопасности, но в этом и подобных случаях можно уверенно говорить о том, что методы и технологии неклассических войн вообще их не замечают.

Никакие проекты резолюций СБ ООН не могли остановить агрессию со стороны коллективного Запада в виде организации насильственной смены власти на территории Украины. По своему военно-политическому и стратегическому значению данный результат сопоставим с проведением успешной военной кампании классического типа, где основная ставка делается на ВС (регулярные войска). «Объект-мишень» был поставлен под внешнее управление без единого артиллерийского выстрела, авиаудара или прорывов танковыми клиньями со

---

³⁰³ Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений: дисс. ... доктор. истор. наук: 07.00.15. – М., 2018. – 1047 с.

³⁰⁴ Например, 22 мая 2014 года Россия и Китай ветоировали проект резолюции S/2014/348 «Положение на Ближнем Востоке». См.: Положение на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // Совет Безопасности ООН. S/2014/348. Проект заседания 7180 [Официальный сайт]. 2014. URL: <https://undocs.org/ru/S/2014/348> (дата обращения: 25.03.2022).

стороны агрессора, однако результат для него оказался аналогичным, но без огромного количества побочных эффектов в виде значительных затрат на классическую войну, негативной реакции международного сообщества, потерь в живой силе, мобилизации и т.п. Более того, любые договоренности с рядом стран, которые взяли на себя роль переговорной стороны, были дезавуированы последовавшими событиями³⁰⁵, когда В.Ф. Януковича неонацистские боевики были готовы физически устранить.

Инициированная коллективным Западом неклассическая война в форме «цветной революции» 2013-2014 гг. на Украине стала новой фазой по созданию враждебного антироссийского государства, управление которым осуществляется полностью извне, что представляет собой фундаментальную угрозу национальной безопасности России. Фактически коллективный Запад использует Украину, её ресурсы и территорию, в качестве прокси-структуры в неклассической войне против России. Русофобская индоктринация всего украинского общества, всех социальных страт (от молодежи и СМИ до украинского политикума и крупного бизнеса) постепенно формировала плацдарм для осуществления атаки в отношении жизненно важных сфер влияния России, а в пределе – на саму Россию, о чем заявил Президент В.В. Путин 24 февраля 2022 года, отметив, «что на прилегающих к нам территориях, – замечу, на наших же исторических территориях, – создаётся враждебная нам «анти-Россия», которая поставлена под полный внешний контроль, усиленно обживается вооружёнными силами натовских стран и накачивается самым современным оружием»³⁰⁶. Данный плацдарм используется Западом для максимального ослабления России руками киевского режима через активное снабжение его современным вооружением, включая тяжелое³⁰⁷, оказывая ему массивную разведывательную³⁰⁸,

³⁰⁵ Свечников Н.И., Филоков А.Р. Политико-правовой анализ государственного переворота на Украине // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 23-27.

³⁰⁶ Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 25.03.2022).

³⁰⁷ U.S., Britain, Canada pledge artillery for Ukraine [Электронный ресурс] // Reuters [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/biden-allies-hold-video-call-ukraine-2022-04-19/> (дата обращения: 26.03.2022).

³⁰⁸ Barnes J. The U.S. has expanded intelligence sharing with Ukraine about Russian troops in the Donbas region [Электронный ресурс] // The New York Times [Официальный сайт]. 2022. URL:

политико-дипломатическую, финансовую и информационно-пропагандистскую поддержку, помощь в обучении украинских военных³⁰⁹ и пр.

Однако превращение Украины в антироссийский плацдарм имело и ещё одно измерение, о котором было сказано в обращении Президента России от 24 февраля 2022 года. Речь идёт о наличии разведанных о разработке ядерного оружия киевским режимом при поддержке Запада, о чем также заявил глава Службы внешней разведки (СВР) С.Е. Нарышкин. По данным СВР и российского Министерства обороны, «Украина сохранила технический потенциал по созданию ядерного оружия и эти возможности у неё гораздо выше, чем у Ирана или Северной Кореи. Более того, по поступающим в СВР разведанным, работы на этом направлении на Украине велись»³¹⁰. Об этом было известно и американским спецслужбам. Данный факт приводил к тому, что могла возникнуть беспрецедентная в мировой истории ситуация. Обретение киевским режимом ядерного оружия означало, что де-факто контролирующей Украину коллективный Запад, прежде всего США, мог бы безнаказанно для себя угрожать России применением ядерного оружия и тем самым сдерживать Россию в своих стратегических действиях. Любой значимый конфликт интересов между Россией и Западом привёл бы к тому, что через политическое руководство Украины страны Запада (главным образом США) могли угрожать России нанесением ядерного удара под предлогом «защиты» от её «агрессии». При этом контроль такого оружия осуществлялся бы именно Западом. В случае гипотетического ядерного удара по России, российское руководство могло бы нанести ответный удар только по киевскому режиму, поскольку ответ по НАТО, контролирующему киевский режим, привел бы к полномасштабному обмену ядерными ударами. Как следствие, Запад получал возможность создать подконтрольное ядерное

<https://www.nytimes.com/2022/04/13/world/europe/us-russian-troops-donbas-intelligence-sharing-ukraine.html> (дата обращения: 26.03.2022).

³⁰⁹ Vergun D. Austin Thanks Ukrainian Force Trained in U.S. Returning to Ukraine [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2995038/austin-thanks-ukrainian-force-trained-in-us-returning-to-ukraine/> (дата обращения: 26.03.2022).

³¹⁰ У СВР есть данные о разработке Украиной ядерного оружия, заявил Нарышкин [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://ria.ru/20220303/oruzhie-1776346303.html> (дата обращения: 27.03.2022).

государство и использовать его для ядерного шантажа России, не опасаясь ответного ядерного удара по своей территории. Подобная угроза не имеет аналогов и являлась одной из главных причин проведения СВО.

Однако в рамках осуществляемой неклассической войны против России Запад проводил не только подготовку военных и ультраправых радикалов из неонацистских формирований, интегрированных с ВСУ и Национальной гвардией Украины (НГУ), а также косвенно содействовал разработке ядерного оружия Украиной. Согласно полученным и опубликованным данным Министерством обороны РФ, США осуществляли на территории Украины засекреченную военно-биологическую деятельность³¹¹. На одном из брифингов начальник войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ И.А. Кириллов сообщил, что на Украине создавались компоненты биологического оружия, а полученные документы подтверждают участие Пентагона в финансировании и проведении исследований. Многие из представленной информации подтвердило опасения, высказанные ещё в 2018 году российским Министерством обороны, о том, что под видом медицинских экспериментов американцы фактически возродили подготовку к возможной биологической войне, что соответствует реализуемой США концепции «бесконтактной войны»³¹². Следовательно, спектр угроз включал в себя использование Украины как плацдарма для опосредованной войны, в т.ч. с использованием ОМП – ядерного и биологического.

Вместе с тем западные страны, оказывающие Украине массированную военную, материальную, информационную и иную поддержку, фактически выбрали стратегию «сириизации» конфликта с явной целью втянуть Россию в длительное и изнурительное противостояние, которое в пределе должно истощить ресурсы России и привести к результату, равнозначному капитуляции. В плане

---

³¹¹ Выступление начальника войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ генерал-лейтенанта Игоря Кириллова по результатам анализа документов, касающихся военно-биологической деятельности США на территории Украины (17 марта 2022 г.): Брифинг начальника войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ [Электронный ресурс] // Министерство обороны РФ [Официальный сайт]. 2022. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12413375 (дата обращения: 28.03.2022). Также см.: Документы с брифинга Министерства обороны [Электронный ресурс] // 2022-03-17_МО_брифинг_документы. 2022. URL: <https://disk.yandex.ru/d/ndINmQKPfDRM0w> (дата обращения: 28.03.2022).

³¹² Боевой микроб: Россия подозревает США в подготовке к биологической войне [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://ria.ru/20181004/1530014686.html> (дата обращения: 28.03.2022).

используемых методов, логистики и организации действия коллективного Запада по отношению к киевскому режиму имеют много общего с поддержкой антиасадовских сил в Сирийской Арабской Республике. Если в сирийской войне западные и некоторые ближневосточные страны задействовали транснациональные иррегулярные (конкретно – экстремистско-террористические) формирования, состоящие из радикальных исламистов, то на Украину, согласно данным Министерства обороны РФ, с начала СВО было привлечено 6824 иностранных наёмника из 63 государств³¹³. Как правило, это представители ультраправых организаций, которые в большинстве случаев прибывали в зону конфликта не без содействия спецслужб и военных ведомств своих стран. В этом отношении ситуация сильно напоминает Сирию, куда целенаправленно прибывали боевики с территории свыше 100 стран мира³¹⁴. Частично Западом используется технология, описанная И.М. Поповым и М.М. Хамзатовым как технология «облачных» боевых действий³¹⁵, когда боевые действия ведутся «аморфными» группировками регулярных войск (сил) и разнообразными иррегулярными формированиями. Все основные структурные элементы системы обеспечения такого противника находятся в странах ближнего и дальнего зарубежья, формально не принимающих участие в боевых действиях. Различие лишь в том, что в сирийской войне данная технология неклассической войны применялась на территории Сирии, а в случае с конфликтом на Украине данная технология используется против России в зоне проведения СВО, однако её механизм во многом идентичен механизму технологии, опробованной в Сирии.

На фоне проводимой ВС РФ на Украине СВО, США и другие члены НАТО, а также ряд стран, действующих в угоду Вашингтону, развязали тотальную антироссийскую информационную кампанию, по своей мощности беспрецедентную в мировой истории. Для этого используется разветвленная

---

³¹³ Минобороны РФ сообщило об уничтожении на Украине 1035 иностранных наёмников [Электронный ресурс] // Интерфакс [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/835351> (дата обращения: 18.04.2022).

³¹⁴ Foreign Fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq [Электронный ресурс] // The Soufan Group [Официальный сайт]. 2015. URL: https://wb-iisg.com/wp-content/uploads/wp-attachments/4826/TSG_ForeignFightersUpflow.pdf (дата обращения: 29.03.2022).

³¹⁵ Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. С. 504-506.

инфраструктура, включающая входящие в состав Сил специальных операций ВСУ центры информационно-психологических операций (ЦИПсО): 72-й Главный ЦИПсО (в/ч А4398), 74-й ЦИПсО (в/ч А1277), 83-й ЦИПсО (в/ч А2455) и 16-й ЦИПсО (в/ч А1182)³¹⁶. К указанным организациям прикомандированы группы зарубежных инструкторов из Бельгии, Канады, Литвы, Польши, США, Швеции, Эстонии³¹⁷. Кроме того, в 72-м главном центре ИПсО ВСУ выполняет специальные задачи группа инструкторов из состава 77-й бригады информационных войск ВС Великобритании (с конца 2018 года). Через каналы массовой информации, а также социальные сети, системы ботов и пр. осуществляются вбросы различной дезинформации и фейков. Для распространения пропаганды активно применяются рекламные сервисы. Действия украинских ЦИПсО интегрированы в масштабную инфраструктуру проведения ИПВ, осуществляемую странами Запада (но не только НАТО) против России.

В отношении России введено рекордное за всю мировую историю количество санкций³¹⁸. Это является полномасштабной экономической войной против России, смысл которой в максимальном подрыве её ресурсного потенциала и принуждении к остановке СВО, что фактически будет означать капитуляцию. Санкции и целенаправленное затягивание конфликта западные страны стремятся синхронизировать таким образом, чтобы ослабление России в зоне СВО совпало с её максимальным экономическим истощением за счёт отложенных эффектов введенных системных санкций против финансового, военного, энергетического и др. секторов российской экономики.

Указанные действия в ходе развязанной коллективным Западом неклассической войны представляют собой фундаментальную угрозу для национальной безопасности России.

---

³¹⁶ Хетагуров А. Организация кибербезопасности Украины [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/cyberukraine-org> (дата обращения: 29.03.2022).

³¹⁷ Берков А. Силы специальных операций Вооруженных сил Украины // Зарубежное военное обозрение. – 2020. – № 7. – С. 37-43.

³¹⁸ На 7 апреля 2022 года было введено свыше 6000 санкций, и их число продолжает расти. См.: Мишустин сообщил о более 6000 санкциях, введенных против России [Электронный ресурс] // Ведомости [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/04/07/917085-sanktsii-vvedennih-protiv-rossii> (дата обращения: 30.03.2022).

Выводы по Главе I

Современные неклассические войны отличаются от классических войн тем, что главным инструментом для достижения военных целей выступают НЭНК. При этом результат применения НЭНК сопоставим с нанесением поражения «объекту-мишени» в классической войне. В неклассических войнах ВС либо не используются, либо используются ограниченно. При осуществлении любой формы неклассических войн нет необходимости в обязательном переводе государственной системы в мобилизационный режим с присущим ему введением военного положения, перевода экономики на военные рельсы, мобилизации, в т.ч. перманентной, и т.п. Такого рода меры характерны для классических войн.

Формы неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, основаны на теории сложности, теории систем и теории хаоса, а также ИКТ, сетевых технологиях, рефлексивном управлении и организационном поведении, что позволяет задействовать сетевые группы и другие НЭНК с достижением синергии и синергетического эффекта. Как следствие, неклассические войны, основанные на использовании сетевых групп, позволяют достигать результата как в классической войне, но при отсутствии неприемлемых военных, политических, экономических и репутационных рисков, характерных для классических войн. К формам неклассических войн относятся гибридные войны, «цветные революции», системно-сетевая война, мятежевойна и т.п. Другие формы неклассических войн («венесуэльский прецедент») также в состоянии нанести серьёзный ущерб «объекту-мишени», однако в них не задействуют сетевые группы как основной НЭНК. Вместо этого из оппозиционеров создают «признанных президентов» (например, Х. Гуайдо) с передачей им дозированного

контроля над активами государства, где осуществляется попытка переворота (Венесуэла, 2019 г.). Также им оказывается массированная политико-дипломатическая и информационная поддержка.

ИПВ осуществляются в форме информационных операций, информационных атак, фейков и т.п. При этом методы и технологии ИПВ (в т.ч. когнитивной, ментальной) и кибервойны (кибероперации и пр.) могут выступать в роли НЭНК, будучи частью, например, неклассических войн, основывающихся на применении сетевых групп, либо осуществляться отдельно. Использование миграционного оружия также представляет собой форму неклассических войн, в которой главным инструментом достижения политических целей является антропопоток, контролируемо направляемый в страны-реципиенты.

К субъектам неклассических войн относятся государственные акторы, негосударственные акторы, а также субъекты смешанного типа, среди которых следует выделить взаимодействие государственных ведомств, ТНК, ЧВК, ЧРК, транснациональных преступных и международных террористических организаций, хакерских групп, НПО, НКО и т.п., действующих совместно в той или иной комбинации для достижения взаимовыгодных целей.

Полномасштабная неклассическая война, развязанная коллективным Западом против России после того, как Президент В.В. Путин отдал приказ о проведении СВО на территории Украины, демонстрирует фундаментальную угрозу, которую представляют собой средства, методы и технологии неклассических войн для национальной безопасности России. При этом спектр задействованных Западом антироссийских мер оказался самый широкий – от массированных поставок легкого и тяжёлого вооружения украинским властям до предоставления разведывательной, инструкторской и советнической помощи, а также направления в зону конфликта наёмников (в т.ч. из ЧВК). Все эти действия синхронизированы с введением беспрецедентных санкций и неограниченной ИПВ с ярко выраженным русофобским нарративом.

Глава II. Особенности ведения современных неклассических войн

2.1. Технологии использования сетевых групп в современных неклассических войнах

Как было показано в главе I, все формы неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп в качестве важнейшего НЭНК, имеют общий признак в виде возникновения синергетического эффекта от их применения, что стало возможным за счёт объединения стратегического мышления с теориями хаоса и сложности, а также возможностями практического воплощения новой концепции за счёт использования сетевого принципа организации, ИКТ и технологий рефлексивного управления. Возникший синергетический эффект является основой механизма достижения насильственного контроля над «объектом-мишенью» со стороны нападающей стороны без использования им своих ВС, но с результатом, сопоставимым с тем, какой актер мог бы достичь, используя свои ВС (как в классической войне). Данный признак относится ко всем формам неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, обозначаемым такими терминами, как, например, «цветные революции», «гибридные войны», «технологии системно-сетевой войны», «мятежевойна».

Таким образом, с учетом изложенного выше, становится возможным сформулировать свойства неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп:

Первое свойство: в ходе неклассической войны возможно достижение насильственного контроля над «объектом-мишенью», по результату сопоставимому с применением прямой военной силы, если воздействие её неинтервенционных элементов достигает необходимого синергетического эффекта.

Второе свойство: необходимый уровень синергетического эффекта от применения неинтервенционных элементов достигается тогда, когда в основе использования их важнейшего компонента – сетевых групп – лежит рефлексивное управление, а количество управляющих команд в отношении их составляющих обеспечивает точность воздействия вплоть до индивидуума, благодаря чему сетевые группы, согласованно с другими неинтервенционными элементами, становится возможным контролируемо направлять с целью перехвата управления над «объектом-мишенью» в соответствии с замыслом агрессора.

Третье свойство: сохранение «объектом-мишенью» устойчивости своей социальной и государственной системы под действием развязанной против него неклассической войны ведёт к использованию агрессором всё более разрушительных её типов, когда в пределе ставится задача достигнуть системно-тотального и перманентного деструктивного воздействия на «объект-мишень» для осуществления насильственного контроля над ним³¹⁹.

Третье свойство показывает, почему агрессор не стает переходить от гибридной войны к «цветной революции», если она не дала нужный результат. Например, если актер перешёл от попыток вовлечения в зону своих ценностей «объекта-мишени» при помощи политико-дипломатического давления вместе с экономическими санкциями к фазе «цветной революции», а затем к сирийскому сценарию, то реверс данной последовательности, т.е. от жёсткой фазы (гибридная война) к «мягкой» («цветная революция» или, как альтернатива, «венесуэльский прецедент», см. далее), нелогичен и контрпродуктивен, поскольку в таком случае

---

³¹⁹ Впервые данные свойства были сформулированы в работе: Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 4. – С. 157-193.

теряется смысл в оказываемом деструктивном воздействии на «объект-мишень», если последний демонстрирует устойчивость к этому воздействию. В таком случае цель оказывается недостигнутой, значимые ресурсы – затрачены, а нападающей стороне наносится политико-репутационный удар, поскольку его противник («объект-мишень»), устояв перед такой агрессией, формально выходит победителем (неудобный политический режим сохранится и в определенном смысле даже укрепитя). Следовательно, изначальные цели нападающей стороны не достигаются, а значит, с учетом вышесказанного, она терпит поражение.

Более того, по всей видимости, реверсный режим политически и организационно невозможен, поскольку в противном случае «объект-мишень» сумеет адаптироваться и противодействовать гибридной войне, а значит, справиться с угрозами, которые несут «цветные революции», ему будет проще. В данном случае эффект схож с тем, как если бы в классической войне полководец в самый разгар наступательной операции отдал приказ снизить темп наступления, тем самым давая возможность противнику отойти, перегруппироваться, подтянуть резервы и занять более выгодные позиции. Иными словами, агрессор не станет от фазы гибридной войны возвращаться к «цветной революции», поскольку этим шагом он не только отдаст стратегическую инициативу «объекту-мишени», но и способствует укреплению его правящего политического режима, демонтаж которого с последующими перехватом управления над «объектом-мишенью» (т.е. государством) и был важнейшей целью.

У актора (нападающей стороны) возникнут не только прямые политические и репутационные издержки, но и долгосрочные негативные стратегические последствия (реверс, например, может быть воспринят как слабость агрессора в том регионе, где расположен «объект-мишень», или во всём мире, а значит, этим могут воспользоваться другие мировые акторы). Сказанное не означает, что нападающая сторона не может отступить; такое возможно, но только чтобы в последующем предпринять новую попытку инициировать свержение этого неудобного режима. Однако новая итерация агрессии будет разнесена во времени от предыдущей, а сам «объект-мишень» психологически и организационно будет

готов её отразить. Следовательно, его потребуется продолжать ослаблять (санкциями, информационно-психологическим деморализующим и дезорганизирующим воздействием, пр.), т.е. на это уйдут время и ресурсы, чтобы в последующем агрессор решился на развязывание против данного «объекта-мишени» новой «цветной революции» или гибридной войны.

Отметим, что через причисление «цветных революций» и гибридных войн к технологиям нельзя их различать, поскольку эти оба типа неклассических войн содержат в себе технологии. Гибридная война может быть технологизирована так же, как и «цветная революция»³²⁰. При этом отнесение «цветных революций» и гибридных войн к технологиям не раскрывает их общие и системообразующие признаки – с одной стороны, а с другой – не выявляет в них различия. В действительности «цветная революция» и гибридная война имеют объединяющие их базовые признаки, в т.ч. сформулированные в трёх свойствах форм неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп. Различия же объясняются в самой технологии, используемых типах сетевых групп (в гибридных войнах это полноценные парамилитарные иррегулярные формирования вместо агрессивно настроенных лиц, являющихся ядром беспорядков в «цветных революциях») и степени деструктивности и всеохватности воздействия этих технологий на общественно-государственную систему «объекта-мишени», что выводится из третьего свойства.

Полагаем, что выведенные свойства форм неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, позволяют сделать вывод, что целый ряд описанных в данной диссертационной работе явлений, обозначаемых множеством терминов (понятий), имеет единый генезис. Также, на основе выявленных общих и системных признаков, сформулированных свойств для явлений, обозначаемых такими терминами, как «цветные революции», «гибридные войны», «мятежевойна», «сетевые войны», «технология системно-

---

³²⁰ На примере войны в Сирии эту технологию, названную «облачный противник», превосходно раскрыли авторы И.М. Попов и М.М. Хамзатов в работе: Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. С. 504–506.

сетевой войны» и рядом других, становится возможным создание их единой системы классификации.

Покажем применение сетевых групп в современных неклассических войнах на двух примерах. В первом случае речь идёт о применении данных технологий в государстве, которое выступает в роли «объекта-мишени» (Боливия, 2019 г.). Во втором случае рассматривается использование данных технологий одной частью элит против другой на территории одного государства (США, 2020 г.).

Первый пример – события в Боливии, где в октябре 2019 г. был осуществлён государственный переворот, следствием которого стал реванш правых сил и бегство боливийского президента Эво Моралеса в Мексику. Не отрицая наличия внутренних противоречий, ставших важной причиной событий октября 2019 года, следует отметить колоссальное влияние внешних игроков, способствовавших свержению действовавшего руководства Боливии.

Результаты голосования Карлос Меса, выступавший в роли главного соперника Э. Моралеса на выборах 2019 г., отказался признавать, что, в свою очередь, инициировало протесты в Боливии, которые быстро трансформировались в массовые беспорядки. Основной ударной силы антиморалистов стали праворадикальные группировки. В их числе были мотокерос (motoqueros), относящиеся к движению Resistencia Juvenil Cochala³²¹. Фактически это боевики, передвигавшиеся на мотоциклах и вступавшие в столкновения со сторонниками Э. Моралеса и MAS (партия Movimiento al Socialismo, «Движение к социализму», возглавляемая Э. Моралесом). Вместе с ними терроризировали сторонников действовавшего президента боевики из т.н. «Союза молодежи Санта-Круса» (Unión Juvenil Cruceñista, UJC), представляющего собой боевое подразделение «Гражданского комитета за Санта-Крус» («Comité Cívico Pro Santa Cruz»). Данная организация состоит из ультраправых фашистских элементов и возглавлялась Луисом Фернандо Камачо.

---

³²¹ Прохвятилов В. Кто стоит за государственным переворотом в Боливии? [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/11/13/kto-stoit-za-gosudarstvennym-perevorotom-v-bolivii-49453.html> (дата обращения: 03.04.2022); Resistencia Juvenil Cochala [Электронный ресурс] // Facebook. 2019. URL: <https://www.facebook.com/RJCochala/> (дата обращения: 03.04.2022). Социальная сеть Facebook принадлежит Meta – запрещённая в России организация, признанная экстремистской.

На тот момент Л. Камачо был одним из лидеров оппозиции и одновременно соратником К. Меса.

«Гражданский комитет за Санта-Крус» известен христианским фундаментализмом, а также расизмом в отношении местного индейского населения, при этом он выступал за сецессию департамента Санта-Крус от Боливии. После выборов президента 20 октября 2019 года Л. Камачо резко набрал известность аналогично неонацистским группировкам на Украине (например, запрещенный в России «Правый сектор» во время «майдана» в 2013-2014 гг.). Л. Камачо и «Гражданский комитет за Санта-Крус» связан с боливийцем хорватского происхождения Бранко Маринковичем – крупным бизнесменом и латифундистом. Б. Маринкович оказывал поддержку правой оппозиции после того, как Э. Моралес принял законы о национализации земли и природных ресурсов³²². В Санта-Кресе находятся полезные ископаемые³²³, через него проходят нефтепроводы (например, Санта-Крус-де-ла-Сьерра – Арика), присутствуют нефтяные месторождения, крупнейшие теплоэлектростанции, производящие бóльшую часть электроэнергии в Боливии, и др., поэтому контроль данного департамента имеет стратегическую значимость. Как следствие, самые жёсткие и масштабные выступления против Э. Моралеса проходили в Санта-Кресе. Сам Б. Маринкович известен своими ультраправыми взглядами, а также тем, что в 2008 году для устранения Э. Моралеса он привлек боевиков³²⁴ т.н. Первой международной части хорватской армии, принимавшей участие в войне на Балканах в 1991-1995 гг. В террористической операции принимал участие наёмник Эдуардо Росса-Флорес, воевавший на стороне хорватов. По мнению

---

³²² Blumenthal M., Norton B. Bolivia coup led by Christian fascist paramilitary leader and millionaire – with foreign support [Электронный ресурс] // The Grayzone [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://thegrayzone.com/2019/11/11/bolivia-coup-fascist-foreign-support-fernando-camacho/> (дата обращения: 03.04.2022).

³²³ См.: Лукашева Е.Н. Южная Америка. – М.: Просвещение, 1958. – 468 с.

³²⁴ Terrorismo separatista en Bolivia: Informe Conclusivo de la Comisión Especial Multipartidaria de Investigación de los Hechos y atentados acaecidos en la Ciudad de Santa Cruz de la Sierra [Электронный ресурс] // Comisión Especial Multipartidaria de la Cámara de Diputados [Официальный сайт]. 2009. URL: https://www.vicepresidencia.gob.bo/IMG/pdf/terrorismo_separatista.pdf (дата обращения: 29.11.2022); Vaca M. Bolivia: implican a líderes de Santa Cruz [Электронный ресурс] // BBC News [Официальный сайт]. 2009. URL: https://www.bbc.com/mundo/america_latina/2009/05/090505_0439_santacruz_terroristas_jg (дата обращения: 04.04.2022).

отдельных исследователей, координацией нападения занимался бывший посол США в Боливии Филипп Гольдберг³²⁵, впоследствии объявленный Э. Моралесом персоной *non grata* за свою подрывную деятельность. Покушение провалилось, а трое из пяти террористов были ликвидированы в отеле «Лас Америкас» в городе Санта-Крус-де-ла-Сьерра 16 апреля 2009 года в ходе проведения спецоперации боливийскими спецслужбами. Среди убитых террористов оказался Эдуардо Росса-Флорес, остальные двое выживших его сообщника были арестованы. Сам Б. Маринкович экстренно покинул Боливию после того, как боливийская прокуратура предъявила ему обвинения в причастности к заговору против Э. Моралеса. По имеющимся данным, с тех пор он находился в Бразилии³²⁶.

Впрочем, не только вышеперечисленные аргументы свидетельствуют о вмешательстве в боливийские выборы извне. В частности, в открытом доступе появились 16 аудиозаписей, где слышны голоса представителей оппозиции, призывавших к перевороту и свержению Э. Моралеса³²⁷. Среди названных фамилий оппозицией были американские сенаторы Марко Рубио, Боб Менедес и Тед Круз. Также озвучивалась помощь со стороны Евангелистской церкви и правительства Бразилии. Слышны голоса экс-кандидата в президенты и оппозиционера Манфреда Рейеса Вилла, полковника Хулио Сезара Мальдонадо Леони и др.

Следует отметить, что у Вашингтона до сих пор достаточно способов повлиять на выборы в Боливии и в других странах Латинской Америки. Поэтому можно сделать заключение, что формально завершённая с окончанием второго срока президента Р. Рейгана масштабная антикоммунистическая операция «Кондор»³²⁸ де-факто продолжается и в настоящее время, но в менее явной

---

³²⁵ Никандров Н. Террористы из Европы атакуют в Боливии [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры [Официальный сайт]. 2009. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2009/05/01/9443-9443.html?print> (дата обращения: 04.04.2022).

³²⁶ Твиттер Бранко Маринковича. Дата регистрации: ноябрь 2010 г. Локация: Сан-Паулу, Бразилия [Электронный ресурс] // Twitter. 2010. URL: https://twitter.com/branko_goran (дата обращения: 04.04.2022).

³²⁷ Bolivia: filtran audios de líderes opositores llamando a un golpe de estado contra Evo Morales [Электронный ресурс] // El Periódico [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://elperiodicocr.com/bolivia-filtran-audios-de-lideres-opositores-llamando-a-un-golpe-de-estado-contra-evo-morales/> (дата обращения: 04.04.2022).

³²⁸ Операция «Кондор» проводилась в 70-80-е годы XX века в ряде стран Латинской Америки, в т.ч. и в Боливии. Фактически под общим патронажем и координацией американских спецслужб, СНБ и Госдепартамента США

форме³²⁹. Нарботанные американцами связи, агентурные сети, логистика и влияние в регионе сохранились. Как и ранее, США задействуют фашистские организации и потомков пронацистских коллаборационистов. Например, Б. Маринковича даже сотрудники частной разведывательно-аналитической компании Stratfor считают потомком усташа³³⁰. Также задействуются наёмники, в т.ч. из Восточной Европы. Боливия, даже после того, как Э. Моралес выгнал американского посла Ф. Гольдберга, осталась государством, где продолжало свою активность американское разведывательное сообщество, взаимодействуя с ультраправыми организациями, которые используются для дестабилизации обстановки внутри него. Финансирование праворадикальных организаций осуществляется такими организациями, как Агентство по международному развитию и Национальный фонд демократии³³¹.

Одну из ключевых ролей в перевороте сыграли и высокопоставленные военные, а также полицейское руководство, которые имеют тесные связи с оппозицией и США. В частности, экс-главнокомандующий Вооруженными силами Боливии генерал Уильям Калиман Ромеро был военным атташе в США (2013-2016 гг.). Другой руководитель ключевой силовой структуры – экс-глава полиции Владимир Кальдерон – занимал должность полицейского атташе как президент группы латиноамериканских полицейских атташе, аккредитованных в США (Agregados de Policía de América Latina acreditados en Estados Unidos, APALA)³³². В. Кальдерон занимал эту должность в 2018 году до декабря.

ультраправые, криминально-фашистские латиноамериканские режимы осуществляли антикоммунистический террор в континентальном масштабе. Массово физически уничтожались представители левых сил и им сочувствующие. В ходе операции «Кондор», по самым скромным оценкам, погибли десятки тысяч человек, а пострадали сотни тысяч.

³²⁹ Стригунов К.С., Манойло А.В. Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 466. – С. 131-142.

³³⁰ On Branko Marinkovic [Электронный ресурс] // WikiLeaks. The Global Intelligence Files [Официальный сайт]. 2013. URL: https://wikileaks.org/gifiles/docs/17/1791843_on-branko-marinkovic-.html (дата обращения: 04.04.2022).

³³¹ Afirman que el Comité pro Santa Cruz es financiado por fundación norteamericana [Электронный ресурс] // Holybolivia [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.hoybolivia.com/movil/noticia.php?IdNoticia=305873> (дата обращения: 04.04.2022); Golinger E. USAID's Silent Invasion in Bolivia // The North American Congress on Latin America. 2009. May 20. [Electronic resource]. Mode of access: <https://nacla.org/news/usaid-silent-invasion-bolivia> (дата обращения: 04.04.2022).

³³² Távara S. Nueva visión para asociación de agregados policiales en Washington [Электронный ресурс] // Metro Latino USA [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://metrolatinousa.com/2018/09/10/nueva-vision-para-asociacion-de-agregados-policiales-en-washington/> (дата обращения: 04.04.2022).

Примечательно, что генерал У. Калиман проходил подготовку в небезызвестной Школе Америк (ныне – «Институт западного полушария по сотрудничеству в сфере безопасности», Western Hemisphere Institute for Security Cooperation, WHISC), находящийся на американской военной базе Форт-Беннинг, где осуществлялась подготовка кадров для антикоммунистических режимов в годы холодной войны³³³. В этом учреждении проходили спецподготовку и другие нынешние генералы Боливии³³⁴. Там же прошёл обучение и оппозиционер Манфред Рейес Вилла и другие персоны, чьи голоса записаны на опубликованных аудиозаписях (см. ранее). Таким образом, у этих чиновников и политиков имелись значительные возможности для наведения контактов с Госдепартаментом, разведслужбами и военными США, и к моменту выборов Э. Моралес лишился существенной поддержки в силовых структурах. У его противников, напротив, поддержка силовых структур выросла.

Задействованные олигархические группы и ультраправые элементы внутри Боливии при помощи транснациональных структур, иностранных спецслужб и правительств стали главной ударной силой при осуществлении технологии государственного переворота в Боливии. Среди прочего, к признакам применения этих технологий в Боливии следует отнести оппозиционные группы, тесно связанные с иностранными спецслужбами и НКО, сетевые группы (молодежные движения), ставшие мотором беспорядков, политико-информационная поддержка оппозиции со стороны Запада, характерная для всех типов «цветных революций», внедрение ультраправых и прооппозиционных элементов в силовые ведомства. Кроме того, Вашингтон использовал те каналы, через которые проводилось влияние на общество Боливии, включая каналы, активированные во времена операции «Кондор». В целом, технологически переворот в Боливии в ряде аспектов схож с переворотом, осуществленным на Украине. Однако имелось и существенное отличие, выразившееся в участии военных, чья «рекомендация»

---

³³³ As SOA/WHINSEC Graduates Continue Their Legacy of Destabilizing Latin America, Human Rights Activists Return to Fort Benning Where State Agents are Trained [Электронный ресурс] // School of the Americas watch [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://www.soaw.org/home/> (дата обращения: 04.04.2022).

³³⁴ Чернышев А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур // Латинская Америка. – 2020. – № 1. – С. 22-32.

Э. Моралесу покинуть свой пост была равносильна прямому участию в перевороте. То же касается и действий полиции, выступившей на стороне мятежников.

Вторым примером является использование движений «Black Lives Matter» и Antifa в качестве технологии демонтажа администрации Д. Трампа в условиях внутривластного кризиса в США в 2020 году. Применение сетевых групп в событиях того времени осуществлялось внутри государства одной частью элит против другой.

Четырёхлетний период президентства Д. Трампа привёл к срыву целого ряда проектов его противников, прежде всего демократов и групп влияния, стоящих за ними. К их числу относятся Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнёрство (Transatlantic Trade and Investment Partnership, ТТИП³³⁵), Транстихоокеанское партнёрство (Trans-Pacific Partnership, ТТП³³⁶), Соглашение о торговле услугами (Trade in Services Agreement, TiSA³³⁷), из которых США при Д. Трампе вышли. Это нанесло серьёзный урон по планам демократов, которые активно продвигали эти проекты во времена двух каденций Барака Обамы³³⁸. Вместе с этим в условиях нарастающего экономического кризиса, вызванного в т.ч. пандемией коронавируса COVID-19, обострялась и внутривластная борьба между основными политическими группами, становясь всё более ожесточенной по мере приближения дня голосования (3 ноября 2020 года). Тотальная война компроматов («Russiagate», коррупция семьи Байденов и др.) подтвердила предположение о том, что противоречия внутри США достигли во многом беспрецедентного масштаба и бескомпромиссности. Следовательно, в ход идут практически все инструменты, за

³³⁵ Полуэктов А.Б. Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между ЕС и США: прообраз обновленной ВТО? // Торговая политика. – 2016. – Т. 2. № 6. – С. 22-40.

³³⁶ Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Ч. 1. С. 231-236.

³³⁷ Козлова О.А., Строкатов Д.А. Либерализация торговли страховыми услугами между США и ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 12. – С. 54-67.

³³⁸ Подробнее о причинах нарастающего кризиса см.: Глазьев С.Ю. Политика экономического роста в условиях глобального кризиса // Партнерство цивилизаций. – 2012. – № 2. – С. 66-90; Стригунов К.С., Манойло А.В., Безвербный В.А. Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны. – М.: Горячая линия-Телеком, 2021. – 408 с.; Фурсов А.И. Колокола истории. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – 488 с.

исключением пока самых крайних (в сценарии прямой гражданской войны), однако, по сути, данное противостояние мало чем отличается от классической войны с поправкой на то, что массированное применение современных боевых систем несёт в себе неприемлемые риски для всех сторон конфликта. Как следствие, встал вопрос об использовании альтернативных средств, методов и технологий для достижения того же результата, который можно было бы достичь путём нанесения поражения противнику в прямой (классической) гражданской войне, но без неприемлемых рисков и побочных эффектов.

Данному условию отвечают технологии демонтажа политических режимов, которые Вашингтон применял в других странах. Проблема состоит в том, как именно применить такие технологии в собственной стране, поскольку известно, что с их помощью над «объектом-мишенью» устанавливается насильственный контроль, т.е. над целым государством, возглавляемым неугодным режимом. В действительности по выбору целей нет никаких ограничений; «объектом-мишенью» может стать как режим за пределами собственного государства, так и в нём самом. Критически важным является вопрос о соотношении целей и рисков при их достижении. Глубокий кризис внутри США и обусловленная им ожесточённая борьба внутри элит указывает на то, что часть групп влияния была готова пойти на такой риск, поскольку с их точки зрения он оправдан, а значит, и использование технологий демонтажа допустимо.

Из исследований «цветных революций» известно, что у них должно быть ядро, пассионарные элементы, организованные особым сетевым образом³³⁹, которые инструментализируются технологами и применяются для демонтажа властной группы. В США на эту роль подходят представители прежде всего негритянского населения, левые организации, ультраправые группировки (т.н. альт-правые, сторонники белого супрематизма и другие, расистские и неонацистские элементы) и ополчения. Поскольку в 2020 году Белый дом возглавлял президент консервативных взглядов, которого даже отождествляли с

---

³³⁹ См.: Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // *Мировая политика*. – 2015. – № 1. – С. 1-19.

ультраправыми (бывший старший советник Д. Трампа по политическим и стратегическим вопросам Стивен Бэннон относится к альтернативно-консервативным представителям Республиканской партии), его противники задействовали представителей негритянского населения и радикальных левоанархических децентрализованных организаций, самой известной из которых является т.н. Antifa. Это логично, поскольку консервативные и зачастую весьма закрытые правые структуры использовать крайне затруднительно по политическим и идеологическим причинам. Для указанных целей было задействовано движение «Black Lives Matter» (BLM), куда вошли представители негритянского населения, а также часть белого населения, разделяющая взгляды т.н. «критической расовой теории» и т.п.

Само движение BLM зародилось еще в 2013 году, но по-настоящему всемирную известность оно приобрело после инцидента с представителем негритянского населения США Джорджем Флойдом 25 мая 2020 года в Миннеаполисе, который был задержан полицией за то, что расплатился поддельным чеком и в ходе этого он был якобы задушен одним из полицейских. В качестве доказательства приводится видеосъемка, где запечатлено, как Дж. Флойда уложили на асфальт, а офицер Дерек Шовин встал ему коленом на шею. В последующем стороной обвинения утверждалось, что это стало причиной смерти Дж. Флойда. Однако согласно предварительным выводам судмедэксперта округа Хеннепин доктора Эндрю Бейкера, который и проводил вскрытие Дж. Флойда 26 мая 2020 года, аутопсия не выявила никаких физических данных, подтверждающих диагноз травматической асфиксии или удушения³⁴⁰. Далее: «У Флойда были сопутствующие заболевания, включая ишемическую болезнь сердца и гипертоническую болезнь сердца». По мнению Э. Бейкера, совокупный эффект сдерживания г-на Флойда полицией, его основное состояние здоровья и любые потенциальные интоксиканты в его организме, «вероятно, способствовали его

³⁴⁰ State of Minnesota vs. Derec Michael Chauvin [Электронный ресурс] // District Court 4th Judicial District. Court File № 27-CR-20-2646. 2020. URL: https://www.documentcloud.org/documents/6933246-Derek-Chauvin-Complaint.html?fbclid=IwAR262pwo_0mM06Z_Gq39kQKYJW4ieXCjhppf26Qt59di8E3W-2dohga1XRg (дата обращения: 28.04.2022).

смерти»³⁴¹. Согласно другому документу уровень фентанила³⁴² у Дж. Флойда был «довольно высоким» и потенциально «смертельным». Как заявил доктор Э. Бейкер, если бы Дж. Флойда нашли мёртвым в своём доме или где-либо ещё и не было других способствующих факторов, то он бы пришёл к выводу, что «это была смерть от передозировки»³⁴³. Иными словами, смерть Дж. Флойда с наибольшей вероятностью была вызвана тем, что он находился под действием наркотиков.

Однако выводы Э. Бейкера не помешали возникновению повода для запуска широкомасштабных протестов, быстро переросших в беспорядки, акты мародерства и насилия. При этом случай с Дж. Флойдом не является экстраординарным, даже если считать версию с его убийством второй степени правдивой. Согласно данным Бюро судебной статистики Министерства юстиции США, в период с июня 2015 года по март 2016 года в общей сложности было зарегистрировано 1348 смертей, предположительно связанных с тем, как проводили аресты полицейские³⁴⁴, т.е. приблизительно 135 смертей в месяц или четыре смерти в день. Следовательно, за год в США в ходе арестов полицией гибнет порядка 1460 человек. Возьмём данные распределения погибших по расам. Согласно информации из открытых источников³⁴⁵, на представителей белой части населения приходится 50% всех смертей, на негров – 26%, на остальных небелых и неидентифицированных – 24%. Отметим, что 26% от среднего количества (1460) смертей в год составляет около 380. Иными словами, ежедневно в США в ходе арестов полицией гибнет один представитель негритянского населения, и, очевидно, что некоторые из этих случаев будут резонансными. Учитывая наличие у населения телефонов с камерами высокого разрешения и круглосуточным

³⁴¹ Ibid.

³⁴² Мощный опиоидный анальгетик; его действие во много раз превосходит действие героина.

³⁴³ Community Prosecution Division Notes from conversation with Dr. Andrew Baker, Chief Hennepin County Medical Examiner [Электронный ресурс] // Hennepin County Attorney's Office [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.mncourts.gov/getattachment/Media/StateofMinnesotavTouThao/Container-Documents/Content-Documents/Exhibit-4.pdf.aspx?lang=en-US> (дата обращения: 28.04.2022).

³⁴⁴ Arrest-Related Deaths Program Redesign Study, 2015–16: Preliminary Findings [Электронный ресурс] // U.S. Department of Justice. Office of Justice Programs Bureau of Justice Statistics [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ardprs1516pf.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).

³⁴⁵ Полиция и чернокожие в США: факты и мифы [Электронный ресурс] // BBC [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-36837450> (дата обращения: 28.04.2022).

доступом в Интернет, логично, что некоторые инциденты станут достоянием общественности. Именно в этом и состоит суть механизма VLM-технологии: для её активации нужен лишь резонансный информационный повод, фокусирование на нём внимания и освещение в нужном свете с помощью колоссальных ИКТ-ресурсов, которыми, несомненно, обладают продемократические силы в США, в первую очередь – либеральные СМИ. Именно это и произошло после случая в Миннеаполисе 25 мая 2020 года. Для технологии не имеет значения, что будет использовано в качестве запала и импульса для дальнейшей эскалации; не было бы случая с Дж. Флордом, использовали бы другой. Отметим, что слова Дж. Флорда «я не могу дышать» («I can't breathe») стали лозунгом для VLM-погромов в США и его копий в других странах, после чего движение VLM развернулось во всю мощь, получив колоссальный медийный и социально-политический импульс.

В средё VLM быстро интегрировались левоанархические движения по типу Antifa, которые, по имеющейся информации, получают финансовую и иную поддержку от организаций, связанных с Демократической партией, например, от Института «Открытое общество» Джорджа Сороса, «Альянса за глобальное правосудие» (Alliance for Global Justice) и др.³⁴⁶. Примечательно, что после избрания Д. Трампа президентом было отмечено резкое увеличение численности Antifa³⁴⁷; уже в 2017 году это движение насчитывало порядка 200 групп. Применение такой организации может быть только в политических целях, т.е. в форме мятежей и беспорядков, которыми оказывалось давление на Д. Трампа, что полностью отвечает условиям проведения «цветных революций».

³⁴⁶ См.: Alliance for Global Justice (AFGJ) [Электронный ресурс] // Influence Watch [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.influencewatch.org/non-profit/alliance-for-global-justice/> (дата обращения: 28.04.2022); AntiFa Demands Pay from Soros [Электронный ресурс] // EerSports [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://247sports.com/college/west-virginia/Board/103782/Contents/AntiFa-Demands-Pay-from-Soros-72692051/> (дата обращения: 28.04.2022); Vadum M. Origins of Antifa [Электронный ресурс] // Capital Research Center [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://capitalresearch.org/article/origins-of-antifa/> (дата обращения: 28.04.2022).

³⁴⁷ Sales B. What you need to know about antifa, the group that fought white supremacists in Charlottesville [Электронный ресурс] // Jewish Telegraph Agency [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://www.jta.org/2017/08/16/united-states/what-you-need-to-know-about-antifa-the-group-that-fought-white-supremacists-in-charlottesville> (дата обращения: 28.04.2022).

Причина того, почему был выбран инцидент за пять месяцев до выборов, состоит в существовавшей на тот момент ситуации с распространением коронавирусной инфекции COVID-19. Инициаторы беспорядков не могли не понимать риск увеличения количества случаев заражения из-за длительной совместной массовой активности части населения. Поэтому случай с Дж. Флоридом был использован с целью спровоцировать рост регистрируемых случаев COVID-19, что подтверждается мониторинговыми ресурсами. Так, согласно данным Worldometer³⁴⁸, в первой половине июня (т.е. сразу после инцидента 25 мая) начался резкий скачок регистрируемых случаев COVID-19, достигнув отметки 78446 случая в день (максимум пришелся на 24 июля). Отметим, что это в два раза выше максимального значения в период с начала пандемии и до 25 мая (пришлось на 24 апреля и составило 39130 случаев). Таким образом, фактически был спровоцирован рост заболеваемости. Иными словами, противники Д. Трампа создали ему ловушку. С одной стороны, его обвиняли в неспособности справиться с пандемией и требовали вводить карантин, но с другой стороны, карантинные мероприятия наносили урон американской экономике³⁴⁹, чего Д. Трамп опасался, поскольку её рост был одним из главных предвыборных аргументов 45-го американского президента³⁵⁰. Вводимые ограничения и экономический рост – трудно сочетаемы между собой, и Д. Трамп это понимал, поэтому и призывал к скорейшему отказу от ограничений³⁵¹. Более того, карантин прогнозируемо вызвал рост безработицы³⁵² и лишившиеся своего

---

³⁴⁸ Worldometers (World/Countries/United States) [Электронный ресурс] // Worldometers [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/us/> (дата обращения: 28.04.2022).

³⁴⁹ В 2020 году в США на фоне пандемии фиксировался высокий уровень безработицы. См.: В июле безработица в США снизилась до 10,2% [Электронный ресурс] // Финмаркет [Официальный сайт]. 2020. URL: <http://www.finmarket.ru/database/news/5290920> (дата обращения: 29.04.2022).

³⁵⁰ Об успехах в экономике Д. Трамп доложил в послании Конгрессу. См.: President Donald J. Trump's State of the Union Address [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. 2019 URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-state-union-address-2/> (дата обращения: 29.04.2022).

³⁵¹ Белянинов К. Трамп устал от карантина. У американцев нет денег на оплату самоизоляции [Электронный ресурс] // BBC [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52029686> (дата обращения: 29.04.2022).

³⁵² Так, уже в конце марта 2020 года было зафиксировано 3.3 миллиона заявок на пособие по безработице, что почти в пять раз больше предыдущего рекорда, установленного в 1982 году, – на фоне повсеместного экономического спада, вызванного коронавирусом. См.: News Release, March 26, 2020 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Labor [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.dol.gov/sites/dolgov/files/OPA/newsreleases/ui-claims/20200510.pdf> (дата обращения: 29.04.2022).

источника доходов лица стали пополнять ряды BLM-радикалов. Иными словами, возник самоподдерживающийся режим эскалации: локдаун вёл к росту безработицы → безработные становились мощным источником пополнения BLM → беспорядки BLM вели к росту случаев заражения COVID-19 → рост случаев заражения COVID-19 приводил к локдауну в новых штатах → новые локдауны вели к ещё большему падению экономики и росту числа безработных. Фактически был создан замкнутый круг.

Другой составляющей беспорядков являлась пропаганда «равенства», поскольку BLM позиционирует себя как антирасистскую силу. Однако очень быстро деятельность BLM выродилась в расизм, направленный против белого населения. Это проявилось в виде демонтажа памятникам конфедератам, Христофору Колумбу, т.н. отцам-основателям (первым президентам США), в различных формах «покаяния»³⁵³. Активность BLM тогда и до сих пор сопровождается дискриминацией белой части населения, особенно проявившейся в разного рода учебных семинарах по типу «Прерывания усвоенного расового превосходства и белизны» («Interrupting Internalized Racial Superiority and Whiteness»)³⁵⁴, проведенного в Сиэтле (одном из центров беспорядков BLM). В соответствии с идеей подобного рода семинаров, белые сотрудники должны были «отказаться от комфорта», «гарантированной физической безопасности», а вместе с этим «ожиданий или предположений об эмоциональной безопасности», «контроля над другими людьми и над землей» и даже «отношений с другими белыми людьми». Подобные случаи не являются единичными или исключениями; напротив, как отмечают американские обозреватели, подобное происходит

³⁵³ Белые американцы нежно целуют ботинки чернокожих погромщиков. Примирение и согласие в США [Электронный ресурс] // YouTube канал «Сергей Колясников». 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AQBaR4N1CyQ> (дата обращения: 15.06.2022); Pelosi Kneels With Other Democrats in 'Moment of Silence' [Электронный ресурс] // VOA News. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pZgVBFYM2qk> (дата обращения: 29.04.2022).

³⁵⁴ Rufo C. City of Seattle «Interrupting Internalized Racial Superiority and Whiteness» Training [Электронный ресурс] // Christopher F. Rufo [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://christopherrufo.com/city-of-seattle-interrupting-internalized-racial-superiority-and-whiteness-training/> (дата обращения: 29.04.2022).

практически везде в США³⁵⁵, т.е. систематично и повсеместно, например, в учебных заведениях³⁵⁶.

Обратная (антибелая) дискриминация стала серьезным явлением в США, и BLM придало этому процессу дополнительный импульс. Фактически через BLM и схожие с ней организации наносился удар по белой части населения и среднему классу, являющемуся одной из опор для Д. Трампа и всей Республиканской партии. Причём тот факт, что среди BLM присутствует часть белого населения, ничего не меняет. Напротив, в этом и состоит технологический приём стоящих за BLM сил, а именно в подрыве одной из опор своих политических противников в лице Д. Трампа. Расчёт состоял в создании устрашающей атмосферы, когда отказ поддерживать BLM приравнивался к поддержке Д. Трампа с последующими обвинениями в расизме (в смысле расизма белых в отношении небелых). Для представителя американского общества, после десятилетий массивной индоктринации идей расового равенства («многообразие», «разнообразие»), такого рода обвинения могут существенно осложнить жизнь, карьеру, репутацию и пр. (остракизм в форме т.н. «культуры отмены»). Однако на практике подобные идеи и теории (например, т.н. «критическая расовая теория») ведут к травле любого, кто в них усомнится, если увидит в них лишь прикрытие и политико-идеологическое «обоснование» для притеснения агрессивным и высокоорганизованным меньшинством большинства через обвинения в расизме, гомофобии, сексизме и т.п. Давление оказывается и через увольнения, унижения, травлю, нападения по типу «knockout game»³⁵⁷ или проявления антибелого расизма в антихристианской форме, например, когда бывший пастор и BLM-активист Ш. Кинг заявил, что все фрески и витражи «белого» Иисуса должны быть сняты, поскольку, по его мнению, «они представляют собой грубую форму

---

³⁵⁵ Tucker: City of Seattle tells white employees to work on undoing their whiteness [Электронный ресурс] // Fox News. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gLBQX5Z-j-I> (дата обращения: 29.04.2022).

³⁵⁶ Justice Department Finds Yale Illegally Discriminates Against Asians and Whites in Undergraduate Admissions in Violation of Federal Civil-Rights Laws [Электронный ресурс] // Department of Justice [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-finds-yale-illegally-discriminates-against-asians-and-whites-undergraduate> (дата обращения: 30.04.2022).

³⁵⁷ В медиа-пространстве России этот вид насилия известен как «выруби белого». См.: Teens arrested for «knockout game» violence in Memphis [Электронный ресурс] // CBS This Morning [Официальный сайт]. 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Zvpb9sBcwgk&ab_channel=CBSThisMorning (дата обращения: 30.04.2022).

превосходства белых»³⁵⁸. Соответственно применялся психологический, социальный и физический террор, использовавшийся против тех, кто не согласен с BLM, в т.ч. через запугивание сторонников Д. Трампа перед выборами. Данную форму насилия можно отнести к культурному насилию (по Й. Галтунгу), которое способствует легитимизации уже структурного и прямого насилия в отношении не только сторонников Д. Трампа, но и вообще всех несогласных с BLM-повесткой.

Ещё одной специфической чертой BLM-движения является ярко выраженная антиполицейская направленность беспорядков в США. Фактически были реактивированы с новой силой сторонники упразднения полиции («defund the police») и/или сокращения её финансирования. Подобный аболиционизм существовал в США и ранее³⁵⁹, поскольку левые и близкие к ним считали и продолжают считать, что полиция действует не в пользу бедных и небелых³⁶⁰. Нынешние участники BLM и других сопряженных с ней организаций считают, что «идеальным исходом» было бы «разоружить и упразднить полицию»³⁶¹. По их мнению, большую часть их работы могут выполнять психологи и социальные работники, для которых нет необходимости использовать летальное оружие для разрешения ситуации. Примером таких действий стал Миннеаполис, где 9 из 13 членов городского совета заявили о планах голосовать за роспуск департамента полиции города³⁶². Продвигают подобные идеи общественные объединения по типу Black Visions и Reclaim the Block. Ранее они предложили план действий по лишению полиции финансирования, с последующим перенаправлением другим

³⁵⁸ Shaun King: 'Statues of the white European they claim is Jesus should also come down [Электронный ресурс] // Black Enterprise [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.blackenterprise.com/shaun-king-statues-of-the-white-european-they-claim-is-jesus-should-also-come-down/> (дата обращения: 30.04.2022).

³⁵⁹ Антиполицейские нападки берут своё начало с движения «Police abolition movement», появившееся гораздо раньше BLM, в 60-70-е годы XX века.

³⁶⁰ Pauly M. What a World Without Cops Would Look Like [Электронный ресурс] // Mother Jones [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.motherjones.com/crime-justice/2020/06/police-abolition-george-floyd/> (дата обращения: 30.04.2022).

³⁶¹ «Те, кто отказался поддерживать Black Lives Matter, больше мне не друзья» [Электронный ресурс] // BAZA [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://baza.io/posts/4cc186f3-1c6c-491b-af3a-dcc79664103c> (дата обращения: 30.04.2022).

³⁶² Minneapolis City Council members say they plan to vote to disband city's police department [Электронный ресурс] // CBS News [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.cbsnews.com/news/minneapolis-city-council-intent-disband-police-department/> (дата обращения: 01.05.2022).

организациям³⁶³. Примечательно, что Black Visions создали в 2017 году (т.е. после победы Д. Трампа на выборах 2016 года), причём некоторые представители данной организации в последующем способствовали созданию местного отделения BLM³⁶⁴. Указанные структуры собирают пожертвования при помощи платформы NGP VAN³⁶⁵. Сама же NGP VAN, Inc. – частная технологическая компания, специализирующаяся на предоставлении услуг по управлению данными демократическим кампаниям и левоцентристским некоммерческим организациям³⁶⁶.

Аффилированные с Black Visions и Reclaim the Block организации по типу MPD150 выступают за создание пространства для большего числа поставщиков психиатрических услуг, социальных работников, защитников жертв/выживших, религиозных лидеров, соседей и друзей³⁶⁷. Таким образом, речь идёт о создании такой модели общественной безопасности, которая будет находиться под руководством некоего сообщества. Однако на это возникают резонные вопросы, в частности, что это за сообщества и кто их будет финансировать, если не государство. Это важно, поскольку система безопасности не может существовать только на пожертвования. Далее, не ясно, что делать, если возникнет социально-политическая нестабильность и предлагаемых аболиционистами мер окажется недостаточно. Если создадут дружины, то у них должен быть постоянный штат, но об этом ничего не говорится. Нет ответа и на вопрос, что делать с полицией, шерифами, детективами и т.п. Наконец, не ясны действия на случай, если разгром полиции не даст эффекта, новые структуры не будут созданы или окажутся неэффективными, а криминогенная обстановка резко ухудшится. Иными словами,

---

³⁶³ 10 Action Ideas for Building a Police-Free Future [Электронный ресурс] // MPD150 [Официальный сайт]. URL: <https://www.mpd150.com/10-action-ideas-for-building-a-police-free-future/> (дата обращения: 01.05.2022).

³⁶⁴ Otárola M. Movement to defund police sees Minneapolis as proving ground [Электронный ресурс] // Star Tribune [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.startribune.com/movement-to-defund-police-sees-minneapolis-as-proving-ground/571116932/> (дата обращения: 01.05.2022).

³⁶⁵ Reclaim the Block: fund our broader movement [Электронный ресурс] // Reclaim the Block [Официальный сайт]. URL: https://docs.google.com/document/d/1yLWGTQIe3967hdc9RSxBq5s6KKZHe-3_mWp5oemd7OA/edit (дата обращения: 01.05.2022).

³⁶⁶ About Us [Электронный ресурс] // NGP VAN [Официальный сайт]. URL: <https://www.ngpvan.com/about> (дата обращения: 01.05.2022).

³⁶⁷ Frequently Asked Questions [Электронный ресурс] // MDP150 [Официальный сайт]. URL: <https://www.mpd150.com/faq/> (дата обращения: 01.05.2022).

мир без полиции – утопия, по аналогии с миром без коррупции и т.п. Поэтому может сложиться впечатление, будто в этих требованиях нет смысла, поскольку они либо невыполнимы, либо приведут к воссозданию полиции в новом виде.

Однако в контексте выборов президента США в ноябре 2020 года всё выглядит по-другому. Если рассматривать проблему лишь с точки зрения перераспределения функций и ресурсов, т.е. от полиции к сообществу и социальным работникам, аболиционистские идеи кажутся бессмысленными, но всё становится иначе, если рассмотреть данный вопрос с точки зрения того, кто мог бы контролировать организации, которые гипотетически должны были заменить полицию в США. Полиция – один из столпов государства, обеспечивающий его монопольное право на законное насилие. Она же была опорой Д. Трампа и сил, стоящих за ним. Удар по полиции – это удар по среднему классу и американской государственности, которых защищал Д. Трамп. Примечательно, что во многих странах, где осуществлялись «цветные революции», полиция (МВД) брала на себя основную часть функций по сдерживанию или нейтрализации беспорядков, и ярким примером здесь является Украина³⁶⁸. Деструкция полиции могла обернуться тем, что противники Д. Трампа, в случае его победы на выборах 2020 г., лишили бы его возможности влиять на ситуацию, а контролируемый ими ВЛМ-террор продолжал бы использоваться для дестабилизации ситуации и ослабления позиций самого Д. Трампа и сил, на которые он опирается.

Таким образом, наблюдалась скоординированная атака против лично Д. Трампа и той модели будущего для США, которую он создавал. Технологически атака была осуществлена через активацию негритянских и левоанархических бунтов, чья деятельность имела все признаки терроризма, с последующей деморализацией белой части населения и нанесения экономического урона белому населению среднего класса (на который также

---

³⁶⁸ Правоохранительные органы стоят между политическим руководством и участниками беспорядков. Последние концентрируют значительные усилия против милиции, полиции и т.п., что нередко ведёт к жертвам среди представителей силовых структур. Государственный переворот на Украине 2014 г. – яркий тому пример. Тогда милиция пострадала от действий радикалов. См.: Ананьева Е.В., Сафронов А.В. Киевские хроники // Современная Европа. – 2015. – № 2. – С. 130-141.

опирался Д. Трамп), в т.ч. руками самих белых с левыми и либеральными взглядами, провоцированием заболевания коронавирусной инфекцией и требованием закрыть США, что наносило урон реальному сектору экономики, поддержку которому оказывал Д. Трамп, а также через нанесение удара по американской государственности путём разрушения её символов (памятников и т.п.) и важного института – полиции, место которой гипотетически должны занять частные организации, контролируемые, вероятно, теми же силами, что стоят за BLM. Данная технология использовалась (и, по всей видимости, будет и дальше использоваться) во внутривнутриполитической борьбе в США, по сути, являясь формой гражданской неклассической войны вместо войны классической, т.е. прямой, поскольку риски от прямой войны для всех её сторон неприемлемы (см. главу I). Поэтому противники Д. Трампа задействовали альтернативные методы и технологии неклассических войн, основанных на использовании сетевых групп, на территории США, апробация которых ранее уже была проведена в других странах.

2.2. Технологии демонтажа современных политических режимов

В последние годы наблюдается не только создание и апробация новых технологий демонтажа политических режимов, но и интеграция уже применённых технологий подобного рода в отношении тех или иных стран. Новейшие методы и технологии неклассических войн включают те из них, которые продемонстрировали наибольшую эффективность. В этой связи можно выделить ряд особенностей современных технологий демонтажа политических режимов.

Так, попытки свержения политических режимов осуществляются о многом за счёт жертвы («объекта-мишени»). Примером данной технологии является попытка демонтажа режима чавистов в Венесуэле в 2019 г. и её продолжение в 2020 г. Характерным признаком данной формы неклассических войн является отсутствие использования сетевых групп в качестве ключевого НЭНК.

Венесуэла уже в течение длительного времени является объектом интереса мировых игроков, включая Россию и Китай³⁶⁹, поэтому не вызывает удивления, что в течение практически всего чавистского периода в её отношении осуществляется подрывная работа со стороны прежде всего Соединенных Штатов, которые считают латиноамериканский регион своим «задним двором». Поскольку действующая власть в Венесуэле позиционирует себя социалистической, то вместе с сандинистами из Никарагуа³⁷⁰ и кубинскими коммунистами входит в группу политических режимов, подлежащих, с точки

---

³⁶⁹ Борзова А.Ю., Агаев Ю.И., Торкунова Ю.А. Китай – CELAC: новые тенденции в экономическом сотрудничестве // Латинская Америка. – 2018. – № 7. – С. 32-46; Сафронова Е.И. Проект «Один пояс, один путь» в контексте стран Африки и Латинской Америки // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2016. – Т. 21. № 21. – С. 159-173.

³⁷⁰ О попытках свергнуть власть сандинистов писал, в частности, бывший посол России в Никарагуа Андрей Владимирович Будаев. См.: Будаев А.В. Уроки никарагуанского «майдана» // Латинская Америка. – 2019. – № 2. – С. 5-16.

зрения Вашингтона, устранению. Особенно обострились отношения Венесуэлы и США после прихода в Белый дом Дональда Трампа, для которого свержение чавистов во главе с венесуэльским лидером Николасом Мадуро относилось к числу важнейших задач на латиноамериканском направлении. Причиной для столь агрессивной внешней политики Белого дома стало множество факторов. Среди них можно выделить:

- стремление администрации Д. Трампа сдержать активное геостратегическое и экономическое проникновение Китая в страны латиноамериканского региона, связанные главным образом с продвижением им своей инициативы «Один пояс – один путь»³⁷¹;

- стремление администрации Д. Трампа препятствовать укреплению позиции России, которая также стремится усилить свое влияние в этом важном регионе, в т.ч. через налаживание сотрудничества по линии БРИКС³⁷² и пр.;

- взятие США под контроль колоссальных запасов углеводородов отдельных латиноамериканских стран.

На последнем пункте стоит остановиться подробнее. Поскольку Д. Трамп во многом представлял реальный сектор экономики, то для него и стоящих за ним сил была крайне важна реиндустриализация США, и топливно-энергетический комплекс является критически важным элементом для этой цели, поскольку в состоянии стать одним из локомотивов развития³⁷³. Поэтому перехват контроля над огромными запасами углеводородов является задачей высокого приоритета в условиях полномасштабного и системного противостояния между элитарными группами внутри США. Поскольку доказанные запасы нефти Венесуэлы – крупнейшие в мире, её значимость крайне высока. Следовательно, контроль над её природными ресурсами предоставляет дополнительную возможность Вашингтону оказывать влияние на глобальный энергетический рынок, а вместе с

³⁷¹ Стригунов К.С., Манойло А.В. Кризис в Венесуэле и раскол внутри чавистского руководства // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 4. – С. 57-73.

³⁷² Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка: параметры стратегического партнерства // Латинская Америка. – 2016. – № 1. – С. 5-14.

³⁷³ См.: Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия-Телеком, 2020. С. 61.

этим провести насыщение собственной промышленности дешёвой нефтью³⁷⁴, что позволит стимулировать её развитие. Таким способом Д. Трамп дополнительно поддерживал нефтегазовую отрасль, на которую, помимо других влиятельных групп, он опирался.

Таким образом, подчинение Венесуэлы (и всего латиноамериканского региона) стоит в числе высокоприоритетных целей Вашингтона, преследование которых определяется системными причинами. Как следствие, отказ США от попыток вернуть Венесуэлу в зону своего влияния практически исключен, причем, независимо от того, какая администрация удерживает под контролем Белый дом – демократическая или республиканская. Разница состоит в том, что в случае победы Д. Трампа прессинг в отношении Венесуэлы мог быть ещё более агрессивным именно по причине продвижения Д. Трампом интересов топливно-энергетического комплекса. Однако и при Дж. Байдене практически исключен полный отказ Вашингтона от политики давления на венесуэльском направлении.

Ещё одной важной целью является дестабилизация Венесуэлы путём свержения чавистского строя для запуска цепной реакции падения и других левых режимов, прежде всего на Кубе и в Никарагуа. В первом случае, если власть в Каракасе сменится, Гавана лишится поставок нефти (или приведёт к их серьёзному сокращению), важного оплота на континенте, тем более что кубинские специалисты, о наличии которых в Венесуэле регулярно говорят американские высокопоставленные лица³⁷⁵, будут вынуждены массово вернуться на Родину. Лидера Никарагуа Даниэля Ортегу поддерживали чависты со времён ныне покойного экс-президента Венесуэлы Уго Чавеса и данная поддержка сохранилась до сих пор при Н. Мадуро. Поэтому свержение чавистов пошатнёт и позиции сандинистов в Никарагуа. В Вашингтоне понимают, что свержение

---

³⁷⁴ «Россия не собирается сама себя отключать»: Секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев – о «суверенном интернете», продовольственной независимости и предстоящих президентских выборах на Украине [Электронный ресурс] // Известия [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://iz.ru/859393/izvestiia/rossiia-ne-sobiraetsia-sama-sebia-otkliuchat> (дата обращения: 07.04.2022).

³⁷⁵ The United States Takes Action Against the Movement of Venezuelan Oil to Cuba [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. Press Statement. M.R. Pompeo, Secretary of State [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.state.gov/the-united-states-takes-action-against-the-movement-of-venezuelan-oil-to-cuba/> (дата обращения: 07.04.2022).

Н. Мадуро сможет запустить цепную реакцию коллапса левых режимов в Латинской Америке и Карибском бассейне, поэтому была предпринята попытка свержения её руководства.

После смерти У. Чавеса Венесуэла вошла в фазу дестабилизации, во многом обусловленную враждебным влиянием США. Американское руководство последовательно и систематически вводило против Венесуэлы санкции, особенно активизировавшиеся в 2015 году и не прекращающиеся по настоящее время³⁷⁶. С 2014 года Венесуэла находилась в состоянии затяжного политического кризиса, сопровождавшегося массовыми протестами и беспорядками, а вместе с этим имевшего все признаки «цветной революции», на что указывала высокая синхронизация беспорядков сразу в нескольких крупных венесуэльских городах³⁷⁷. Однако чависты проявили высокую степень устойчивости и не позволили реализоваться сценарию, который внешние заинтересованные силы сумели осуществить в других странах – на Украине, в странах, прошедших через «Арабскую весну», и др.

Тогда после президентских выборов 2018 года, на которых победил Н. Мадуро, США перешли к новой технологии государственного переворота, получившей название «венесуэльский прецедент». Отчасти это было связано с высокой интеграцией военных Венесуэлы в чавистское руководство, поэтому даже попытка внести раскол среди военных не дала значимого результата. Отдельные попытки ренегатов выступить против Н. Мадуро и чавистов ни к чему не привели из-за относительно высокой сплочённости военно-политического руководства, несмотря на серьёзное ухудшение социально-экономической ситуации в стране, гиперинфляцию и гуманитарную катастрофу, суммарно

---

³⁷⁶ См.: Blocking Property and Suspending Entry of Certain Persons Contributing to the Situation in Venezuela [Электронный ресурс] // U.S. Department of Treasury. Executive Order 13692 [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13692.pdf> (дата обращения: 07.04.2022); Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Venezuela [Электронный ресурс] // U.S. Department of Treasury. Executive Order 13850 [Официальный сайт]. 2018. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/venezuela_eo_13850.pdf (дата обращения: 07.04.2022); Blocking Property of the Government of Venezuela [Электронный ресурс] // U.S. Department of Treasury. Executive Order 13884 [Официальный сайт]. 2019. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/13884_0.pdf (дата обращения: 07.04.2022); Imposing Additional Sanctions With Respect to the Situation in Venezuela [Электронный ресурс] // U.S. Department of Treasury. Executive Order 13808 [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13808.pdf> (дата обращения: 07.04.2022).

³⁷⁷ Манойло А.В. Цветная революция в Венесуэле // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 176-179.

приведшие к исходу 5.3 миллионов венесуэльских граждан в основном в Колумбию, Перу, Эквадор и Бразилию³⁷⁸. Немаловажным фактором устойчивости чавистов оказалась помощь извне, в частности, из России³⁷⁹.

В связи с тем, что Д. Трамп был ограничен приближавшимися выборами, в отношении Венесуэлы у него был довольно узкий коридор решений. Собственно сами выборы накладывали ограничения на принятие решения о военной операции, хотя известно, что лично Д. Трамп рассматривал данный вариант³⁸⁰. В целом, ограничения на прямое вторжение были обусловлены разными факторами, среди которых выделим следующие:

- близость выборов, поскольку неудачная военная операция была способна нанести имиджевый удар по Д. Трампу;
- высокие военные риски (известно, что суммарная численность ВС Венесуэлы и других силовых ведомств составляет до полумиллиона человек, а кроме того, Каракас в состоянии привлечь к обороне страны параполицейские формирования по типу коллективос и даже криминальные элементы³⁸¹);
- в Венесуэле присутствуют кубинские военные специалисты и сотрудники служб безопасности и разведки Кубы³⁸²;

³⁷⁸ R4V Refugee and Migrant Response Plan [Электронный ресурс] // United Nations High Commissioner for Refugees [Официальный сайт]. 2019. URL: https://data2.unhcr.org/es/documents/details/67282#_ga=2.67533009.1110897126.1603270331-1232479665.1603270331 (дата обращения: 08.04.2022).

³⁷⁹ Семенов В.Л. Венесуэльский кризис и Россия // Латинская Америка. – 2019. – № 11. – С. 46–59.

³⁸⁰ Ellsworth B. Trump says U.S. military intervention in Venezuela 'an option;' Russia objects [Электронный ресурс] // Reuters [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-idUSKCN1PS0DK> (дата обращения: 08.04.2022).

³⁸¹ OLP: La máscara del terror oficial en Venezuela [Электронный ресурс] // CONNECTAS [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://www.connectas.org/especiales/olp/index.html> (дата обращения: 09.04.2022).

³⁸² Наличие кубинских специалистов в области безопасности и разведки в Венесуэле неоспоримо, однако мы считаем сомнительными заявления главы ОАГ Л. Альмагро о том, что «в Венесуэле проживает около 46 000 кубинцев, оккупационные силы, которые обучают пыткам и репрессиям, которые занимаются разведкой, гражданской идентификацией и миграционными услугами» (см.: OAS Hosts Conference on Human Rights Violations in Cuba [Электронный ресурс] // U.S. Mission to the Organization of American States [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://usoas.usmission.gov/oas-hosts-conference-on-human-rights-in-cuba/> (дата обращения: 09.04.2022)). Полагаем, что если цифра в 46 тыс. сотрудников не преувеличена, то есть все основания усомниться в десятках тысячах представителей служб безопасности и разведки Кубы на территории Венесуэлы. Поскольку позиция Л. Альмагро крайне тенденциозная по отношению к Каракасу и Гаване, сомнения в его утверждениях имеют под собой все основания.

– специфические геоклиматические условия Венесуэлы при наличии вышеперечисленных факторов создают риски «вьетнамизации» гипотетического конфликта при условии, если Вашингтон решил бы осуществить вторжение;

– высокие миграционные риски, поскольку конфликт привёл бы к интенсификации миграционных потоков в дополнение к тем, которые были инициированы социально-экономическим кризисом в Венесуэле.

Угроза усиления антропопотока несёт в себе стратегические риски, поскольку дополнительное демографическое давление, оказываемое на сопредельные государства, прежде всего Колумбию и Бразилию, усугубило бы и без того тяжёлую социально-экономическую ситуацию и политическую обстановку в этих странах. Отметим, что массы людей направились бы и в США, которым вне зависимости от того, какая администрация контролирует Белый дом (демократическая или республиканская), такой сценарий также мог создать дополнительные проблемы, поскольку миграционный вопрос для США традиционно весьма острый. Для Д. Трампа это была ещё одна немаловажная причина, из-за которой он не развязывал полномасштабную войну с Венесуэлой, даже если бы в качестве основной ударной силы выступили войска Колумбии и Бразилии. Для этих двух стран такое участие привело бы к полномасштабной гуманитарной катастрофе – гораздо большей той, которую они получили с исходом венесуэльцев за последние несколько лет. Кроме того, сомнительно, чтобы Богота и Бразилиа смогли бы провести полноценную мобилизацию для войны, т.к. правительства этих стран либо слабо контролируют свои собственные территории или не контролируют их вовсе, поскольку известно, что фавелы и баррио удерживаются под контролем местными бандами (марас), транснациональными преступными организациями и наркоструктурами³⁸³.

Вместе с этим военные действия способствуют интенсификации наркопроизводства и наркотрафика, которые практически всегда растут в

---

³⁸³ См.: Sullivan J., Bunker R. Third Generation Gangs Strategic Note No. 4: Brigands, Bank Robbery, and Brazilian Gang Evolution at Ciudad del Este and the Triple Frontier [Электронный ресурс] // Small Wars Journal [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/third-generation-gangs-strategic-note-no-4> (дата обращения: 10.04.2022).

условиях военно-политической турбулентности³⁸⁴. Это автоматически означает эскалацию борьбы марас, наркокартелей и наркосиндикатов между собой в деле контроля площадей, где выращивается кока, находятся нарколаборатории, а вместе с этим интенсифицируется вооруженная борьба за маршруты поставок наркотиков. В таком случае к войне между государствами добавится война между бандами и наркокартелями, которые вместе создадут отрицательный разрушительный синергетический эффект.

Альтернативный способ свергнуть Н. Мадуро предполагал совсем иной алгоритм действий, который применил Вашингтон. Поскольку технология «цветной революции», адаптированная к венесуэльским условиям, не дала результата, тогда США задействовали принципиально новую технологию государственных переворотов, отличающуюся от «цветных революций», но имеющую единый генезис с ними, получившую название «венесуэльский прецедент»³⁸⁵. В её основе лежит новейшая схема организации государственных переворотов, которую можно применить и в отношении других стран. В соответствии с этой схемой:

- 1) лидер оппозиции заявляет о себе как о президенте;
- 2) после этого следует его признание президентом со стороны США;
- 3) автоматически добровольно или под давлением Вашингтона аналогичным образом поступают и его сателлиты (прежде всего западные страны);
- 4) затем на имущество и банковские счета «объекта-мишени» (государства) накладывается арест, т.е. вводятся массированные санкции, в т.ч. против

³⁸⁴ Например, после начала войны в Сирии активизировался рост каптагона (наркотик амфетаминового ряда). См.: Crabtree B. The nexus of conflict and illicit drug trafficking [Электронный ресурс] // The Global Initiative against Transnational Organized Crime [Официальный сайт]. 2016. URL: <http://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2016/10/The-nexus-of-conflict-and-illicit-drug-trafficking-Syria-and-the-wider-region.pdf> (дата обращения: 10.04.2022). Аналогичная ситуация наблюдалась и в Афганистане, где с начала вторжения американцев в ИРА рост одного лишь героина увеличился в 40 (!) раз. См.: ФСКН: ежегодно в Афганистане производится 150 млрд разовых доз героина [Электронный ресурс] // ТАСС [Официальный сайт]. 2014. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1021989> (дата обращения: 10.04.2022).

³⁸⁵ Впервые данный термин был использован в работах: Стригунов К.С., Манойло А.В. Кризис в Венесуэле и раскол внутри чавистского руководства // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 4. – С. 57-73; Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии демонтажа чавистов: венесуэльский прецедент // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 1. – С. 213-237.

конкретных лиц из числа военно-политического руководства (в случае Венесуэлы – чавистов)³⁸⁶;

5) к замороженным активам государства США предоставляют ограниченный доступ признанному президенту и его ближайшим сторонникам;

б) аналогичным образом поступают и западные сателлиты США;

7) при помощи указанных средств оппозиция (если быть точнее – явные агенты иностранного влияния) финансирует саму себя, а вместе с этим и подрывную деятельность в отношении политического руководства, подкупаются представители военных и иных силовых ведомств;

8) со стороны американских ведомств (министерства финансов, Госдепартамента и пр.) вводятся секторальные санкции в отношении «объекта-мишени» (его системообразующих банков и компаний, пр.), вследствие чего ещё больше усугубляется социально-экономическая ситуация, оказывающая дополнительное давление на неугодный режим;

9) экономический коллапс приводит к массовому оттоку людей из «государства-мишени», инфляция усиливается с переходом в гиперинфляцию, т.е. и без того непростая ситуация крайне усугубляется для создания невыносимых условий жизни основной части населения, чем подрывается социальная опора неугодного агрессору правительства;

10) в стране создаются новые условия для массовых протестов, которые с одной стороны оттягивают на себя часть ресурсов демонтируемого режима, а с другой – на начальном периоде отвлекают на себя внимание, дезориентируя его, поскольку военно-политическому руководству «объекта-мишени» происходящее на первых этапах может представляться разновидностью классической «цветной революции» по типу «майдана» на Украине в 2014 году;

---

³⁸⁶ Отметим, что в опосредованной войне против России коллективный Запад также в состоянии направлять отобранные у неё активы для поддержки киевского режима, используемого в качестве ударной силы против России. Так, согласно принятому в США «Закону об аресте активов для реконструкции Украины», американские власти будут удерживать, использовать, управлять, ликвидировать или продавать арестованные российские активы (компаний, частных лиц). Законопроект призывает использовать ликвидированные средства «на благо народа Украины», включая помощь украинским силовикам. См.: A Bill. To authorize the confiscation of assets subject to United States jurisdiction of certain foreign persons, and for other purposes [Электронный ресурс] // U.S. House of Representatives. HR6930 [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://docs.house.gov/bills/thisweek/20220425/BILLS-117hr6930-SUSv1.pdf> (дата обращения: 21.05.2022).

11) при помощи санкций, политико-дипломатического давления и подкупа чиновников и военных со стороны оппозиции инициируется раскол внутри высшего эшелона власти³⁸⁷;

12) одним из возможных сценариев становится появление высокопоставленного лица в окружении лидера государства, где осуществляется переворот, который способен стать одним из тех, кто под гарантии личной безопасности вынудит действующего главу государства передать власть «преемнику», на которого ему укажут, поскольку в противном случае жизнь и свобода главы неугодного режима будут под угрозой³⁸⁸.

Действительно, после выборов президента Венесуэлы в 2018 году США совершили довольно неожиданный ход, примеров которому ранее не было. Вашингтон признал ранее мало кому известного оппозиционера, главу Национального собрания Венесуэлы Хуано Гуайдо временным президентом Венесуэлы, о чём заявил Д. Трамп на сайте Белого дома 23 января 2019 года³⁸⁹. Примечательно, что на момент признания «временным президентом Венесуэлы» Х. Гуайдо было всего 35 лет, а образование (степень магистра) он получил в Университете Джорджа Вашингтона – престижном частном ВУЗе США. Учитывая этот факт, высока вероятность, что данный деятель находился под плотным контролем американских спецслужб ещё со студенческих времен. Это довольно распространенная практика Вашингтона использовать лиц, которые связаны с американским разведсообществом и которые используются в государственных переворотах. По всей видимости, своими характеристиками Х. Гуайдо полностью устраивал своих кураторов, особенно в плане управляемости.

---

³⁸⁷ Провоцирование такого раскола является одной из основных задач, которая решается агрессором в деле демонтажа неугодного режима.

³⁸⁸ Манойло А.В., Стригунов К.С. Венесуэльский прецедент: как была сорвана попытка очередной цветной революции // Культурная политика. – 2019. – № 2. URL: <https://histrf.ru/magazine> (дата обращения: 15.04.2022).

³⁸⁹ Statement from President Donald J. Trump Recognizing Venezuelan National Assembly President Juan Guaido as the Interim President of Venezuela [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-donald-j-trump-recognizing-venezuelan-national-assembly-president-juan-guaido-interim-president-venezuela/> (дата обращения: 10.04.2022).

После нескольких месяцев неудачных попыток свержения чавистского строя Х. Гуайдо и стоящими за ним США, весной 2019 года стали известны подробности контактов «избранного президента» и его окружения с реальным главой Венесуэлы Н. Мадуро, которые проводились в столице Норвегии Осло³⁹⁰. Затем переговоры прошли на Барбадосе³⁹¹, но обе попытки оказались провальными, и нет оснований считать иначе. Более того, менее чем через год, 3 мая 2020 года, была осуществлена попытка государственного переворота³⁹² в ходе проведения операции «Гедеон». Как выяснилось, к этому были причастны Х. Гуайдо и частная военная компания «Silvercorp», возглавлявшаяся бывшим зеленым беретом Джорданом Гудро. Операция провалилась, а двое из американских наёмников вместе с десятками венесуэльских экс-военных были захвачены. Касательно того, в какой степени американское руководство было вовлечено в эту операцию, единого мнения нет, однако практически нет сомнений, что оно о ней знало.

Таким образом, несмотря на активные попытки со стороны Вашингтона свергнуть Н. Мадуро и весь чавистский строй, на текущий момент (февраль 2023 года) этого сделать не удалось. Однако наработанные технологии были задействованы в другой стране – Белоруссии, события в которой (2020 г.) продемонстрировали возможность интеграции разных методов и технологий, применение которых способно серьёзно дестабилизировать государство («объект-мишень»), даже если искомый нападающей стороной результат (перехват управления над «объектом-мишенью» через установление насильственного

---

³⁹⁰ Venezuela crisis talks in Oslo break up without agreement [Электронный ресурс] // BBC [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-48458070> (дата обращения: 11.04.2022).

³⁹¹ Venezuela's Maduro announces start of negotiations with opposition -- media reports [Электронный ресурс] // Xinhua [Официальный сайт]. 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-07/09/c_138211081.htm (дата обращения: 11.04.2022).

³⁹² См.: Стригунов К.С. «Негро Примеро», или Крах дешёвой операции американского спецназа «Гедеон» [Электронный ресурс] // Еженедельник «Звезда» [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20205301227-QfFBV.html> (дата обращения: 11.04.2022); Манойло А.В., Стригунов К.С. Операция «Гедеон»: успех венесуэльских или американских спецслужб? // Международная жизнь. – 2020. – № 11. – С. 64-79; Posts Tagged 'Ataque de mercenario' [Электронный ресурс] // Gobierno Bolivariano de Venezuela. Ministerio del Poder Popular para Relaciones Exteriores [Официальный сайт]. 2020. URL: <http://mppre.gob.ve/etiqueta/ataque-de-mercenario/> (дата обращения: 11.04.2022); EN VIVO – Pronunciamento de Jorge Rodríguez sobre hechos en las costas venezolanas [Электронный ресурс] // VPItv [Официальный сайт]. 2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=D0yt3oBjF5s&feature=emb_logo&ab_channel=VPItv (дата обращения: 11.04.2022).

контроля над ним) не будет достигнут. Покажем данный аспект на примере «Белорусской весны» – комбинированной технологии демонтажа политических режимов, в которой сочетаются методы «цветных революций» и «венесуэльского прецедента».

Общие черты с «венесуэльским прецедентом» проявились в попытке создания двоевластия, когда одного из оппозиционеров некоторые иностранные акторы признают «президентом». Так, с С.Г. Тихановской западные страны ведут себя как с президентом. Разница с Венесуэлой состоит в том, что в отличие от Х. Гуайдо С.Г. Тихановскую на Западе только де-факто считают «избранным президентом», но официально не признают, т.е. не фиксируют этот результат де-юре (кроме Литвы). Объяснений этому несколько:

– во-первых, как показала практика, Х. Гуайдо и его окружение само себя дискредитировало (коррупционными скандалами и т.п.) и повторение подобного с другим подконтрольным Западом политиком невыгодно по политическим и репутационным причинам;

– во-вторых, непризнание С.Г. Тихановской президентом де-юре (т.е. отсутствие у неё официального статуса) давало больше пространства для манёвра самому Западу. При этом западные государства не теряли лицо, если бы С.Г. Тихановская не стала президентом (что и произошло), как в случае с Х. Гуайдо, который в своём фиктивном статусе «избранного президента» в действительности ничего не контролирует;

– в-третьих, инициаторы попытки переворота в Белоруссии опасались, что такой ход окончательно лишил бы А.Г. Лукашенко пространства для манёвра и ещё сильнее подтолкнул бы его к России.

Белорусский случай является наглядной демонстрацией интеграции отработанной в Венесуэле технологии («венесуэльский прецедент») с технологиями «цветных революций», которые могут быть применены практически где угодно, адаптировано к условиям конкретной страны. Внешние организаторы попытки государственного переворота в 2020 году в Белоруссии проделали серьёзную работу в плане устранения недостатков предыдущих

технологий демонтажа политических режимов, которые были применены и опробованы в других государствах. Это позволило адаптировать данную технологию с учётом того, как власти в других странах противодействовали попыткам искусственной дестабилизации. Отрицательный результат для инициаторов данной попытки (А.Г. Лукашенко остался у власти и ещё больше сблизился с Россией) всё-таки не был напрасным, поскольку даже подавленная дестабилизация наносит определённый урон «объекту-мишени» и может быть осуществлена повторно в дальнейшем с учётом работы над ошибками. Как отмечает Е.Г. Пономарёва, «в то же время стало окончательно ясно, что Запад будет в обозримой перспективе использовать протестное движение как повод усиления давления не только на Минск, но и на Москву»³⁹³. Отметим, что коллективный Запад осуществил попытку государственного переворота в Белоруссии в опосредованном режиме, прежде всего через прибалтийские страны и Польшу, которые выполняли роль информационного, организационного и координирующего узла. Так, согласно заявлению президента Белоруссии А.Г. Лукашенко, на Западе «планировали цветную революцию в центре Европы, а получили неудавшийся мятеж. Американские (и авторитетные там) эксперты и политологи назвали его "неудачной попыткой неконституционного переворота". А деньги в эту "неудачную попытку" вложены огромные. По нашим только подсчетам (то, что мы могли отследить) – больше \$6 млрд. Для Беларуси это заоблачная цена»³⁹⁴.

К следующей особенности новых технологий демонтажа политических режимов следует отнести ограниченное использование или полный отказ от использования площадей как метода и технологии объединения в сеть протестных (сетевых) групп с целью их инструментализации, направленной против неугодного политического режима.

---

³⁹³ Пономарёва Е.Г. Протестное движение в Белоруссии : эволюция, технологии, символы // Обозреватель. – 2021. – № 2. – С. 5-28.

³⁹⁴ См.: Заседание Совета Безопасности Беларуси [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-bezopasnosti-belarusi> (дата обращения: 20.04.2022).

Организаторы попытки государственного переворота 2020 г. в Белоруссии попытались обойти те ограничения, которые создаются властями «объекта-мишени» в ходе противодействия «цветным революциям» типа «майдан». В классических технологиях «цветных революций» организаторы формировали ударную силу из протестов на территории отдельной площади («майдан»), где находящиеся там участники соответствующим образом психологически обрабатывались (в т.ч. с использованием наркотических средств и психотропных веществ), координировались, погружались в специфическую неформальную атмосферу (с помощью концертов, специально подготовленных и нанятых лиц), осуществлялся обмен информацией между координаторами и участниками, и пр. Всё это приводило к тому, что задействованные массы преобразовывались в сетевую организацию, которая инструментализировалась в руках организаторов (стратегического центра, т.е. актора, действующего в опосредованном режиме через исполнителей) и использовалась в качестве оружия против неугодного политического режима.

Однако со временем власти государств («объектов-мишеней») научились достаточно эффективно противодействовать данному типу угроз. Для этого крупные площади городов (столиц) блокировались под любым предлогом, вследствие чего места для организации «майданов» отсутствовали. Кроме того, эффективнее стали осуществляться и другие меры противодействия организации государственных переворотов, в т.ч. по линии финансовых разведок, которые вычисляли каналы финансирования протестов и оппозиции в ходе той или иной «цветной революции»³⁹⁵. В этой связи, организаторы вынуждены были адаптировать свои методы и технологии в деле демонтажа неугодных политических режимов.

Первым таким этапом стал «Электрмайдан» 2015 года в Армении, который представлял собой тестовый сценарий «цветной революции». В данном сценарии граждане целенаправленно вовлекались в массовые протесты под изначально

---

³⁹⁵ Манойло А.В. О противодействии цветным революциям // Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 332-363.

неполитической повесткой и лозунгами. Например, они выходили протестовать против повышения тарифов на электроэнергию и против нарастающего обнищания населения в целом. Вследствие применения данной технологии конфликтной мобилизации выяснилось, что использование неполитической повестки приводит к участию в протестах гораздо бóльшие массы населения, чем попытка мобилизовать население с изначально политической повесткой, т.к. угроза тотального обнищания объединяет сильнее и эффективнее, чем любые политические призывы.

Приведённая особенность была реализована организаторами «цветной революции» в Армении в 2018 году, завершившейся свержением режима Сержа Саргсяна и приходом к власти Николы Пашиняна. Данная технология показала, что её осуществление возможно под неполитическими лозунгами, способными консолидировать людей самых различных взглядов и вывести их на улицы. После этого неполитическая повестка в несколько этапов заменяется на агрессивную политическую повестку, когда во всех социально-экономических провалах обвиняется власть. Таким образом, тремя годами ранее, в событиях 2015 года в Армении, был отработан технологический приём, который затем был активно задействован в 2018 году Н.В. Пашиняном. В результате, сопротивление власти можно пытаться задавить массовым движением из регионов, приведя (или привезя) массы протестующих в столицу. Этот приём носит название «Поход на Рим» (когда лидер оппозиции начинает свое шествие на столицу из глубинки и по мере движения к нему присоединяются не только сторонники, но и народные массы) и известен ещё со времен гарибальдийцев, но в цветных революциях он прежде практически не применялся: считалось, что главное – захватить власть в столице, тем самым парализовав функционирование бюрократического аппарата действующей власти и введя её в состояние ступора, ведущего к недееспособности³⁹⁶.

---

³⁹⁶ См.: Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия-Телеком, 2020. С. 69.

Частично данный метод был применён и в Белоруссии в 2020 году, показав, что с его помощью можно обходиться без площадей, где происходит индоктринация задействованных участников, которые направляются против власти. В результате, организаторам удалось добиться того, что часть населения была выведена на улицы Минска и других городов. Как отмечает П.Я. Циткилов, «технологической особенностью августовских протестных событий в Беларуси стал сетевой боулинг-майдан». По мнению П.Я. Циткилова, смысл этого состоит «в формировании через телеграмм-каналы целой сети групп протестующих, дислоцированных в разных местах города, района. Управлялись они из одного центра»³⁹⁷.

Сами протесты, быстро переросшие в беспорядки, активно координировались с помощью мессенджеров и социальных сетей. Как отмечают исследователи, в Белоруссии «с опорой на несколько цифровых информационных платформ нового поколения (головным, но не единственным из которых была Nexta) удалось сформировать относительно устойчивые протестные системы, реализующие свой потенциал не только в информационном пространстве, но и в пространстве социального действия»³⁹⁸. Важную роль в координации митингов и беспорядков антиправительственных сил играл телеграм-канал Nexta, с помощью которого организаторы децентрализовали группы противников А.Г. Лукашенко с тем расчётом, чтобы имеющиеся силы властей были рассредоточены на большой территории (по всему Минску). По мнению И.Н. Панарина, данный канал (а также Nexta Live) находится под контролем Вооружённых сил Польши, а именно – Центральной группы психологических действий (Centralna Grupa Działan Psychologicznych), расположенной в г. Быдгощ³⁹⁹. Данная воинская часть напрямую подчиняется командованию Сухопутных войск и при этом входит в

³⁹⁷ Циткилов П.Я. Общественная дестабилизация Беларуси конца лета – осени 2020 г., её внешнеполитические факторы // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 1. – С. 18-43.

³⁹⁸ Евстафьев Д.Г., Манойло А.В. Генезис современных цветных революций (на примере Венесуэлы и Белоруссии) // Дипломатическая служба. – 2021. – № 1. – С. 50-61. Также см.: Евстафьев Д. Кризис в Республике Белоруссия: новый уровень социоинформационных войн [Электронный ресурс] // Ежедневник «Звезда» [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20208311343-vA12v.html> (дата обращения: 25.04.2022).

³⁹⁹ Российский политолог Игорь Панарин: Польша проводит психологические операции против Беларуси [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.sb.by/articles/rossiyskiy-politolog-igor-panarin-polsha-provodit-psikhologicheskie-operatsii-protiv-belarusi.html> (дата обращения: 25.04.2022).

состав Сил специальных операций Польши. Задачи этой части состоят в информационном и психологическом воздействии на войска и население противника для достижения политических, военных и пропагандистских целей. Косвенное подтверждение этому поступило после того, как спецслужбы Белоруссии задержали бывшего главного редактора Nexta Романа Протасевича⁴⁰⁰, говоря о котором А.Г. Лукашенко предложил «западным защитникам» самим ответить на вопрос о том, на какие спецслужбы Р. Протасевич работал⁴⁰¹.

Таким образом, попытка демонтажа политического режима в Белоруссии проводилась без «майдана»; вместо него использовались мобильные аморфно-роевые группы. Такие группы контролируемо распадались на отдельные сети, или, напротив, объединялись в разных районах благодаря эффективному управлению в соответствии с командами стратегического центра⁴⁰², использовавшего для этого современные ИКТ (мессенджеры, социальные сети, пр.), прежде всего телеграм-канал Nexta. При этом наблюдалась технологическая схожесть организации и координации протестных групп с тем, как они организовывались в Гонконге⁴⁰³ (подробнее см. параграф 2.4). Отметим, что VLM-технология также не использовала площади для организации протестов и погромов.

---

⁴⁰⁰ Тертель: несмотря на беспрецедентное давление, Беларусь живет и работает в нормальном ритме [Электронный ресурс] // БЕЛТА [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://www.belta.by/politics/view/tertel-nesmotrja-na-bespretsedentnoe-davlenie-belarus-zhivet-i-rabotaet-v-normalnom-ritme-443070-2021/> (дата обращения: 25.05.2022).

⁴⁰¹ Лукашенко заявил о присутствии террориста на борту Ryanair [Электронный ресурс] // Известия [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://iz.ru/1169384/2021-05-26/lukashenko-zaiavil-o-prisutstvii-terrorista-na-bortu-ryanair> (дата обращения: 25.04.2022).

⁴⁰² Кроме того, данные особенности были выявлены в казахстанском случае. См.: Жуков В. В казахстанский мятеж вмешались польские спецслужбы [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд» [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://vz.ru/world/2022/1/10/1138089.html> (дата обращения: 19.05.2022).

⁴⁰³ Например, протестующие передавали данные с телефона на телефон с помощью программы, действующей по принципу AirDrop, которая позволяет делиться файлами между пользователями, не имея доступа в Интернет. Данные приходили на один гаджет координатора, который отвозил его в посольства Польши или Литвы, оснащенные спутниковым Интернетом. С его помощью материалы передавались за границу Белоруссии, где их нужным образом обрабатывали и публиковали. Метод схож с тем, как участники беспорядков действовали в Гонконге. См.: Дудаков М. Цифровая революция в Гонконге [Электронный ресурс] // Центр изучения новых коммуникаций [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://zn.center/upload/img/1452421253.pdf> (дата обращения: 26.04.2022). С. 14-15. Также см.: Евстафьев Д.Г., Манойло А.В. Генезис современных цветных революций (на примере Венесуэлы и Белоруссии) // Дипломатическая служба. – 2021. – № 1. – С. 50-61.

В новых технологиях демонтажа политических режимов активно применяются триггерные механизмы их активации. Покажем это на примере нескольких примеров.

Первый пример – Боливия. Ещё с момента обретения независимости в 1825 году в Боливии до сих пор не появилась устойчивая институциональная система. К этому добавилось и то, что на её территории продолжают тлеть неразрешенные межэтнические и межкультурные противоречия⁴⁰⁴, отягощенные конфликтами с другими государствами. Кроме того, в течение десятилетий в Боливии осуществлялись государственные перевороты, поэтому на первый взгляд может сложиться впечатление, что события октября 2019 года не выделяются из данного тренда. Однако именно слабость институциональной системы, какой бы причиной она не вызвана, является одним из чрезвычайно важных факторов, способствующих успешному применению технологий неклассических войн в форме демонтажа политических режимов (в частности, «цветных революций»). Это особенно касается государства, где перевороты не являются чем-то экстраординарным как раз вследствие низкого уровня организации и устойчивости государственной системы.

Примечательно, что технологии демонтажа часто применяются и тогда, когда внутри «объекта-мишени» относительно стабильные социальные и экономические условия⁴⁰⁵. Однако после вмешательства нападающей стороны при помощи целого ряда технологий (мобилизации людских масс через социальные сети и мессенджеры, внедрённых в их среду координаторов и т.п.), существующая ситуация в стране обостряется. При этом поводом к реализации сценария демонтажа может служить что угодно – от повышения платы за проезд до якобы фальсификаций на выборах. Боливия не стала исключением.

Воспользовавшись ошибками Э. Моралеса, который при всех успехах так и не смог создать собственный левый проект развития, отвечавший интересам всех

---

⁴⁰⁴ Кретов С.М. Федерализм как способ гармонизации интересов боливийского Востока и Запада // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 147-160.

⁴⁰⁵ Филимонов Г.Ю., Данюк Н.С. Социально-экономические предпосылки и последствия «цветных революций» // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2017. – № 1. – С. 7-21.

этнических и социальных групп в Боливии, внешние акторы решились на инициацию его политического (а при определенных обстоятельствах – и физического) устранения. Некоторые отечественные специалисты высказались про отсутствие изначально в Боливии «протестов социального характера», но зато «проявилось возмущение значительной части электората и оппозиции фальсификациями, позволившими левому президенту Эво Моралесу победить уже в первом туре президентских выборов»⁴⁰⁶, однако, полагаем, есть все основания поставить данный вывод под сомнение.

Анализ указывает на то, что поводом и одновременно сигналом для государственного переворота стали действия Организации американских государств (ОАГ)⁴⁰⁷. Речь идёт о подсчёте голосов 20 октября 2019 года во время всеобщих выборов в Боливии. Фактически заявления в виде предварительных отчётов ОАГ о якобы имевших место нарушениях в процессе избирательной кампании послужили поводом для последовавших беспорядков. В частности, согласно выводам предварительного доклада ОАГ «Electoral integrity analysis General Elections in the Plurinational State of Bolivia»⁴⁰⁸, «в четырех рассмотренных факторах (технология, цепочка поставок, целостность учётных листов и статистические прогнозы) были обнаружены нарушения, от очень серьёзных до свидетельств того, что что-то не так. Это заставляет группу технического аудита поставить под сомнение достоверность результатов выборов 20 октября 2019 года». Кроме того, ОАГ отметила, что принимая во внимание статистические прогнозы, возможно, что кандидат Э. Моралес пришёл первым, а кандидат Карлос Меса – вторым. Однако, по мнению ОАГ, статистически маловероятно, что Э. Моралес получил разницу в 10%, необходимую, чтобы избежать второго

---

⁴⁰⁶ Окунева Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? // Латинская Америка. – 2020. – № 1. – С. 8-21.

⁴⁰⁷ ОАГ была создана в период холодной войны и использовалась Вашингтоном для противодействия усилению левых сил в странах Латинской Америки. На США приходится порядка 60% финансирования ОАГ, поэтому её позиция во многом совпадает с курсом американского руководства. Данную организацию контролирует сенатор кубинского происхождения Марко Рубио, который известен антисоциалистическими и антикастровскими взглядами. Возглавляющий ОАГ Луис Альмагро находится под контролем со стороны Вашингтона.

⁴⁰⁸ Preliminary findings report to the General Secretariat [Электронный ресурс] // Organization of American States [Официальный сайт]. 2019. URL: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-099/19 (дата обращения: 31.03.2022).

раунда⁴⁰⁹. В противовес этому главный избирательный орган Боливии Tribunal Supremo Electoral (TSE) уже 25 октября опубликовал официальные результаты выборов. Согласно данным TSE, Э. Моралес набрал 2 889 359 голосов (47.08%), а его главный соперник К. Меса – 2 240 920 голосов (36.51%). Иными словами, у Э. Моралеса было на 648 439 голосов больше, чем у его преследователя, а значит, разрыв между ними составил 10.57%. Следовательно, тогда ещё президент Боливии одержал победу в первом туре, поскольку согласно боливийскому законодательству, кандидат, получивший более 50% голосов или не менее 40%, но с 10-процентным опережением кандидата, занявшего второе место в первом туре, объявляется победителем.

Для подсчёта голосов использовался быстрый подсчёт (Transmisiyn de Resultados Electorales Preliminares, TREP), который внедрили согласно рекомендациям ОАГ с целью обеспечить быстрый, однако неполный и не окончательный результат в ночь выборов. Предполагалось, что это даст СМИ представление о формирующейся тенденции голосования и поможет в информировании общественности. Впрочем, согласно проведённому анализу Центра экономических и политических исследований (Center for Economic and Policy Research, CEPR)⁴¹⁰, маловероятно, чтобы TSE был в состоянии обработать 100% результатов при быстром подсчёте голосов по всей Боливии. Это обусловлено материально-техническими и одновременно логистическими ограничениями. Кроме того, специалистами CEPR отмечалось, что обрабатываемая сумма может сильно различаться в зависимости от географического положения и типа бюллетеня. О подобных сложностях ранее также заявил министр юстиции и институциональной прозрачности Боливии Эктор Арсе Законета (Héctor Arce Zaconeta)⁴¹¹.

---

⁴⁰⁹ Ibid.

⁴¹⁰ Long G. et al. What Happened in Bolivia's 2019 Vote Count? [Электронный ресурс] // Center for Economic and Policy Research [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://cepr.net/publications/reports/bolivia-elections-2019-11> (дата обращения: 02.04.2022).

⁴¹¹ Имеется ввиду выступление в Вашингтоне 24 октября 2019 года. См.: Zaconeta H.A. Sesión Extraordinaria del Consejo Permanente de la OEA [Электронный ресурс] // Ministerio Relaciones Exteriores Estado Plurinacional de Bolivia [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://www.cancilleria.gob.bo/webmre/discurso/3712> (дата обращения: 02.04.2022).

Помимо TREP существует ещё одна система подсчёта голосов, т.н. официальный подсчёт (cómputo), который обладает обязательной юридической силой согласно законодательству Боливии. Данный тип подсчёта более точный и тщательный, но занимает больше времени. TSE применяет данную систему подсчёта с целью определения и объявления окончательных результатов выборов. Далее, после голосования отдельные избирательные бюллетени подсчитываются на избирательных участках, а затем объединяются в акты или листы подсчёта голосов. Для быстрого подсчёта результаты из учётных листов направляются операторам проверки Службы регистрации актов гражданского состояния (Servicio de Registro Cívico, SERECÍ) через специальное мобильное приложение вместе с фотографиями самих листов. Только после этого учётные листы физически отправляются в Избирательные трибуналы департаментов (Tribunales Electorales Departamentales, TED), где информация подвергается проверке с последующим занесением в официальный подсчёт.

Уже 21 октября 2019 года Миссия ОАГ по наблюдению за выборами в Боливии выпустила первичный пресс-релиз сразу после выборов. В нём ОАГ выразила «глубокую обеспокоенность и удивление» по поводу «резких и трудно объяснимых» изменений в тенденциях предварительных результатов [из быстрого подсчёта – Прим. авт.], обнаруженных после закрытия опросов⁴¹². В соответствии с процессом быстрого подсчёта на предыдущих выборах, TSE завершила быстрый подсчёт на 83.85% проверенных листов, что показало результат Э. Моралеса, составивший 45.71% голосов, в то время как К. Меса получил 37.84%, т.е. разница составила 7.87%. Спустя два дня Миссия ОАГ опубликовала свой предварительный отчёт о выборах, где кратко повторилась критика о том, что изменения в тенденции TREP «трудно объяснить»⁴¹³, и они якобы не соответствуют другим доступным измерениям. Однако аналитики из CEPD,

---

⁴¹² Statement of the OAS Electoral Observation Mission in Bolivia [Электронный ресурс] // Organization of American States [Официальный сайт]. 2019. URL: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-085/19 (дата обращения: 02.04.2022).

⁴¹³ Preliminary Report of the Electoral Observation Mission in Bolivia [Электронный ресурс] // Organization of American States [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://www.oas.org/documents/eng/press/Preliminary-Report-EOM-Bolivia-23-10-19.pdf> (дата обращения: 03.04.2022).

внимательно изучив предоставленные ОАГ результаты, сумели найти объяснение причины того, что в этой организации сочли «необъяснимым», а именно:

1) не было зафиксировано ни единого случая, когда официальный подсчёт прерывался бы. Более того, подсчёт регулярно обновлялся без какого-либо значимого перерыва. При этом всякое потенциальное нарушение неизбежно повлияло бы и на TREP, и на официальный подсчёт, однако ничего подобного не было выявлено;

2) по требованию Миссии ОАГ через 23 часа был осуществлен перезапуск быстрого подсчёта, который показал, что Э. Моралес приближается к 10%-му отрыву от своего ближайшего преследователя К. Месы, что давало Э. Моралесу победу над ним. Однако в ОАГ выразили «глубокую обеспокоенность и удивление резким и трудно объяснимым» изменением тенденции предварительных результатов, выявленных после закрытия избирательных участков;

3) увеличение поддержки Э. Моралеса связано с тем, что в Боливии голоса из периферийных и сельских районов страны имели тенденцию непропорционально положительно относиться к действовавшему президенту Э. Моралесу и партии MAS. Однако вследствие технологических, материально-технических и логистических трудностей и ограничений из-за труднодоступности, например, высокогорных районов страны, где проживает значительная часть электоральной базы Э. Моралеса, эти голоса подсчитываются позже. Фактически наблюдался эффект запаздывающей отчётности, который относится и к быстрому, и к официальному учёту, поскольку на последний оказывает влияние та же география, а также инфраструктура. Сельские и более бедные регионы, которые существенно поддерживали Э. Моралеса, медленнее отправляют списки избирателей избирательным трибуналам. Как следствие, разрыв между Э. Моралесом и К. Месой увеличивался по мере продвижения подсчёта голосов. Математическая модель CEPР продемонстрировала, что с увеличением количества обработанных голосов среднее значение разрыва между Э. Моралесом и К. Месой составляло 10.35%, а 80% результатов приходятся

между значениями 10.3% и 10.4%, что с высокой точностью согласуется с официальным результатом 10.57%.

Таким образом, ОАГ без предъявления каких-либо доказательств сообщила о «труднообъяснимых тенденциях» в быстром подсчёте, и сразу же «рекомендовала» провести новые выборы.

Отметим, что согласие Э. Моралеса следовать «рекомендациям» ОАГ оказалось серьёзной ошибкой, однако важно понимать, что тогда ещё действовавшего президента целенаправленно вели в ловушку. Если бы Э. Моралес не согласился на повторное голосование, то это могло вызвать подозрение в том, что у якобы имевших место фальсификаций, о которых сообщили в ОАГ, есть реальные основания. Следовательно, независимо от того, дал бы своё согласие Э. Моралес или нет, организаторы переворота получали повод для беспорядков и силового давления. По всей видимости, Э. Моралесу следовало привлечь к мониторингу процесса голосования не только ОАГ, но также международные структуры, не находящиеся под контролем со стороны США (например, ШОС). Именно указанные действия со стороны ОАГ стали «спусковым крючком» последовавшего государственного переворота (т.н. триггерный механизм).

В Белоруссии в качестве триггерного механизма выступила технология превентивной делегитимизации выборов⁴¹⁴ с целью создания условий дестабилизации социально-политической ситуации перед выборами президента 9 августа 2020 г. Суть данной технологии в том, что в конкретном государстве («объекте-мишени») осуществляется упреждающее объявление грядущих выборов (президентских или парламентских) заведомо нелегитимными, которые нельзя признавать, поскольку они «априори будут сфальсифицированными». В качестве обвинителя выступает местная оппозиция. Коллективный Запад (прежде всего США), пользуясь своими значительными информационными,

---

⁴¹⁴ Манойло А.В., Стригунов К.С. Делегитимизация выборов (доклад) [Электронный ресурс] // Известия [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://unity.iz.ru/Novye%20technologii%20organizacii%20gosperevorotov%20v%20raznyh%20stranah.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).

политическими, финансовыми, технологическими и организационными ресурсами, поддержал белорусскую оппозицию, в т.ч. в заявлениях её представителей о фальсификациях будущих выборов, с целью оказать давление на всё белорусское политическое руководство.

Данный подход открыл для Вашингтона возможность реализации той или иной схемы государственного переворота, что можно было наблюдать в разных странах мира, которые, на первый взгляд, имеют мало общего между собой. В действительности т.н. оппозиция под прямым или косвенным руководством западных структур фактически готовила общество для непризнания выборов. Белорусские оппозиционные лидеры (в частности, С.Г. Тихановская, В.В. Цепкало) получили мощную информационную, политическую, финансовую и иные формы поддержки, благодаря которой усилили информационную атаку на А.Г. Лукашенко. Так, оппозиция заранее объявила сфальсифицированными ещё не наступившие выборы президента Белоруссии⁴¹⁵ и призывала их не признавать «мировое сообщество», т.е. Запад. После этого Запад усилил созданный медиа-эффект через подконтрольные ему СМИ⁴¹⁶, в т.ч. ссылаясь на им же поддерживаемую белорусскую оппозицию.

⁴¹⁵ В интервью В.В. Цепкало Forbes от 26 июля 2020 г. на вопрос о том, как может развиваться ситуация, он отвечает, что «один из сценариев: Лукашенко снимет Тихановскую с выборов. Второй сценарий: расчет будет делаться на массовую фальсификацию, на полную замену избирательных урн». См.: Моторин В. «Наша цель – раздеть Лукашенко»: уехавший в Россию соперник белорусского президента о бегстве и стратегии оппозиции [Электронный ресурс] // Forbes [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/405773-nasha-cel-razdet-lukashenko-uehavshiy-v-rossiyu-sopernik-belorusskogo-prezidenta> (дата обращения: 21.04.2022). Фактически В.В. Цепкало заведомо исключил какие-либо честные выборы в Белоруссии и утверждал, что фальсификации и отстранение от выборов оппозиционеров неизбежны ещё до самих выборов. Другой пример – заявление С.Г. Тихановской о том, что «власть будет фальсифицировать выборы, но в этот раз мы сможем проконтролировать наши голоса. Народ поднимет себя с диванов и защитит свои голоса», которое она сделала на агитационном пикете 19 июля 2020 г. См.: Выборы в Беларуси: пикет Тихановской в Минске собрал тысячи людей [Электронный ресурс] // BBC [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53455861> (дата обращения: 22.04.2022). С.Г. Тихановская активно эксплуатировала тему «фальсификации» выборов в Белоруссии ещё до их проведения.

⁴¹⁶ Например: Dixon R. Belarus's Lukashenko faces a surging political newcomer. The response is familiar crackdowns [Электронный ресурс] // The Washington Post [Официальный сайт]. 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/belarus-lukashenko-election-tikhanovskaya-opposition/2020/08/06/71d14ed0-d649-11ea-a788-2ce86ce81129_story.html (дата обращения: 22.04.2022); Shotton J., Seddon M. 'This is the first time Belarusians believe we can change something' [Электронный ресурс] // The Financial Times [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.ft.com/content/dc98f3e2-94fa-4903-959a-8909dad2ff7b> (дата обращения: 22.04.2022); Gonçalves A. 2020 Presidential Election in Belarus: Social Tensions Arise [Электронный ресурс] // Le Journal International [Официальный сайт]. 2020. URL: <http://www.lejournalinternational.info/en/bielorussie-elections-presidentielles-2020-la-montee-des-tensions-sociales/> (дата обращения: 22.04.2022).

Таким способом Запад подготавливал общественное мнение (как в самом Западе, так и на территории «объекта-мишени», где находится неугодный Западу политический режим) к тому, что:

а) выборы будут сфальсифицированы, а значит, им нельзя доверять; или, как альтернатива, к выборам не будут допущены представители оппозиции;

б) следует готовиться противодействовать попыткам режима удержать «незаконным путём» власть, а если понадобится, то и силовыми методами.

Указанным способом создавалась враждебная атмосфера недоверия к белорусской власти, когда часть населения Белоруссии искусственно настраивалась против неё (что не отменяет наличие объективных проблем внутри белорусского государства и общества). Перед тем, как перейти к активной фазе демонтажа политического режима в Белоруссии, его организаторы формировали условия для этого с помощью заблаговременных заявлений оппозиции о грядущих фальсификациях выборов или недопущении к ним представителей оппозиции. Фактически была предпринята попытка делегитимизации выборов контролируемой извне оппозицией, чьи заявления были направлены в первую очередь на разжигание недоверия к результатам будущего голосования. После выборов эти же силы (при поддержке своих внешних кураторов) инициировали массовое недовольство и организовали крупномасштабные протестные митинги, во время которых органы правопорядка злонамеренно провоцировались на применение силы в отношении нарушителей, что впоследствии (после президентских выборов 9 августа 2020 года в Белоруссии) стало поводом для массовых беспорядков.

Таким образом, контролируемая из-за рубежа белорусская оппозиция своими заявлениями о нелегитимности выборов и всей избирательной системы создавала у значительной части населения эффект ожидания, когда массы граждан уже были готовы без всяких доказательств принять на веру любые заявления о непризнании выборов. Для инициации масштабных и координируемых акций недовольства требовался триггерный механизм, в роли которого выступили сами выборы, которые оппозиция проиграла, впоследствии

заявив, что не признаёт их итог. Это и стало поводом для активации антиправительственных мятежей и беспорядков.

Отметим, что подобный подход был применён и в отношении других стран, где Вашингтон осуществил или пытался осуществить государственный переворот.

Так, ещё в марте 2019 года кандидат в президенты Боливии К. Меса (поддержанный ОАГ и США) заявил, что «мы не признаём легитимность кандидатуры президента Моралеса, но мы собираемся участвовать в выборах, потому что считаем, что демократическая битва должна происходить на избирательных участках»⁴¹⁷. Боливийское общество заранее готовилось подобными заявлениями к тому, что президентские выборы в октябре 2019 г. якобы будут фальсифицированы, а заявления ОАГ о «фальсификациях» как раз и стали тем самым триггерным механизмом дестабилизации ситуации в Боливии.

Другой пример относится к Венесуэле. В феврале 2018 года Альянс оппозиционных партий Венесуэлы объявил, что будет бойкотировать предстоящие президентские выборы, заявив, что избирательная система была сфальсифицирована в пользу президента Н. Мадуро и его Объединенной социалистической партии Венесуэлы⁴¹⁸.

Аналогичным образом США заранее не признали легитимными выборы в Никарагуа (всеобщие выборы, состоявшиеся 7 ноября 2021 г.). В частности, госсекретарь Э. Блинкен 8 августа 2021 г. (почти за четыре месяца до выборов в Никарагуа) сообщил, что «решение режима Ортеги-Мурильо запретить любую демократическую конкуренцию на президентских выборах 2021 года означает,

---

⁴¹⁷ Padinger G. Carlos Mesa, ex presidente de Bolivia: «No reconocemos la legitimidad de la candidatura de Evo Morales, pero vamos a participar de la elección» [Электронный ресурс] // Infobae [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.infobae.com/america/america-latina/2019/03/14/carlos-mesa-ex-presidente-de-bolivia-no-reconocemos-la-legitimidad-la-candidatura-de-evo-morales-pero-vamos-a-participar-de-la-eleccion/> (дата обращения: 22.04.2022).

⁴¹⁸ Herrero A., Semple K. Venezuela Opposition Will Boycott Election, and Maduro Tightens His Hold // The New York Times [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/21/world/americas/venezuela-election-opposition-boycott.html> (дата обращения: 22.04.2022).

что никарагуанцы или международное сообщество не могут считать выборы в Никарагуа заслуживающими доверия»⁴¹⁹.

Наконец, отметим, что в новых технологиях демонтажа политических режимов активно используются радикалы (ультраправые, ВЛМ, Antifa и пр.) в качестве ударной силы, направляемой актором (нападающей стороной) своим прокси-структурам (государствам) для опосредованного ведения войны против своего основного геополитического противника (что демонстрирует полномасштабная неклассическая война, развязанная коллективным Западом против России с началом СВО, в которой важнейшую роль выполняет киевский режим, которому оказывается поддержка, включая тысячи наёмников, ультраправых боевиков, асоциальных элементов, в т.ч. с боевым опытом, и т.п.). В событиях 2020 г. в Белоруссии в роли ядра беспорядков выступили радикалы-змагары (по аналогии с бандеровцами на Украине во время событий 2013-2014 гг.). Кроме того, радикалы могут использоваться одной частью элит против другой, как показали события в США (2020 г.).

---

⁴¹⁹ «The Ortega-Murillo regime's decision to ban all democratic competition from the 2021 presidential election means Nicaragua's election cannot be considered credible by Nicaraguans or the international community». См.: Blinken A. [Электронный ресурс] // Twitter. Secretary Antony Blinken account. 2021. URL: <https://twitter.com/SecBlinken/status/1424132388054093824> (дата обращения: 24.04.2022).

2.3. Технологии многоуровневого воздействия на «государства-мишени»

Одной из важных особенностей современных форм неклассических войн является то, что часто их главная цель не тот «объект-мишень», на который нападающая сторона оказывает непосредственное воздействие, а «объект-мишень» более высокого уровня приоритета. Это означает, что государство, на территории которого осуществляется, например, «цветная революция», может и не быть первоочередной целью.

Так, в конце 1980-х годов коллективный Запад активно участвовал в демонтаже социалистических правительств в странах ОВД (в Польше, Чехословакии, ГДР, Румынии и др.). Затем схожие технологии были применены и в ряде республик Советского Союза. Технологически их можно считать предтечами «цветных революций» нулевых годов и всех последующих, когда осуществлялась апробация новейших подходов в перехвате управления над противником без применения прямой военной силы. Главной целью такого воздействия, несомненно, были не сами страны социалистического лагеря, а его ядро – СССР. Поэтому советское государство являлось наивысшим приоритетом, искомой целью применения указанных технологий. Однако урон наносился по нему не напрямую, а опосредованно, поскольку антисоциалистические перевороты нового типа ослабляли влияние Советского Союза в зоне его стратегических интересов.

В новейшее время существует масса примеров, когда индуцированная «цветная революция» или гибридная война направлена в первую очередь не против «государств-мишеней», где непосредственно осуществляется демонтаж неугодных политических режимов, а против государства (или государств),

сдерживание или нейтрализация которого как стратегического противника имеет гораздо более высокий приоритет. Одним из таких примеров является осуществленный на территории Украины государственный переворот (2013-2014 гг.). Его подготовка началась ещё в самом начале постсоветского периода, когда на территорию Украины стало активно проникать западное влияние⁴²⁰, воздействуя на все социальные страты государства – от студентов до политического руководства. Фактически через т.н. «мягкую силу» активно подготавливалась почва сначала для проведения первого «майдана» (т.н. «оранжевая революция», осуществленная в 2004-2005 гг.), выразившаяся в незаконном повторном втором туре голосования, а в 2013 году привела к «евромайдану», который формально начался с отказа украинского руководства (президента Виктора Януковича и главы правительства Николая Азарова) от подписания соглашения об ассоциации с ЕС и завершился свержением режима В.Ф. Януковича в ночь на 22 февраля 2014 г.

Практически нет никаких сомнений в том, что государственный переворот на Украине в конце 2013 г. – начале 2014 г. и последовавшая война киевского режима против Донецкой и Луганской Народных Республик были направлены в первую очередь против России. Самой Украине отвели роль антироссийского инструмента. Именно тогда впервые после Великой Отечественной войны Запад сумел нанести удар по зоне жизненных интересов России на её периферии, где проживает преимущественно славянское население. Как следствие, Украина перешла под внешний контроль со стороны Запада, часть территорий от неё отделилась, поскольку их население было категорически несогласно с произошедшим государственным переворотом, ударным кулаком которого стали неонацистские бандформирования. Одним из следствий этого стала развязанная киевским режимом война против Донбасса, где он, среди прочего, осуществлял утилизацию наиболее одиозных боевиков в ходе военных действий. Позже, после

---

⁴²⁰ См.: Гурьянов П.А. Два Майдана на Украине: предпосылки, особенности и геополитические последствия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – Т. 10. № 41. – С. 51-59; Ясносокирский Ю.А. «Ответственность по защите» и цветные революции // Вопросы российского и международного права. – 2014. – № 10. – С. 21-42.

подписания первых и вторых «Минских соглашений»⁴²¹, конфликт перешёл в вялотекущую фазу с периодическими обострениями, в которой он пребывал до начала проведения СВО 24 февраля 2022 г.

В результате, возле границ России возникла зона нестабильности, с потенциалом к дальнейшему обострению обстановки, что и привело к проведению Россией СВО. Фактически Запад, в первую очередь США и Великобритания, создали новую зону нестабильности, через которую на Россию оказывается давление. Это показал, в частности, случай с подписанием газового соглашения в конце 2019 года, поскольку наличие подконтрольного режима в Киеве позволяло Западу навязывать условия транзита газа (объёмы и сроки), параллельно через санкции тормозя прокладку газопровода «Северный поток-2». Более того, перехват управления Западом над Украиной имел негативные стратегические последствия для России, поскольку пресечь агрессию Запада с помощью киевского режима оказалось возможным только с помощью СВО.

Другим примером можно считать Белоруссию, где в августе 2020 года состоялись выборы президента. Они не были признаны рядом западных стран, а вместо А.Г. Лукашенко де-факто признали президентом Белоруссии одного из лидеров оппозиции С.Г. Тихановскую (см. параграф 2.2). Отметим, что события в Белоруссии 2020 года могли быть зондажной технологией, когда агрессор не только пытался устранить А.Г. Лукашенко, но и выявлял сильные и слабые стороны государственных институтов при его руководстве, уязвимости в их реагировании, чтобы попытаться повторить этот сценарий с учётом работы над ошибками, поскольку попытка 2020 г. завершилась неудачей. События в Белоруссии стали одним из направлений дестабилизации государств по периметру России с целью её максимального ослабления. По всей видимости, главной целью было свержение А.Г. Лукашенко, установление

---

⁴²¹ Протокол (по итогам консультаций Трёхсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина) [Электронный документ] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе [Официальный сайт]. 2014. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/a/123258.pdf> (дата обращения: 12.05.2022); Комплекс мер по выполнению Минских соглашений [Электронный документ] // Президент России [Официальный сайт]. 2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения: 12.05.2022).

подконтрольного прозападного режима (по аналогии с Украиной) и создания санитарного кордона от Прибалтики до Чёрного моря, который в дальнейшем мог стать плацдармом и для косвенной, и для прямой агрессии в отношении России. Одновременно с этим Россия лишилась бы возможности использовать территорию Белоруссии в ходе проведения СВО, что могло привести к гораздо бóльшим издержкам (потерям в живой силе, военной технике и пр.). Пресечение попытки устранения белорусского руководства не допустило подобного хода событий.

Как и в случае с Украиной, попытка коллективного Запада устранить А.Г. Лукашенко и сделать из него второго В.Ф. Януковича⁴²² являлась атакой на зону стратегических интересов России. По этой причине в обоих случаях ни Украина, ни Белоруссия не являлись главными целями агрессора. Они были «объектами-мишенями» первого уровня. «Объектом-мишенью» более высокого, второго уровня, являлась Россия. Очевидно, что для нейтрализации атаки на зону своих жизненно важных интересов России требуются значительные ресурсы – либо дополнительные, либо те, которые приходится отвлекать с иных направлений, либо и те и другие вместе. Это можно считать непрямым (каскадным) ущербом.

К другому ущербу, проявляющемуся в более отдаленной перспективе и являющемуся наиболее опасным, можно отнести негативные долгосрочные последствия. Так, создание возле российских границ зоны перманентной нестабильности (как в случае с Украиной) означает необходимость сконцентрировать на данном направлении существенные ресурсы (разведывательные, военные, что автоматически ведёт к значительным издержкам, и др.), что продемонстрировала СВО. Коллективный Запад, свергнув

---

⁴²² Речь идёт о США, которые действуют против А.Г. Лукашенко в прокси-режиме через Польшу и Литву. См.: Лампси А. Триггеры информационной схватки [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. 2020. URL: https://nvo.ng.ru/spforces/2020-11-12/1_1117_triggers.html (дата обращения: 12.05.2022); О ситуации в Белоруссии [Электронный ресурс] // Служба внешней разведки Российской Федерации [Официальный сайт]. 2020. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2020/09/o-situatsii-v-belorussii-2.htm> (дата обращения: 12.05.2022).

на Украине неугодный режим в 2014 году, получил инструмент опосредованного силового воздействия на Россию.

Россия, до начала СВО, утратила бóльшую часть своих возможностей влиять на зону её жизненных интересов, когда фиксировалось притеснение и вытеснение русского языка и его носителей на территории Украины, наблюдалась стремительная деградация значительной части населения, которая подвергалась и продолжает подвергаться массивной русофобской индоктринации. Помимо этого, инициированный Западом госпереворот на Украине привёл к войне, развязанной киевским режимом (при поддержке западных кураторов) против народа Донбасса, в ходе которой погибли тысячи человек⁴²³, заживо были сожжены и умерщвлены иными способами десятки (а по неофициальным данным – сотни) человек в г. Одесса 2 мая 2014 года. Иными словами, нанесён огромный урон по славянскому и конкретно русскому населению. Пока в Киеве сохраняется прозападный режим, действующий откровенно террористическими методами (достаточно отметить регулярные обстрелы жилых районов в ДНР и ЛНР, диверсионно-террористическую атаку на границе с Крымом⁴²⁴, в ходе которой погиб сотрудник ФСБ и военнослужащий Минобороны России⁴²⁵, и др.), будут новые жертвы, что в огромных масштабах проявилось во время проведения СВО. Действия киевского режима подпадают под понятия военные преступления и геноцид. При этом персоналии, становящиеся президентами на Украине, состав правительства или партий не имеют значения; до тех пор, пока Украина не будет демилитаризована и денацифицирована и продолжит находиться под западным контролем, она проложит генерировать нестабильность у российских границ. В

---

⁴²³ По официальным данным ООН в войне на Донбассе (до начала СВО) погибло 3367 человек (см.: За время пандемии COVID-19 в Украине ООН зафиксировала рост погибших среди гражданского населения на востоке страны [Электронный ресурс] // Интерфакс [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://interfax.com.ua/news/general/689648.html> (дата обращения: 12.05.2022)). Полагаем, в реальности цифры существенно выше.

⁴²⁴ Лавров: РФ и ФРГ обсудили возможность встречи «четверки» с учетом попытки диверсии в Крыму [Электронный ресурс] // ТАСС [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://tass.ru/politika/3538904> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴²⁵ ФСБ России предотвращено совершение в Республике Крым террористических актов, подготовленных Главным управлением разведки Министерства обороны Украины [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации [Официальный сайт]. 2016. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.html?id%3D10437869%40fsbMessage.html> (дата обращения: 14.05.2022).

Белоруссии России пока удаётся сохранить своё влияние, но это отнюдь не означает, что в будущем Запад не попытается взять реванш и не повторит попытку, но с учётом предыдущего опыта и ошибок.

Таким образом, каскадные эффекты при осуществлении «цветной революции» в какой-либо стране мира выявляют уровни агрессии. Если Украина или Белоруссия являются «объектами-мишенями» I-го уровня приоритета, то Россия является «объектом-мишенью» более высокого – II-го уровня – приоритета.

Однако возможно и большее количество уровней. Покажем это на примере Сирии. После начала попытки свержения Б. Асада в 2011 году внешний коллективный агрессор активно использовал транснациональные иррегулярные формирования экстремистско-террористического типа, а также местные антиправительственные боевые группы, усиленные ССО целого ряда государств. Обусловлено это было рядом факторов, начиная от важного географического положения САР и заканчивая запасами углеводородов⁴²⁶. Кроме того, Сирия имеет выход к Средиземному морю, а значит, контроль над ней имеет огромное значение, причём как для местных (региональных) игроков, так и для глобальных центров сил. Поэтому перехват управления над Сирией означал устранение баасистского руководства в лице Б. Асада и его окружения.

Не останавливаясь подробно на предыстории войны в Сирии и интересах её участников⁴²⁷, отметим следующее. В отношении сирийского государства была развязана гибридная война (как разновидность неклассической войны), в которой основной ударной силой стали иррегулярные формирования террористов,

⁴²⁶ Guo F.-F., Huang C.-F., Wu X.-L. Strategic analysis on the construction of new energy corridor China–Pakistan–Iran–Turkey // *Energy Reports*. – 2019. – V. 5. – P. 828-841; Tan KH, Perudin A. The «Geopolitical» Factor in the Syrian Civil War: A Corpus-Based Thematic Analysis // *SAGE Open*. – 2019. – V. 9. № 2. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244019856729> (дата обращения: 28.11.2022).

⁴²⁷ По данной теме см.: Долгов Б.В. Сирийский конфликт. Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. – М., 2015. – 418 с.; Комлева Н.А. и др. Сирийский кризис как этап процесса реформирования Большого Ближнего Востока (круглый стол) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки*. – 2015. – № 5. – С. 8-60; Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Цели и позиции Саудовской Аравии и Ирана в сирийском вопросе // *Мусульманский мир*. – 2018. – № 1. – С. 6-11; Сирийский рубеж / Под ред. М.Ю. Шеповаленко. – 2-е изд., доп. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. – 184 с.

аккумулированные в САР с территории порядка 100 стран мира⁴²⁸. Однако сама Сирия была лишь «объектом-мишенью» I-го уровня приоритета, т.е. наиболее низкого. Контроль над ней был необходим некоторым региональным и мировым игрокам для нанесения удара по геостратегическим интересам Исламской Республики Иран, рассматривающей Сирию как важнейший элемент в т.н. «шиитском поясе», под которым понимается транспортно-логистический коридор, а также зона военно-политического, религиозно-идеологического и экономического влияния Ирана от Тегерана до Бейрута, дающая, помимо прочего, выход к Средиземному морю. Очевидно, что поскольку в Ливане у иранцев достаточно прочные позиции через поддерживаемую ими военно-политическую организацию «Хезболла», а с Ираком у Ирана общая протяжённая граница, то для их соединения между собой требуется Сирия, которую иранские чиновники считают «золотым звеном», поскольку удержание её в сфере иранского влияния замыкает «шиитский пояс».

Усиление военно-политического, идеологического, экономического и стратегического влияния Ирана является неприемлемым для целого ряда государств. К таковым, в частности, относится Израиль, который режим аятолл в Иране воспринимает как экзистенциальную угрозу и с которым у него непреодолимые разногласия⁴²⁹. Другим игроком является Саудовская Аравия, также имеющая ряд фундаментальных противоречий с Ираном, например, по линии противостояния суннитов (саудовцев) и шиитов (иранцев). Оба государства экспортируют свои религиозные концепции: Эр-Рияд – ваххабизм суннитского толка, а Тегеран – шиизм, а вместе с этим распространяет исламскую революцию в соседние страны в борьбе за региональное лидерство⁴³⁰. Поэтому Тель-Авив и

⁴²⁸ Foreign Fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq [Электронный ресурс] // The Soufan Group [Официальный сайт]. 2015. URL: https://wb-iisg.com/wp-content/uploads/bp-attachments/4826/TSG_ForeignFightersUpflow.pdf (дата обращения: 14.05.2022).

⁴²⁹ Звягельская И.Д., Морозов В.М. Израиль – Иран: балансирование на грани? // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 5. – С. 182-187; Пиляева М.А. Политика Израиля по выстраиванию отношений с мусульманскими странами на примере Турции и Ирана: 1950–2011 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.15. – М., 2012. – 141 с.

⁴³⁰ См.: Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Политическое противоборство Саудовской Аравии и Ирана в сирийском кризисе в 2011–2016 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия. 3. Общественные науки. – 2018. – Т. 13. № 4. – С. 171-181; Мохаммад М.Д. Саудовская Аравия и Иран: анализ основных факторов соперничества // ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10. № 4. – С. 199-207.

Эр-Рияд с самого начала сирийской войны активно способствовали падению власти Б. Асада. Особенно в этом отметился Эр-Рияд, спонсирующий различные террористические структуры, включая «Джебхат ан-Нусру» (с 2016 года является ядром террористического конгломерата «Хайят Тахрир аш-Шам» – запрещённая в России террористическая организация), которой саудовцы вместе с Катаром (на начальном периоде войны) выплачивали вознаграждение⁴³¹. Демонтаж сирийского руководства был выгоден и Турции, продвигавшей ряд своих интересов. На фоне сирийской войны также вскрылись определенные противоречия между Анкарой и Тегераном. Например, турецкие эксперты и СМИ обвиняли Иран в поддержке Рабочей партии Курдистана (РПК), а в целом поворотным моментом отношений между двумя странами как раз и стал сирийский кризис⁴³², до возникновения которого ирано-турецкие отношения находились на достаточно высоком уровне, особенно после того, как в Турции в 2002 году к власти пришла Партия справедливости и развития.

С учетом сказанного, нетрудно заметить наложение целого ряда факторов⁴³³, приведших к началу войны против Сирии, осуществленной непрямыми средствами и методами, отвечающими формам неклассических войн, в которой Сирия была «объектом-мишенью» лишь I-го уровня приоритета. Иран выступал в качестве цели II-го уровня, поскольку свержение Б. Асада и привод к власти прозападной оппозиции или исламских (суннитских) фундаменталистов наносил удар по зоне его жизненных интересов. Этим Тегеран был втянут в войну на стороне баасистов, поскольку в противном случае влияние Ирана в регионе могло кардинально ослабнуть, что способствовало бы ухудшению его позиций, например, в Ираке, не говоря о возникшем риске провала стратегии создания «шиитского пояса».

---

⁴³¹ Alsharif A. Saudi Arabia and Qatar funding Syrian rebels [Электронный ресурс] // Reuters [Официальный сайт]. 2012. URL: <https://www.reuters.com/article/us-syria-crisis-saudi/saudi-arabia-and-qatar-funding-syrian-rebels-idUSBRE85M07820120623> (дата обращения: 14.05.2022).

⁴³² Хамдохов С.А. Турция-Иран: Начало «холодной войны» или временно похолодание в отношениях? // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 12. – С. 49-51.

⁴³³ О роли других игроков в сирийском конфликте см.: Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений: дисс. ... доктор. истор. наук: 07.00.15. – М., 2018. – 1047 с.

Другим государством II-го уровня приоритета выступает Россия. К 2015 году ситуация для правительственных сил в Сирии стала настолько угрожающей, что исправить это положение мог лишь внешний фактор. Одного иранского участия через его прокси-формирования шиитского толка, которые иранское руководство набрало с территории от Ливана до Пакистана⁴³⁴, было недостаточно. Требовались дополнительные силы и авиационное прикрытие, которое Иран не мог предоставить, в т.ч. из-за позиции Израиля, который был в состоянии атаковать иранские ВВС, если бы Тегеран стал их применять в ходе войны. Единственным государством, способным оказать такую поддержку, была Россия⁴³⁵.

Именно вступление России в войну на стороне сирийского правительства привело к кардинальному изменению хода войны. Отказ от вступления в войну вёл к ослаблению позиций Москвы на Ближнем Востоке и с высокой долей вероятности лишал её пункта материально-технического обеспечения в Тартусе, а кроме того, создавал риск интенсификации роста террористической угрозы вблизи границ России. Следовательно, для решения этой проблемы требовалось привлечение значительных сил и ресурсов, что ложится дополнительной нагрузкой на экономику России, т.е. этим ей наносится экономический ущерб, поскольку в противном случае данные ресурсы могли бы быть потрачены на социальные программы, развитие инфраструктуры и т.п. Однако самое главное – война привела к гибели российских солдат, выполнявших свой долг в САР. Таким образом, агрессия в отношении Сирии (государство I-го уровня) нанесла урон сразу по двум государствам-противникам Запада – России и Ирану, которые тратят существенные ресурсы для удержания своих позиций в Сирии⁴³⁶. Россия и Иран относятся к государствам II-го уровня приоритета.

---

⁴³⁴ IRGC Commander: ISIL Causes Increasing Awareness in Regional States [Электронный ресурс] // Fars News Agency [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://en.farsnews.ir/newstext.aspx?nn=13941022001355> (дата обращения: 14.05.2022).

⁴³⁵ См.: Манойло А.В., Стебнева А.В., Стригунов К.С. Иранский фактор вступления России в сирийскую войну: причины и стратегические риски // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10. № 12. – С. 2883-2893.

⁴³⁶ Подробнее данный вопрос рассматривался в работе: Манойло А.В., Стригунов К.С. Геополитическая напряженность вокруг Ирана в локальном, региональном и глобальном контекстах // Электронный научно-

Однако война в Сирии наглядно демонстрирует, что уровней приоритетов атакуемых государств через активизацию неклассической (в случае с Сирией – гибридной) войны может быть больше двух. Так, вовлечение в сирийскую войну Ирана, впоследствии дополнительно подвергнутого санкциям при администрации Д. Трампа, способствует его ресурсному истощению⁴³⁷. Потенциально это ведёт к дестабилизации внутри самого Ирана, признаки чего наблюдались в 2018 году⁴³⁸. Данный фактор достаточно тревожный для Китая, который, как стало известно в сентябре 2019 года, готов инвестировать в Иран порядка 400 млрд. USD в течение 25 лет: 280 млрд. USD должны пойти в энергетический сектор, а 120 млрд. USD – в модернизацию транспортной и производственной инфраструктуры ИРИ⁴³⁹. Более того, согласно имеющимся данным, Китай намерен направить для охраны своих объектов 5 тыс. сотрудников служб безопасности, т.е. фактически обеспечить силовое прикрытие своим проектам в стратегически важной зоне Персидского залива. Столь внушительные инвестиции являются частью продвигаемой китайским руководством инициативы «Один пояс – один путь», точнее – её т.н. «Центрального коридора», который проходит через территорию Ирана и является одним из важнейших маршрутов (т.к. территория Ирана распространяется от Каспийского моря до Персидского залива). Следовательно, вовлечение Ирана в войну в Сирию (вместе с другими конфликтами), с одновременным обложением его санкциями, направлено на его изнурение и

образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. № 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008089-6-1/> (дата обращения 28.11.2022).

⁴³⁷ Стригунов К.С., Манойло А.В., Безвербный В.А. Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны. – М.: Горячая линия-Телеком, 2021. С. 196–197; Real GDP growth [Электронный ресурс] // International Monetary Fund [Официальный сайт]. 2022. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/IRN?zoom=IRN&highlight=IRN (дата обращения: 16.05.2022).

⁴³⁸ См.: Иванов С. Иранцы начинают уставать от агрессивной политики аятолл [Электронный ресурс] // RIATAZA [Официальный сайт]. 2017. URL: <http://riataza.com/2017/12/31/irantsyi-nachinayut-ustavat-ot-agressivnoy-vneshney-politiki-ayattoll/> (дата обращения: 16.05.2022); Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия-Телеком, 2020. С. 127–137; Merat A., Borger J. Rudy Giuliani calls for Iran regime change at rally linked to extreme group [Электронный ресурс] // The Guardian [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/30/rudy-giuliani-mek-iran-paris-rally> (дата обращения: 16.05.2022).

⁴³⁹ Watkins S. China and Iran flesh out strategic partnership [Электронный ресурс] // Petroleum Economist [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.petroleum-economist.com/articles/politics-economics/middle-east/2019/china-and-iran-flesh-out-strategic-partnership> (дата обращения: 16.05.2022).

надрыв⁴⁴⁰. В таком случае дестабилизация может произойти в самом Иране и тогда нормальная экономическая деятельность на его территории окажется либо затруднена, либо невозможна. Иными словами, Китай является государством III-го уровня приоритета, по которому наносится косвенный урон – сначала через развязанную против Сирии войну, а затем и через Иран, вовлеченный в неё с самых ранних этапов эскалации.

Суммируя сказанное, можно сделать следующий вывод. При осуществлении той или иной формы неклассической войны создаются каскадные многоуровневые эффекты, негативно (чаще всего косвенно) воздействующие на цели актора (агрессора) более высокого приоритета. При этом вторичность данных эффектов имеет большее значение, чем прямой урон по «объекту-мишени» I-го уровня приоритета. В результате, через дестабилизацию обстановки в «объекте-мишени» I-го уровня создается больше условий для дестабилизации ситуации уже в государствах II-го и III-го уровней. Учитывая, что агрессор с помощью методов и технологий неклассических войн в состоянии перехватить контроль над «объектом-мишенью» первого уровня, по целям более высокого приоритета наносится косвенный ущерб с потенциально разрушительными последствиями в средне- и долгосрочной перспективе. Этот ущерб является разновидностью НЭНК в неклассических войнах.

Многоуровневое воздействие применения методов и технологий неклассических войн целесообразно показать на примере особой формы неклассических войн, в которой значительными миграционными массами, т.е. антропопоток, наносится существенный ущерб «объекту-мишени». Особенно стоит отметить, что применение такого оружия в состоянии решать задачи, которые зачастую невозможно решить иными способами без неприемлемых военных, политических, экономических и репутационных побочных эффектов. Миграционные потоки в состоянии наносить ущерб государству и обществу стране-реципиенту, которая вынуждена принимать у себя значительное

---

⁴⁴⁰ См.: Манойло А.В., Стригунов К.С. Геополитическая напряженность вокруг Ирана в локальном, региональном и глобальном контекстах // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. № 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008089-6-1/> (дата обращения 28.11.2022).

количество мигрантов (в т.ч. беженцев), чаще всего направляющихся туда из зон военно-политической турбулентности, где их жизни и здоровье подвергаются опасности. «Объекты-мишени» применения миграционного оружия могут различаться по уровням приоритета. Покажем это на примере миграционного кризиса в ЕС (2015-2016 гг.).

Во время миграционной катастрофы 2015 года главным ньюсмейкером стал резко возросший поток мигрантов и беженцев из охваченных войной стран, прежде всего – Сирии (56%)⁴⁴¹, Афганистана (24%)⁴⁴² и Ирака (10%)⁴⁴³, в страны Европы. Интенсивность релокации мигрантов, в т.ч. беженцев, доходила до нескольких тысяч человек в день. Особенно пострадали от прибытия такого количества человек страны Южной и Юго-Восточной Европы, поскольку именно они были первыми на пути мигрантов, которые стремились попасть в Германию, Францию, Великобританию, страны Бенилюкса и др., где существует серьёзная социальная помощь для подобных лиц в виде специальных программ, пособий и других видов поддержки. В целом, согласно данным Агентства ООН по делам беженцев и Международной организации по миграции (МОМ), в 2015 году конфликты и преследования, а вместе с этим нищета, которая усугубляется в зонах военных действий, привели к тому, что порядка одного миллиона человек (на то время беспрецедентное число) были вынуждены искать убежище в Европе⁴⁴⁴.

Среди государств, принявших мигрантов и беженцев, Германия взяла на себя значительные расходы по их содержанию. В 2016 году Берлин выделил дополнительные 6 млрд. евро, и это притом что общие затраты Германии на содержание новоприбывших мигрантов в одном 2015 году составили порядка 10

---

⁴⁴¹ L'Europe et les migrants, faits et chiffres [Электронный ресурс] // Le Parisien [Официальный сайт]. 2017. URL: <http://www.leparisien.fr/flash-actualite-monde/l-europe-et-les-migrantsfaits-et-chiffres-19-03-2017-6775920.php> (дата обращения: 04.05.2022).

⁴⁴² Ibid.

⁴⁴³ Ibid.

⁴⁴⁴ В 2015 г. в Европу прибыли миллион беженцев и мигрантов [Электронный ресурс] // УВКБ ООН [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://www.refworld.org.ru/publisher,UNHCR,,,56cd72a44,0.html> (дата обращения: 04.05.2022).

млрд. евро⁴⁴⁵, что в четыре раза больше, чем в 2014 году, когда на те же цели было потрачено 2.4 млрд. евро. Всего же за период с 2018 по 2022 гг. Германия планировала потратить на миграционную политику 78 млрд. евро⁴⁴⁶, что является огромной суммой. Согласно данным верховного представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности Федерики Могерини, общее число людей, которые были вынуждены покинуть свои дома из региона Ближнего Востока, достигло 12 млн. человек⁴⁴⁷.

На этом примере видно, какие проблемы для стран-реципиентов создают мигранты, которые в значительных количествах прибывают на их территорию. Само появление огромного числа чужеродных элементов в государствах с иными политическими, экономическими, социальными и культурными условиями за сравнительно небольшой период времени создаёт цепную реакцию проблем, тем самым усугубляя ситуацию в странах-реципиентах в экономическом, социальном, межэтническом и межрелигиозном аспектах. В результате, общественно-государственная система этих стран подвергается серьёзному воздействию, которое создает атмосферу страха и напряжённости. Известно, что в целом ряде государств, где наблюдался массовое прибытие мигрантов, резко увеличивалось количество преступлений⁴⁴⁸, включая убийства, грабежи, изнасилования и пр. Более того, новоприбывшие мигранты впоследствии довольно слабо интегрируются в социокультурном плане. Появляются анклав и гетто, которые

---

⁴⁴⁵ СМИ оценили расходы Германии на беженцев в 10 млрд. евро в 2015 году [Электронный ресурс] // РБК [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/09/2015/55ebdb5e9a794755b44aa9fd> (дата обращения: 04.05.2022).

⁴⁴⁶ ФРГ потратит на миграционную политику 78 млрд евро до 2022 года [Электронный ресурс] // Deutsche Welle [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.dw.com/ru/фрг-потратит-на-миграционную-политику-78-млрд-евро-до-2022-года/a-43848224> (дата обращения: 04.05.2022).

⁴⁴⁷ Могерини: миграционный кризис охватывает 12 миллионов человек [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://ria.ru/20150915/1252703190.html> (дата обращения: 04.05.2022).

⁴⁴⁸ О росте преступлений в европейских странах см.: Квашнин Ю.Д. и др. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. № 1. – С. 97-107; Прохода В.А. Миграция как угроза безопасности принимающего сообщества: особенности восприятия коренным населением // Национальная безопасность / nota bene. – 2020. – № 2. – С. 62-82; Bell V. Crime and immigration [Электронный ресурс] // IZA World of Labor [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://wol.iza.org/uploads/articles/469/pdfs/crime-and-immigration.pdf?v=1> (дата обращения: 05.05.2022); Das ist das Aufblühen von etwas Gefährlichem [Электронный ресурс] // Der Spiegel [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/chemnitz-chronologie-zu-den-ausschreitungen-in-sachsen-a-1226103.html> (дата обращения: 05.05.2022); Ny kartläggning av våldtäktsdomar: 58 procent av de dömda födda utomlands [Электронный ресурс] // SVT Nyheter [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.svt.se/nyheter/granskning/ug/ny-kartlaggning-av-valdtaktsdomar-58-procent-av-de-domda-fodda-utomlands> (дата обращения: 05.05.2022).

либо слабо контролируются правительствами этих стран, либо не контролируются ими вовсе. Подобные скопления часто формируются в зависимости от этнической, религиозной или конфессиональной принадлежности. Немаловажным является и фактор происхождения мигрантов. Подобные анклавов есть, например, в Брюсселе (район Моленбек), Париже (квартал Сен-Дени) и др. В них проживают франкоговорящие арабы и африканцы, выходцы из Ирака, Сирии и некоторых других стран Ближнего Востока, а также Магриба и Сахеля. Около 70% населения подобных анклавов не является коренным. В подобные зоны и баррио даже полиция старается не заезжать без особой на то необходимости, как, например, во французском Марселе. Абсорбция инородных и инокультурных элементов проходит неэффективно, на что указывает их поведение, в т.ч. через установление своих порядков. Разумеется, программы интеграции дают определенный эффект, но скорость встраивания мигрантов в общества европейских государств, дающих им приют, явно недостаточна. Кроме того, предпринимаются попытки создания адаптированного к условиям ЕС т.н. «Евроислама»⁴⁴⁹, однако подобные меры больше паллиативные, чем дающие реальный эффект, поскольку есть очень большие сомнения, что исламские принципы и ценности будут глубоко интегрироваться с западной культурой, особенно в части демократии (в западном её понимании), гендерного равенства и т.п., что отмечали некоторые исследователи⁴⁵⁰.

Другой проблемой является усиление терророгенности в странах Европы в связи с релокацией мигрантов. На это указывает то, что за 2014-2018 гг. в странах Европы было совершено свыше 30 терактов, хотя за все 1990-2000 гг. их было всего 24⁴⁵¹. Вместе с мигрантами в страны-реципиенты могут инфильтрироваться представители экстремистских и террористических организаций, что, по мнению

---

⁴⁴⁹ Тория Ж.Н. Проблемы формирования национальной идентичности французской молодежи: социологический анализ // Коммуникология. – 2017. – Т. 6. № 5. – С. 103-110.

⁴⁵⁰ Юрченко В.М., Олейник В.И. Религия и политика: исламизм в светском государстве (на материалах Западной Европы) // Вестник Российской нации. – 2014. – № 6. – С. 289-296.

⁴⁵¹ Аршин К.В. Управление миграцией как элемент контртеррористической политики // Наука. Общество. Оборона. – 2019. – Т.7. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-migratsiei-kak-element-kontrterroristicheskoi-politiki/viewer> (дата обращения: 28.11.2022).

ряда исследователей, несёт серьёзную угрозу⁴⁵². При этом некоторые аналитики пришли к выводу, что хотя более строгие иммиграционные законы могут снизить приток склонных к терроризму иностранцев и, следовательно, потенциально количество будущих террористических атак, ограничения также увеличат и вероятность того, что иностранцы, уже живущие в стране, станут более агрессивными, т.е. радикализируются⁴⁵³. Запреты на иммиграцию, подобные тем, которые были введены в США, вероятно, увеличат краткосрочный риск нападений, прежде чем потенциально снизить риск, когда количество иностранцев среди населения уменьшится⁴⁵⁴.

Иными словами, возникает, на первый взгляд, парадоксальная ситуация. С ростом миграционного потока увеличивается вероятность проникновения террористических элементов, но ужесточение иммиграционной политики и законодательства снижают эту вероятность. С другой стороны, ужесточение иммиграционного законодательства ведёт к тому, что растёт радикализация среди иностранцев, уже проживающих на территории страны-реципиента, а вместе с этим и вероятность совершения террористических атак. Фактически страны, куда стремятся мигранты, попадают в ловушку, поскольку вне зависимости от того, как будут реагировать местные власти, риски совершения терактов возрастают. Это – ещё один каскадный негативный (а в некоторых случаях – деструктивный) эффект, оказываемый антропопоток на общественно-государственную систему стран-реципиентов.

Вместе с этим и вследствие этого активизировались националистические настроения в странах ЕС, проявившиеся в росте популярности правых и ультраправых сил, среди которых «Альтернатива для Германии» (Германия), Датская Народная партия (Дания), «Золотая Заря» (Греция), «Истинные финны» (Финляндия), «Йоббик» (Венгрия), Лига Севера (Италия), «Национальный фронт»

---

⁴⁵² Bąk T. The Wave of Migration in Europe as a Cause of Terrorist Threat // International conference KNOWLEDGE-BASED ORGANIZATION. – 2016. – V. 22. № 1. – P. 1-9.

⁴⁵³ Dreher A., Gassebner M., Schaudt P. Migration and terror [Электронный ресурс] // Centre for Economic Policy Research [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/migration-and-terror> (дата обращения: 28.11.2022).

⁴⁵⁴ Ibid.

(Франция), Партия свободы (Австрия), Партия свободы (Нидерланды), «Шведские демократы» (Швеция) и др. Также усилились антииммиграционные настроения в Великобритании⁴⁵⁵. Есть и альтернативные взгляды, авторы которых считают, что антииммиграционные настроения в Великобритании подогреваются «неспособностью сменяющих друг друга правительств решать реальные проблемы страны», к которым относят жильё, низкие образовательные показатели белого рабочего класса и финансирование общественных услуг⁴⁵⁶. Однако с точки зрения конечного результата – роста антииммиграционных настроений и Brexit – не имеют значения их подлинные причины, т.е. связано ли недовольство местным населением и частью политических сил с самими мигрантами или же их просто использовали в политических целях, списав на них имеющиеся проблемы в стране (в обсуждаемом случае в Великобритании). Важно то, что это стало возможным именно из-за мигрантов.

Таким образом, проблемы с адаптацией и интеграцией мигрантов в общества стран-реципиентов создают угрозу безопасности личности в виде роста числа бытовых преступлений; обществу (вследствие роста проявлений делинквентного поведения в обществах с иной культурой и законами); государству, в частности, из-за инфильтрации экстремистско-террористических элементов под видом беженцев, и т.п.

Возникает вопрос касательно того, являются ли миграционные потоки в страны ЕС, резко усилившиеся в 2015 году, только побочным эффектом военно-политической нестабильности в странах Магриба (Ливия и др.) и Ближнего Востока (Сирия, Йемен и др.), подвергшихся разрушительному воздействию «Арабской весны», внешним фактором которой являлось вмешательство целого ряда стран ЕС при ведущей роли США. По ряду признаков взрывная активация миграционного потока носила искусственный характер. Так, неоднократно появлялась информация об участии и вкладе в этот процесс McKinsey & Company

---

⁴⁵⁵ Goodwin M., Milazzo C. Taking back control? Investigating the role of immigration in the 2016 vote for Brexit // *British Journal of Politics & International Relations*. – 2017. – V. 19. № 3. – P. 450-464.

⁴⁵⁶ Tilford S. Britain, Immigration and Brexit [Электронный ресурс] // Center for European Reform [Официальный сайт]. 2015. URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/bulletin_105_st_article1.pdf (дата обращения: 05.05.2022).

– элитной американской консалтинговой компании по вопросам управления, оказывавшей помощь Германии в вопросе ускорения оборота заявлений о предоставлении убежища беженцам в 2015 году⁴⁵⁷. Между McKinsey & Company, Еврокомиссией и Европейским офисом по вопросам предоставления убежища (The European Asylum Support Office, EASO) в марте 2016 года была заключена сделка, состоявшая в том, что консультанты упомянутой фирмы давали рекомендации Германии о том, как ускорить рассмотрение заявлений о предоставлении убежища. В частности, сделка помогла сократить переходы через Эгейское море. Центральным моментом стала ускоренная пограничная процедура для рассмотрения заявлений о предоставлении убежища в течение 15 дней, включая апелляцию.

К сентябрю 2016 года McKinsey & Company сформировала предложение под названием «Поддержка Европейской комиссии посредством интегрированного управления беженцами». Предложение было подписано в октябре 2016 года Маартеном Вервеем (Maarten Verwey), который в 2015 году стал генеральным директором Службы поддержки структурных реформ (Structural Reform Support Service или SRSS, ныне DG REFORM; координируется Генеральным директоратом Европейской комиссии). Смысл деятельности McKinsey & Company состоял в «максимальном повышении производительности», т.е. в рассмотрении как можно большего количества дел о предоставлении убежища. Были внедрены «системы управления эффективностью», чтобы стимулировать скорость всего процесса, а также были созданы механизмы для «мониторинга» еженедельной производительности («output») комитетов, рассматривающих апелляции отклоненных просителей убежища. В своём заключительном отчёте за май 2017 года McKinsey & Company

---

⁴⁵⁷ Stavinoha L., Fotiadis A. Asylum Outsourced: McKinsey's Secret Role in Europe's Refugee Crisis [Электронный ресурс] // Balkan Insight [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://balkaninsight.com/2020/06/22/asylum-outsourced-mckinseys-secret-role-in-europes-refugee-crisis/> (дата обращения: 07.05.2022). Кроме того, подробную статью о деятельности компании McKinsey & Company во время и после миграционного кризиса в Европе см.: Stanley-Becker I. How McKinsey quietly shaped Europe's response to the refugee crisis [Электронный ресурс] // The Washington Post [Официальный сайт]. 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/how-mckinsey-quietly-shaped-europes-response-to-the-refugee-crisis/2017/07/23/2cccb616-6c80-11e7-b9e2-2056e768a7e5_story.html (дата обращения: 07.05.2022).

заявила об успехе в «сокращении общей продолжительности процесса» процедуры предоставления убежища до 11 дней по сравнению со средним показателем в 170 дней в феврале 2017 года.

В сети Интернет появлялись сайты, поддерживаемые американскими исследовательскими центрами по типу Института Айн Рэнд (Ayn Rand Institute)⁴⁵⁸, которые активно призывали к оказанию помощи беженцам именно в 2015 году. При этом уже на протяжении нескольких лет регионы Магриб и Ближний Восток (откуда исходило наибольшее число беженцев) находились в дестабилизированном состоянии, однако в предыдущие годы подобные организации не были созданы и их нынешних руководителей тогда не беспокоила судьба беженцев.

Существует и ряд других свидетельств искусственного стимулирования исхода беженцев и способствование формированию общественного мнения в ряде стран-реципиентов касательно положительного отношения к беженцам и их прибытию. В частности, специалист по контент-аналитическим исследованиям В.И. Шалак провел исследование, в котором собрал свыше 19 тыс. текстов в Twitter во время миграционного кризиса. Он выяснил, что среди названий европейских государств чаще всего упоминалась Германия, на которую приходилось более половины сообщений⁴⁵⁹, второе место заняла Австрия с 21%. Анализ твиттов, где упоминается только Германия, показал, что в 93% из них выражалось восхищение гостеприимством, а также гуманной политикой немецкого народа по отношению к беженцам. При этом в рейтинге региональной принадлежности аккаунтов восьми стран-лидеров, приглашавших

---

⁴⁵⁸ Так, на одном из подобных сайтов fluchthelfer.in, зарегистрированном 9 марта 2015 г., прямо заявлялось о решении начать кампанию, «которая продвигала бы идею помощи беженцам в пересечении границ ЕС, например, путём подвоза беженцев на обратном пути из отпуска. И угадайте, что? Отклик на это был потрясающий! На нашем сайте fluchthelfer.in мы предоставили людям некоторую основную информацию о том, как действовать, чтобы стать [Fluchthelfer.in](http://fluchthelfer.in). По всей стране плакаты появлялись на улицах и даже перед учреждением для нерезидентов Берлина. GDR-Fluchthelfer были награждены орденами ФРГ еще в 1990-х годах». Примечательно, что на 09.03.2023 сам сайт fluchthelfer.in был недоступен даже с использованием VPN-сервисов, однако информация сохранилась на ресурсе «The Peng! Collective». См.: [Fluchthilfe is not a crime \[Электронный ресурс\] // The Peng! Collective. URL: https://pen.gg/campaign/fluchthelfer.in/](https://pen.gg/campaign/fluchthelfer.in/) (дата обращения: 18.10.2022).

⁴⁵⁹ Данную информацию В.И. Шалак сообщил в одном из своих интервью. См.: Черных Е. Вторжение беженцев в Европу организовали через Твиттер США и Англия [Электронный ресурс] // Комсомольская правда [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://www.kirov.kp.ru/daily/26434.4/3305391/> (дата обращения: 10.05.2022).

беженцев в Германию, на саму Германию пришлось только 6.4% (третье место) аккаунтов, зато на первом оказалась Великобритания (19.2%), а на втором США (17.0%)⁴⁶⁰, причём первоначально проценты для Великобритании и США были вдвое меньше. Также были задействованы боты. Выяснилось и то, что сообщения по типу «#REFUGEES WELCOME» шли с аккаунта @LotteLeicht1, принадлежащий Лотте Лейхт, директору европейского бюро правозащитной организации Human Rights Watch (HRW) со штаб-квартирой в США, г. Нью-Йорк⁴⁶¹. Офис Л. Лейхт расположен в Брюсселе.

Отметим, что одним из важнейших итогов миграционного кризиса 2015-2016 гг. стал т.н. Brexit – выход Великобритании из ЕС, за что британцы проголосовали на референдуме 23 июня 2016 года. Целый ряд исследователей и обозревателей отметили связь Brexit прежде всего с иммиграцией (для рабочего класса данная проблема острее, чем для элиты⁴⁶²), а все остальные причины шли за ними⁴⁶³.

С учётом сказанного есть основания считать, что всплеск миграционной активности (включая беженцев) в 2015-2016 гг. не был флуктуацией, а являлся следствием согласованных по целям и задачам действий со стороны крупных ТНК, глобальных формально неправительственных организаций и, возможно, спецслужб. Фактически речь идёт об использовании миграционных масс в

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ Human Rights Watch – глобальная и формально неправительственная организация, но в реальности имеющая связи с правительствами западных стран, главным образом США, а также с такими организациями, как Фонд Сороса, подозреваемый в связях с американскими спецслужбами и активно участвовавший в подготовке «цветных революций», в частности, на Украине. См.: Human Rights Watch [Электронный ресурс] // NGO Monitor [Официальный сайт] 2020. URL: https://www.ngo-monitor.org/ngos/human_rights_watch_hrwh/ (дата обращения: 10.05.2022); George Soros to Give \$100 million to Human Rights Watch [Электронный ресурс] // Human Rights Watch [Официальный сайт]. 2010. URL: <https://www.hrw.org/news/2010/09/07/george-soros-give-100-million-human-rights-watch> (дата обращения: 10.05.2022); Дудчак А.В. О роли неправительственных и некоммерческих организаций, финансируемых из-за рубежа, в разрушении государственного суверенитета, на примере деятельности Фонда Сороса на Украине в период с 1991 г. до февраля 2014 г. // Постсоветский материк. – 2019. – № 3. – С. 54-80.

⁴⁶² Bartholomew J. Britain's great divide [Электронный ресурс] // The Spectator [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/britain-s-great-divide> (дата обращения: 10.05.2022).

⁴⁶³ См.: Родыгина Н.Ю. и др. Брексит: ход переговоров, перспективы, экономическая оценка // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 2. – С. 72-86; Navarro B. La Unión Europea se prepara para encajar su ruptura [Электронный ресурс] // La Vanguardia [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20160624/402728272246/union-europea-ruptura-brexit.html> (дата обращения: 10.05.2022); Tavares R. O «Brexit» e os seus admiradores [Электронный ресурс] // Publico [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.publico.pt/2016/06/24/opiniao/opiniao/o-brexit-e-os-seus-admiradores-1736182> (дата обращения: 10.05.2022).

качестве оружия колоссальной разрушительной силы для достижения стратегических целей. Возможность использования антропопотока в качестве оружия следует из вышеперечисленных аргументов, а также соответствия ранее данному определению термину «оружие». Релокация инородных элементов наносит комплексный ущерб странам-реципиентам, и в этой связи можно сказать, что речь идёт об использовании *миграционного оружия*. Сформулируем определение данного термина:

*Миграционное оружие – это массовый исход беженцев из региона, где искусственным образом были созданы условия, представляющие угрозу для жизни местного населения, которое контролируется направляется в конкретные страны с целью оказания на их правительства и общества политического, социокультурного, экономического и психологического воздействий в интересах инспириаторов данного кризиса*⁴⁶⁴.

У миграционного оружия существует три основных поражающих фактора. Первым является интенсификация антропопотока, когда в единицу времени увеличивается количество человек, прибывающих в страну-реципиент. В результате, институты принимающих стран оказываются неспособны в столь короткие отрезки времени абсорбировать такое количество новоприбывших инородных элементов. Организаторы данного кризиса стремятся вызвать просчитываемую ими реакцию со стороны «объектов-мишеней» (т.е. государств, куда направляются беженцы) для достижения определенных геополитических и других целей⁴⁶⁵. В случае с кризисом 2015-2016 гг. этой целью был Brexit и активация «распада ЕС». Резкое увеличение количества прибывающих мигрантов, включая беженцев, выявило неспособность европейских институтов справиться с

⁴⁶⁴ Впервые определение миграционного оружия было сформулировано в статье: Стригунов К.С. Миграционный удар по Европе. Уроки для России [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://riss.ru/mail/20645/> (дата обращения: 10.05.2022). Впоследствии оно было модифицировано в сборнике докладов Центра военно-политических исследований МГИМО. См.: Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России. Международная научная конференция (Центр военно-политических исследований МГИМО) / Сборник докладов под ред. Подберезкина А.И. Москва, 2016. С. 88–97. В данном диссертационном исследовании приводится именно модифицированный вариант определения термина «миграционное оружие».

⁴⁶⁵ Стригунов К.С., Безвербный В.А. Современные проблемы политической демографии и вопросы безопасности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2020. – № 3. – С. 21-38.

этим вызовом, а именно обустроить мигрантов, что привело к каскадным эффектам в виде серии кризисных ситуаций (усилению ксенофобских настроений, существенным затратам на мигрантов, в т.ч. беженцев, росту криминала и террористической активности, пр.). Полагаем, если бы антропопоток растянулся во времени хотя бы на 5, 7 или более лет, то такого деструктивного эффекта удалось бы избежать.

Вторым поражающим фактором являются долгосрочные негативные последствия, связанные с изменением этнорелигиозного состава стран-реципиентов.

Третьим поражающим фактором является создание косвенного воздействия на «объект-мишень» более высокого уровня приоритета. Ключевые европейские страны во время миграционного кризиса 2015-2016 гг. являлись «объектами-мишенями» I-го уровня приоритета, при этом сам Европейский Союз, являясь наднациональной организацией, выступал в качестве «объекта-мишени» II-го уровня приоритета, в т.ч. вследствие активации Brexit.

По сути, при помощи миграционного оружия оказывается возможным решать особые задачи стратегического уровня, которые либо не решаются альтернативными средствами и способами, либо эти средства и способы несут в себе неприемлемые риски и побочные эффекты. Высокая эффективность миграционного оружия и его весьма специфический характер, а вместе с этим стратегический уровень решаемых с его помощью задач, приводят к выводу, что в будущем некоторые государственные и наднациональные акторы в состоянии использовать его при достижении собственных целей.

Помимо различия целей по уровням приоритета, воздействие методами и технологиями неклассических войн различаются в зависимости от деструктивности такого воздействия на «объект-мишень». Разумеется, разделение носит в некоторой степени условный характер и в зависимости от выбранного метода исследования можно выделить разное количество таких уровней – от минимального («мягкого», без катастрофических последствий для населения, элит и территориальной целостности государства или наднационального актора) до

самого катастрофического (вплоть до прекращения существования государства, массовой гибели населения, активации миграционных потоков, масштабных разрушений инфраструктуры). Например, в относительно «мягкой» форме агрессор добивался данного результата в Грузии (2003 г.) и на Украине (2004-2005 гг.). В этих случаях удавалось избежать массовой гибели населения. Вместе с тем существуют примеры, когда последствия были гораздо тяжелее, в частности, украинский случай, но уже 2013-2014 гг. (утрата части территорий, последовавшая война на Донбассе, а затем СВО), а также война в Йемене⁴⁶⁶ и Сирии, которые как единые государства де-факто прекратили существовать. Многие зависят от степени устойчивости «объекта-мишени».

К характеристикам, влияющим на устойчивость общественно-государственной системы «объекта-мишени», следует отнести единство (монолитность) властной системы, социально-экономические проблемы и уровень социальной поляризации, наличие межэтнических и межрелигиозных противоречий внутри общества «объекта-мишени», менталитет его народа и культурно-исторические особенности. Последние две характеристики вместе с фактором единства (монолитности) властной системы и уровнем её организации являются важнейшими факторами во времена исторических экстремумов.

Также немаловажно отметить внешнеполитический фактор, т.е. поддержку со стороны других государств, без которой «объекту-мишени» часто крайне сложно противостоять технологиям неклассической войны. Так, без внешней поддержки правительство Б. Асада практически не имело шансов для противодействия внешней интервенции руками экстремистско-террористических формирований, чья военная активность координировалась и была усилена наёмниками и силами специального назначения ряда стран НАТО и Ближнего Востока⁴⁶⁷. К 2015 году это стало очевидно после того, как боевики захватили

---

⁴⁶⁶ В Йемене были использованы технологии «цветных революций» во времена «Арабской весны», т.е. ещё до интервенции Саудовской Аравии и ряда других арабских государств в 2015 году.

⁴⁶⁷ Котляр В.С. Война в Сирии в свете норм международного права о применении государствами силы в международных отношениях // Международная жизнь. – 2013. – № 12. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/995> (дата обращения: 28.11.2022).

провинцию Идлиб⁴⁶⁸. Колоссальная ресурсная диспропорция между проасадовскими силами и его противниками, которые опирались на ресурсы некоторых западных и ближневосточных стран, неизбежно вела Дамаск к логическому финалу в виде военного поражения, вероятно, с фатальными последствиями для самого Б. Асада, его семьи и ближайшего окружения. Только фактор вступления в войну сначала Ирана, а затем и России позволил изменить стратегическую ситуацию в войне⁴⁶⁹. Следовательно, устойчивость политического режима часто крайне сильно зависит от того, насколько велика его поддержка извне, особенно, если ресурсы «объекта-мишени» существенно уступают суммарным ресурсам и уровню технологий нападающей стороны.

Если применения в отношении «объекта-мишени» технологий «мягкой силы» (информационных операций, политико-дипломатического и/или экономического типов воздействий) оказывалось недостаточно, тогда агрессор переходил к непосредственному устранению неугодного режима. При этом чем дольше политический режим демонстрирует устойчивость в отношении применяемых против него технологий неклассических войн, тем всё более жёсткие их формы применяет агрессор для достижения конечной цели – установления насильственного контроля над «объектом-мишенью». Устойчивость, демонстрируемая «объектом-мишенью», определяет форму неклассических войн, к которой прибегает нападающая сторона. Такой вывод соответствует концепции Й. Галтунга (см. параграф 1.1), согласно которому культурное насилие создает условия для структурного, которое, в свою очередь, выступает основой для прямого насилия. При этом в случае неклассических войн культурное насилие насаждается извне с помощью информационных и когнитивных технологий в рамках «мягкой силы», тем самым формируются условия для насилия структурного. Если структурного насилия оказывается недостаточно, тогда используется прямое насилие, выражающееся в

---

⁴⁶⁸ Источник: песчаная буря помогла боевикам захватить авиабазу в Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://ria.ru/20150909/1240133062.html> (дата обращения: 19.05.2022).

⁴⁶⁹ Манойло А.В., Стебнева А.В., Стригунов К.С. Иранский фактор вступления России в сирийскую войну: причины и стратегические риски // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10. № 12. – С. 2883-2893.

насильственных действиях протестных групп или, например, (как одна из крайних мер в неклассических войнах) в действиях парамилитарных формирований.

Таким образом, становится возможным сформулировать ещё одно важное свойство неклассических войн: *разрушительное воздействие неклассической войны на «объект-мишень» есть функция от устойчивости его государственной и социальной систем, т.е. чем дольше «объект-мишень» демонстрирует стойкость, тем более разрушительные типы неклассической войны задействуются агрессором в его отношении при условии наличия возможностей для этого.*

Так, в Сирии, после того, как одних протестов, организованных с помощью технологий «цветных революций», оказалось недостаточно для свержения Б. Асада, в кратчайшие сроки была резко усилена эскалация. Нападающая сторона перешла к фазе более жёсткой агрессии, в которой в качестве сетевых групп вместо молодёжных протестных движений были задействованы транснациональные иррегулярные (парамилитарные) террористические формирования исламистского типа, впоследствии усиленные наёмниками, криминальными элементами⁴⁷⁰ и бойцами спецподразделений. В результате, агрессия перешла в фазу, чаще всего именуемую гибридной войной, хотя есть и альтернативные термины и концепции, например, упомянутая в главе I «технология системно-сетевой войны»⁴⁷¹.

На примере войны в Сирии хорошо проявляется специфическая особенность неклассических войн. Если в классической (прямой, с основной ставкой на ВС) войне нападающая сторона осуществляет концентрацию войск, после чего наносит удар и ведёт наступление с максимальным напряжением всех своих сил, стремясь нанести как можно больший урон по противнику («объекту-мишени»), то в неклассических войнах ситуация иная. Агрессор действует от

---

⁴⁷⁰ Basra R., Neumann P., Brunner C. Criminal Pasts, Terrorist Futures: European Jihadists and the New Crime-Terror Nexus [Электронный ресурс] // The International Centre for the Study of Radicalisation [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2016/10/ICSR-Report-Criminal-Pasts-Terrorist-Futures-European-Jihadists-and-the-New-Crime-Terror-Nexus.pdf> (дата обращения: 19.05.2022).

⁴⁷¹ См.: Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. – 832 с.

противника, в зависимости от того, насколько высокую степень устойчивости демонстрирует «объект-мишень». Чем дольше «объект-мишень» оказывает сопротивление, тем бóльшие ресурсы вкладывает агрессор в попытке установить над ним насильственный контроль. Это же приводит и к ужесточению форм неклассических войн, поскольку если над «объектом-мишенью» оказывается невозможно в разумные сроки перехватить управление через «цветную революцию», то агрессор способен перейти к стадии гибридной войны.

Как следствие, в неклассических войнах наблюдается постепенное усиление давления, что отличает их от классических, в которых по «объекту-мишени» нападающая сторона стремится сразу нанести удар с максимальной силой⁴⁷². С переходом к всё более деструктивным формам неклассических войн (условно: от уровня «мягкой силы» при помощи НПО, НКО, СМИ и т.п. к уровню явной гибридной войны) всё отчётливее проявляется другое свойство, а именно то, что чем большую устойчивость демонстрирует «объект-мишень», тем всё более системным и всеохватным становится агрессия в отношении него со стороны агрессора⁴⁷³. В пределе – вся общественно-государственная система «объекта-мишени» подвергается деструктивному внешнему воздействию, при этом все социальные страты вынужденно втягиваются в противодействие ему. Поэтому сопротивление агрессии осуществляется не только профильными ведомствами, т.е. вооруженными силами, спецслужбами, внутренними войсками (национальной гвардией, жандармерией и пр.), полицией и т.п., но и вообще всеми общественными структурами и государственными институтами как единой системой. Следует отметить и то, что в процессе перехода от сравнительно «мягкого» сценария (например, «цветных революций» с минимальным уровнем насилия) к жёсткому (например, сирийский или йеменский вариант до интервенции Саудовской Аравии) проявляется эффект диффузии состояния

---

⁴⁷² Это неудивительно; как писал ещё К. фон Клаузевиц: «...вялое наступление может быть остановлено самым слабым сопротивлением». См.: Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. С. 222.

⁴⁷³ Речь идёт о тех случаях, когда агрессор не отказывается от своих целей в виде установления насильственного контроля над «объектом-мишенью» из-за нехватки ресурсов и других факторов, в числе которых неблагоприятная внутривнутриполитическая ситуация и/или если на внешнеполитической арене возникнут такие негативные обстоятельства, которые бы вынудили агрессора отступить от своих планов в отношении «объекта-мишени».

«мира» и «войны». Фактически эти два состояния перестают быть различимы между собой. С развитием новых форм неклассических войн сегрегация состояний мира и войны ещё больше усложнится. Кроме того, ликвидируются понятия «фронт» и «тыл»⁴⁷⁴, а также становится крайне затруднительно определить точное время начала или окончания такого типа агрессии.

Сущность воздействия на «объект-мишень» в зависимости от уровней приоритета в неклассических войнах осталась неизменной по сравнению, например, с эпохой феодализма и феодальной раздробленности. Говоря о новейших вооруженных конфликтах, П.А. Цыганков отметил, что они, «став фактом современной глобальной стратегической обстановки», не отменили фундаментальных признаков «традиционных войн», а их сутью, как и прежде, «остается борьба за власть, их "творцами" и "драйверами" – политические элиты государств, а сама война сопровождается смертельными жертвами. Иначе говоря, война остается продолжением политики, государство остается её субъектом, и она носит кровавый характер»⁴⁷⁵. Отличие состоит в том, как и с помощью чего именно осуществляется такое многоуровневое воздействие. В настоящее время, в отличие от прошлых эпох, в т.ч. феодализма, применяются средства, методы и технологии, которые в то время были недоступны, включая сетевые, когнитивные и информационно-коммуникационные технологии, а также технологии рефлексивного управления и организационного поведения. Это особенно заметно на примере событий в Сирии (2011 г. – н.в.), на Украине (2013-2014 гг., СВО), в ЕС (2015-2016 гг., миграционный кризис), когда осуществляемые гибридные войны, «цветные революции» или применение миграционных потоков в качестве оружия наносят опосредованный урон «объекту-мишени» более высокого уровня приоритета.

---

⁴⁷⁴ Гилёв А.О. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т.12. № 5. – С. 47-56.

⁴⁷⁵ «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова, А.Ю. Шутова. – М.: Издательство Московского университета. 2015. С. 27.

2.4. Внестоличные формы осуществления «цветных революций»

Применяемые технологии «цветных революций» используются агрессором не только исключительно для свержения неугодного режима. Как было показано в первой главе, «цветные революции» являются формой неклассических войн, смысл и конечная цель которых такая же, как и в войне классической (где агрессор делает основную ставку на свои ВС и ВС своих союзников, если таковые есть) – установление насильственного контроля над государством («объектом-мишенью»). При этом возможна ситуация, когда негодная актору (нападающей стороне) власть «объекта-мишени» слишком устойчива для того, чтобы её демонтировать на данном историческом отрезке с помощью «цветных революций» или другими средствами, методами и технологиями неклассических войн. Однако данный фактор не препятствует применению указанных технологий. Воздействие на негодный режим с их помощью может осуществляться с целью оказания на него определенного влияния (управления, принуждения к чему-либо). В этом случае агрессор стремится не свергнуть режим (на данном историческом отрезке), а принудить его к чему-либо (уступкам и т.п.). Иными словами, свержение неугодного режима следует рассматривать лишь как частный случай целей, преследуемых агрессором.

К таким случаям относится внестоличная форма «цветной революции», попытка осуществления которой была предпринята в Гонконге, начиная с марта 2019 года и продолжавшаяся в течение почти всего 2020 года, с перерывами на карантин в связи с пандемией COVID-19. Её целью являлась Китайская Народная Республика, в отношении которой администрацией Д. Трампа осуществлялась колоссальная по своему размаху система взаимоувязанных операций, конечный

смысл которых состоял в сдерживании КНР. Попытка осуществления внестоличной формы «цветной революции» в Гонконге является её важным элементом.

Одной из ключевых причин активации беспорядков в Гонконге стала т.н. торговая война, инициированная администрацией Д. Трампа. Целью торговой войны было изменение существовавшего диспаритета в торговле между двумя странами, а вместе с этим осуществлялся подрыв ресурсной базы КНР, который мог перерасти для китайского руководства в войну на истощение. Как ранее было отмечено, при Д. Трампе предпринималась попытка восстановить реальный сектор экономики, а также провести реиндустриализацию, поэтому ликвидация существовавшего диспаритета в торговле для него являлась важной задачей⁴⁷⁶.

Заметим, что противодействие Китаю – во многом консенсус внутри американских элит, и основное отличие состоит в том, как именно ему противостоять. Поскольку Д. Трамп представлял реальный сектор экономики и активно выступал за увеличение рабочих мест, то обоснование для увеличения пошлин на китайские товары у него имелось ещё до его победы на выборах 2016 года, тем более Китай во многом всё ещё экспортно-ориентированная страна (хотя и в существенно меньшей степени, чем 15-20 лет назад⁴⁷⁷), а значит, уязвим перед ростом пошлин. Параллельно с этим в отношении Китая велась широкомасштабная подрывная деятельность, направленная против его высокотехнологичных компаний по типу Huawei, ZTE и др. Против китайских компаний вводились санкции, и одна из основных целей этого состояла в том, чтобы сдержать развитие КНР в переходе от устаревшей модели экономики,

---

⁴⁷⁶ Подробнее см.: Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия-Телеком, 2020. – 378 с. Также см.: Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19. № 1. – С. 35-46; Наварро П.У. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы / пер. с англ., науч. ред. А. Козуляева. – М.: Вершина, 2007. – 272 с.; Наварро П.У., Отри Г.У. Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом / пер. с англ., науч. ред. Е.Н. Румянцев. – М.: Синосфера, 2017 – 329 с.

⁴⁷⁷ С 2008 года доля экспорта в китайском ВВП упала с почти 33% до чуть более 18%. См.: China – Exports Of Goods And Services (% Of GDP) [Электронный ресурс] // Trading Economics [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports-of-goods-and-services-percent-of-gdp-wb-data.html> (дата обращения: 13.04.2022).

основанной на дешёвой рабочей силе⁴⁷⁸, к экономике высокотехнологичной, и роль китайских гигантских ТНК в этой стратегии развития значительна. Поэтому удар по ним автоматически наносит существенный урон по амбициям Пекина, одновременно с этим сдерживая рост его экономики.

Другой составляющей комплексного сдерживания КНР является дестабилизация стран, которые входят в т.н. «Один пояс – один путь» – колоссальный транспортно-логический и инфраструктурный проект стратегического назначения, имеющий трансконтинентальный масштаб⁴⁷⁹. Уже неоднократно фиксировалось, что против стран, входящих в этот проект, осуществляются попытки дестабилизации ситуации внутри них. Например, против Ирана, втянутого сразу в несколько конфликтов (в Сирии, Ираке и Йемене), в отношении которого со стороны США при Д. Трампе велась полномасштабная санкционная война, развязанная с целью вынудить его надорваться в своей внешней военно-политической активности⁴⁸⁰. Иран играет важную роль в реализации китайского проекта «Один пояс – один путь», поскольку через его территорию проходит т.н. «Центральный коридор» сухопутной части этого проекта. Иными словами, по земле маршруты из Китая в Европу обязательно проходят через Россию и Иран, поскольку его территория находится между Каспийским морем и Персидским заливом. Следовательно, способов сухопутной доставки товаров из Китая в Европу (или наоборот) всего два и один из них проходит через Иран. Причём значимость Ирана для китайского проекта определяется тем, что через его территорию пройдут потоки товаров в обоих направлениях. Следовательно, дестабилизация иранского государства

⁴⁷⁸ Согласно информации Euromonitor International, уже в 2016 году стоимость труда рабочего из Китая равнялась 3.6 USD в час (с 2005 года произошло трёхкратное увеличение). В качестве сравнения приведем аналогичные данные для Индии и Португалии. Для этих стран показатель стоимости труда рабочего составил 0.7 и 4.5 USD в час соответственно. См.: China Still Lucrative for businesses Despite the Rising Wage Rates [Электронный ресурс] // Euromonitor International [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://blog.euromonitor.com/china-still-lucrative-businesses-despite-rising-wage-rates/> (дата обращения: 13.04.2022).

⁴⁷⁹ Editorial. Build a sustainable Belt and Road // Nature. – 2019. – V. 569. № 7757. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-01309-0> (дата обращения: 28.11.2022); Masood E. How China is redrawing the map of world science // Nature. – 2019. – V. 569. № 7757. – P. 20-23.

⁴⁸⁰ См.: Манойло А.В., Стригунов К.С. Геополитическая напряженность вокруг Ирана в локальном, региональном и глобальном контекстах // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. № 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008089-6-1/> (дата обращения 28.11.2022).

автоматически подрывает один из основных маршрутов проекта «Один пояс – один путь».

Аналогичная ситуация и в зоне Южно-Китайского моря (ЮКМ), где на протяжении нескольких лет наблюдается военно-политическая эскалация, обусловленная значимостью этого моря для обеспечения национальной безопасности и стратегических интересов целого ряда государств Юго-Восточной Азии (Вьетнама, Малайзии, Индонезии и др.), а также Китая⁴⁸¹. Кроме того, данный регион входит в зону стратегических интересов США, что является дополнительным фактором дестабилизации, поскольку Вашингтон в полной мере понимает, насколько важен контроль над ЮКМ, по которому, помимо прочего, идет т.н. Морской шёлковый путь, входящий в проект «Один пояс – один путь». Значимость ЮКМ обусловлена и тем, что без контроля над ним невозможно полноценно контролировать стратегический Малаккский пролив, соединяющий ЮКМ с Андаманским морем, через который проходит одна треть мировых перевозок нефти и одна четверть всех грузовых перевозок в мире. Оба моря выполняют роль входа и выхода из Малаккского пролива, т.е. его подлинный контроль Китаем невозможен без усиления им своего военного присутствия в географически близких к проливу регионах. Поэтому Китай создает искусственные острова в ЮКМ, где размещает свои военные базы, а на территории Шри-Ланки, находящейся от Андаманского моря на расстоянии около 1680 км (т.е. военное присутствие на Шри-Ланке позволяет контролировать подходы к Андаманскому морю, а значит, и к Малаккскому проливу со стороны Индийского океана), ещё в январе 2019 года госкорпорация Китая завершила работы по расширению и освоению прибрежной полосы в порту г. Коломбо⁴⁸². И хотя в посольстве Китая отрицали заявления бывшего американского вице-президента М. Пенса о стремлении Китая построить военную базу в порту

---

⁴⁸¹ Новосельцев С.В. Конфликт в Южно-китайском море в XXI веке: эволюция позиций участников // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9. № 3. – С. 88-100.

⁴⁸² Китай завершил масштабный проект расширения береговой зоны в порту Коломбо [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://ria.ru/20190117/1549469337.html> (дата обращения: 14.04.2022).

Хамбантота (юг Шри-Ланки)⁴⁸³, но логика защиты ключевых транспортных артерий указывает на то, что такая вероятность весьма отлична от нуля. В противном случае под угрозу враждебных действий со стороны США и, возможно, Индии ставится основная часть Морского шёлкового пути, что для Китая неприемлемо.

На фоне противодействия китайскому проекту («Один пояс – один путь»), ввода санкций, препятствий китайским высокотехнологичным компаниям на западных рынках и торговой войны в марте 2019 г. активировались дестабилизирующие процессы в специальном административном районе Гонконг (Сянган), которые относятся к внестоличной форме «цветных революций». Для осуществления данной технологии требовался предлог, на роль которого было выбрано решение властей Гонконга принять законопроект об экстрадиции преступников. Отметим, что у Гонконга отсутствует соглашение с материковым Китаем (а кроме него с Макао и Тайванем) в данном вопросе. Принятие закона об экстрадиции делало законным выдачу Пекину лиц, нарушивших китайские законы. С подачи китайских властей данную инициативу активно продвигала Кэрри Лам – глава гонконгской администрации. Противники законопроекта интерпретировали его как «смерть автономии», поскольку считали, что его принятие может открыть путь для экстрадиции на материк диссидентов и правозащитников, т.е. тех, кто выступает с антипекинских (и даже антикитайских) позиций. Как следствие, активизировались массовые беспорядки, численность которых оценивалась от 240 тыс. (оценки властей) до 1.03 млн. человек (согласно информации организаторов беспорядков), что превосходило численность т.н. «революции зонтиков» 2014 года. Фиксировались погромы⁴⁸⁴, зачинщиками беспорядков предпринимался штурм парламента, они парализовали важные

---

⁴⁸³ US Vice President warns Sri Lanka on China funded port [Электронный ресурс] // Colombo Gazette [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://colombogazette.com/2018/10/06/us-vice-president-warns-sri-lanka-on-china-funded-port/> (дата обращения: 14.04.2022).

⁴⁸⁴ China Still Lucrative for Businesses Despite the Rising Wage Rates [Электронный ресурс] // Euromonitor International [Официальный сайт] 2017. URL: <https://blog.euromonitor.com/china-still-lucrative-businesses-despite-rising-wage-rates/> (дата обращения: 15.04.2022).

транспортно-логистические узлы (аэропорт и др.), применялось насилие в отношении полиции и т.п.

Примечательно, что незадолго до этого Хуа Чуньин (официальный представитель китайского МИД) прямо указала на то, что за насилием стоят США⁴⁸⁵. В открытых источниках стали публиковать сведения о финансировании событий в Гонконге из-за рубежа. Так, по данным гонконгской газеты «Дагунбао» («Ta Kung Pao»), участвовавшая в беспорядках организация «Контроль за правами человека в Гонконге» («Hong Kong Human Rights Watch») с 1995 года частично финансируется NED. Сумма помощи, оказываемой со стороны NED, превысила 15 млн. гонконгских долларов⁴⁸⁶. Ситуация напоминает «революцию зонтиков» в Гонконге в 2014 году, в которой также фиксировались признаки «цветной революции», как отмечали некоторые отечественные специалисты⁴⁸⁷.

Другая гонконгская газета «Вэньхуэйбао» («Wen Wei Po») сообщила, что с 1995 года по начало 2015 года NED через свой филиал оказывал поддержку гонконгской оппозиции. Согласно оценкам, объем финансирования превысил 3.95 млн. USD. Причем, по данным самого NED, в 2018 году среди стран, получавших ассигнования от этой организации, КНР заняла первое место – 6.5 млн. USD. Отметим, что эта сумма является лишь «вершиной айсберга»⁴⁸⁸, т.к. большая часть расходов NED не разглашается из-за «чувствительности информации с точки зрения распространения». Сам же NED тесно взаимодействует с американским разведсообществом и Конгрессом.

Немаловажная роль в организации беспорядков была отведена медиамагнату Джимми Лаю (Ли Чжиин), являющимся владельцем медиа-компании Next Digital. Его антипекинская деятельность началась еще в 1989 г. во

---

⁴⁸⁵ Китай назвал насилие в ходе протестов в Гонконге «творением» США [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://ria.ru/20190730/1557006794.html> (дата обращения: 15.04.2022).

⁴⁸⁶ По данным «Жэньминь жибао». См.: Каков размер «денежного вознаграждения» от США участникам беспорядков в Сянгане? [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0827/c95181-9609501.html> (дата обращения: 15.04.2022).

⁴⁸⁷ См.: Карпович О.Г. «Революция зонтиков» в Гонконге: признаки цветной революции // Политика и Общество. – 2015. – № 4. – С. 543-548.

⁴⁸⁸ См.: Каков размер «денежного вознаграждения» от США участникам беспорядков в Сянгане? [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0827/c95181-9609501.html> (дата обращения: 16.04.2022).

время событий на площади Тяньаньмэнь, где он занимался раздачей футболок с изображением лидеров студенческих беспорядков. Кроме того, он проявил себя и в событиях времен «революции зонтиков» 2014 года. Тогда Дж. Лай активно взаимодействовал с Мортонем Холбруком (сотрудником дипломатической службы), имевшим тесные связи с Полом Вулфовицем⁴⁸⁹. Сам М. Холбрук возглавлял т.н. Гонконгско-американский центр, который вложил финансовые средства в беспорядки 2014 года (движение «Occupy Central», частью которого и была «революция зонтиков»). По имеющимся сведениям, Дж. Лай вложил свыше 1.2 млн. USD в политические партии с антипекинскими взглядами. Среди них: Демократическая партия (637 тыс. USD) и Гражданская партия (382 тыс. USD)⁴⁹⁰. Помимо этого, Дж. Лай предоставил помощь в 116 тыс. USD т.н. Гонконгскому фонду гражданского образования, а также Гонконгской сети демократического развития. Обе эти организации были основаны Чу Юймином – преподавателем, являвшимся одним из соучредителей движения Occupy Central в 2014 году. На это движение Дж. Лай потратил 446 тыс. USD.

Примечательны и лица, входившие в окружение Дж. Лая. Так, советником у гонконгского медиамагната был сотрудник спецслужб США Марк Саймон⁴⁹¹ (аналитик разведки ВМС США). Этот офицер выступил в качестве организатора встречи Дж. Лая с Сарой Пэйлин (экс-кандидат в президенты США от Республиканской партии). Стоит отметить, что выглядит весьма странным тот факт, что человек, не наделённый никакими властными полномочиями, хотя и спонсировал политические прозападные партии, но сам политиком формально не являлся, получил приглашение от американского руководства посетить Белый дом, где его приняли как политического лидера. Подтверждением этому служит

⁴⁸⁹ П. Вулфовиц – неоконсерватор, бывший министр обороны США. Дж. Лай встречался с ним в Мьянме в том же 2014 году (см.: Cartalucci T. Hong Kong's "Occupy Central" is US-backed Sedition [Электронный ресурс] // New Eastern Outlook [Официальный сайт]. 2014. URL: <https://journal-neo.org/2014/10/01/hong-kong-s-occupy-central-is-us-backed-sedition/> (дата обращения: 16.04.2022)).

⁴⁹⁰ Cohen D. behind a made-for-TV Hong Kong protest narrative, Washington is backing nativism and mob violence [Электронный ресурс] // The Gray Zone [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://thegrayzone.com/2019/08/17/hong-kong-protest-washington-nativism-violence/> (дата обращения: 17.04.2022).

⁴⁹¹ Mark Simon, ex-CIA agent and personal aide of Jimmy Lai wanted by HK police [Электронный ресурс] // Dimsumdaily Hong Kong [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.dimsumdaily.hk/mark-simon-ex-cia-agent-and-personal-aide-of-jimmy-lai-wanted-by-hk-police/> (дата обращения: 17.04.2022).

встреча Дж. Лая в июле 2019 года в Вашингтоне с такими высокопоставленными американскими чиновниками как вице-президент США Майк Пенс, госсекретарь Майк Помпео и советник президента США по национальной безопасности Джон Болтон⁴⁹². Помимо них Дж. Лай провел встречи с влиятельными сенаторами Кори Гарднером, Тедом Крузом и Риком Скоттом⁴⁹³. Точных данных о содержании встречи нет, однако Морган Ортагус, в то время пресс-секретарь Госдепартамента, сообщил, что М. Помпео и Дж. Лай обсуждали события, связанные с предлагаемым законодательством, которое впервые разрешит экстрадицию на материк, а вместе с этим обсудили автономию Гонконга в рамках китайской концепции «Одна страна, две системы»⁴⁹⁴. Впрочем, если учесть прошлое медиамагната, речь шла далеко не только об этом.

Реакция Пекина последовала незамедлительно. Так, на очередной пресс-конференции официального представителя МИД КНР Гэн Шуана (9 июля 2019 г.) на вопрос о встрече Дж. Лая с высокопоставленными американскими чиновниками китайский чиновник ответил, что, неоднократно вмешиваясь в дела Гонконга, США «послали миру совершенно неверные сигналы»⁴⁹⁵. Позже самого Дж. Лая арестовали по подозрению в сговоре с иностранными силами⁴⁹⁶.

Также государственные китайские издания опубликовали информацию, в соответствии с которой имели место контакты лидеров гонконгских беспорядков с американскими чиновниками. Например, известный еще с 2014 года Джошуа Вонг (Joshua Wong) и его сподвижники были запечатлены в отеле Marriott⁴⁹⁷ (Гонконг) вместе с Джули Иде (Julie Eadeh) – сотрудницей Генерального консульства США. Примечательно, что биография этой сотрудницы

---

⁴⁹² Wadhams N. Trump Team Sends Defiant Signal to Beijing by meeting Hong Kong Activist [Электронный ресурс] // Bloomberg [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-07-10/trump-team-sends-defiant-signal-to-beijing-by-meeting-activist> (дата обращения: 18.04.2022).

⁴⁹³ Ibid.

⁴⁹⁴ Ibid.

⁴⁹⁵ Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on July 9, 2019 [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Официальный сайт]. 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1679792.shtml (дата обращения: 18.04.2022).

⁴⁹⁶ Lau S., Delaney R. Hong Kong arrest of media tycoon Jimmy Lai sparks international condemnation [Электронный ресурс] // South China Morning Post [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/3096824/hong-kong-arrest-media-tycoon-jimmy-lai-sparks-international> (дата обращения: 18.04.2022).

⁴⁹⁷ Wei X. Who is behind Hong Kong protests? [Электронный ресурс] // China Daily [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201908/17/WS5d578b28a310cf3e355664f1.html> (дата обращения: 18.04.2022).

американского внешнеполитического ведомства полна пробелов. В частности, на сайте Госдепартамента отсутствуют данные о деятельности Дж. Иде после 2011 года⁴⁹⁸, что вместе с информацией о её опыте (служба в Саудовской Аравии, Ливане, Ираке, Тайване, Китае, Катаре) и знаниями (кроме английского владеет китайским, арабским, французским и испанским языками) указывает на то, что сама Дж. Иде – кадровый сотрудник спецслужб под дипломатическим прикрытием. Таким образом, в участии внешних сил, особенно США, нет никаких сомнений⁴⁹⁹.

В ходе беспорядков в Гонконге для координации участников активно применялись популярные мессенджеры (в первую очередь Telegram), сервисы рассылки файлов (Apple AirDrop), сервисные приложения по типу Uber и Tinder, а также анонимные городские форумы (LINKG)⁵⁰⁰. Данные инструменты позволили организовать беспорядки по принципу «геймификации» (превращение их в подобие компьютерной игры), что привело к высокому уровню координации между участниками и превращению их в сетевые организации. В такой форме противодействие властям оказалось гораздо эффективнее, чем было в 2014 году (во времена «революции зонтиков»).

Отметим, что через инициацию новых протестов в Гонконге Китай также вынуждали применить военную силу. Так, 12 августа 2019 года в СМИ появилась информация о прибытии подразделения Народной вооруженной милиции КНР в г. Шэньчжэнь (провинция Гуандун) на границе с Гонконгом⁵⁰¹. Тогда к границе с Гонконгом была передислоцирована военная техника (например, бронетранспортёры) и военные грузовики. Данный факт указывает на то, что у китайских властей были все основания считать, что потенциал беспорядков

⁴⁹⁸ Women's History month 2011: Julie Eadeh [Электронный ресурс] // U.S. Department of State [Официальный сайт]. 2011. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/ei/pix/womenshistory/2011/157595.htm> (дата обращения: 18.04.2022).

⁴⁹⁹ Помимо приведенных сведений об участии внешних сил в гонконгских событиях, имеются и иные факты. См.: Другой Сянган: как начинался шторм [Электронный ресурс] // Китайская глобальная телевизионная сеть (CGTN) [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://russian.cgtn.com/t/BfJAA-BcA-CcA/DAaBAA/index.html> (дата обращения: 19.04.2022).

⁵⁰⁰ Дудаков М. Цифровая революция в Гонконге [Электронный ресурс] // Центр изучения новых коммуникаций [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://zn.center/upload/img/1452421253.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).

⁵⁰¹ Videos show People's Armed Police assembling in Shenzhen apparently for exercises [Электронный ресурс] // Global Times [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1161155.shtml> (дата обращения: 19.04.2022).

гораздо выше, чем могло казаться со стороны. Использование подразделений Народной вооруженной милиции для подавления беспорядков могло привести к тому, что Гонконг прекратил бы своё существование как глобальный финансовый центр и инвестиционные ворота Китая (две трети инвестиций в КНР проходят через Гонконг в обоих направлениях). Отметим, что беспорядки спровоцировали и отток капитала, достигавший в отдельные периоды 1.6 млрд. USD в сутки⁵⁰². Кроме того, удар по Гонконгу означал проблемы для китайских высокопоставленных партийно-государственных чиновников, которые используют Гонконг в качестве оффшора, т.е. провоцировалось недовольство Си Цзиньпином среди части Коммунистической партии.

Иными словами, Гонконг стал ещё одной болевой точкой для Китая после того, как завершилось провалом т.н. «торговое перемирие» – 90-дневный отрезок времени (с декабря 2018 года по 1 марта 2019 года, заключенное на саммите G20 в Буэнос-Айресе), в течение которого США обязались не повышать пошлины, а КНР обязалась закупать американскую сельскохозяйственную продукцию. В итоге «перемирие» завершилось провалом, и в том же месяце начались первые беспорядки в Гонконге, где закон об экстрадиции стал лишь поводом. Если бы внешним силам удалось спровоцировать Пекин на применение крайних мер (в т.ч. с вводом военных частей), то в определенный момент могла быть задействована, например, технология «неизвестных снайперов», когда и по правительственным силам, и по участникам беспорядков открывается стрельба третьей стороной (как во время украинского «майдана» 2013-2014 гг.). Тогда эскалация резко повышается и входит в самоподдерживающийся режим генерации насилия. Целей бенефициаров мятежа было несколько: вынудить Китай подписать торговую сделку на невыгодных для него (и части его элит) условиях и сдержать его экономический рост, а вместе с этим и геополитические амбиции. Дестабилизация Гонконга – один из каналов давления на Китай в этом вопросе.

---

⁵⁰² Chart of the Day: Overseas Investment Rises and Falls With the mainland Stock market [Электронный ресурс] // Caixin Global [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.caixinglobal.com/2019-05-20/overseas-investment-rises-and-falls-with-the-mainland-stock-market-101417807.html> (дата обращения: 19.04.2022).

Инициаторы внестоличной «цветной революции» в Гонконге (2019-2020 гг.) не преследовали цель свергнуть власть Коммунистической партии Китая. Технология являлась частью комплексного и глобального воздействия Вашингтона на Китай с целью затормозить его рост и в пределе нейтрализовать как стратегического противника и конкурента. Данный пример наглядно демонстрирует то, что захват власти есть лишь частный случай необходимых условий для реализации насильственного контроля над выбранным в качестве «объекта-мишени» государством, достигаемых с помощью технологий «цветных революций». При этом «революцию зонтиков» 2014 г. логично рассматривать зондажной «цветной революцией» внестоличного типа, когда выявлялись уязвимости «объекта-мишени» с целью применения методов и технологий неклассических войн с большей эффективностью в будущем. Зондажная технология дестабилизации в Гонконге в 2014 г. использовалась для гораздо большего уровня дестабилизации Гонконга в 2019-2020 гг. под конкретную цель – принудить Пекин принять условия новой торговой сделки на невыгодных для него условиях.

Если сравнивать гонконгский пример с другими, то проявляются следующие сходства и отличия.

Аналогично событиям в Боливии и Белоруссии, в Гонконге в качестве технологии организации управляемых протестов не использовались площади («майданы»). Вместо них применялись аморфно-роевые группы, которые организовывались в любой точке города, а затем сливались воедино на той или иной улице. При необходимости такие движения распадались, после чего снова могли объединиться, но уже в другом месте. При этом события в Гонконге (Китай) имели существенное отличие от стран, прошедших через «Арабскую весну», на Украине, а до этого в Грузии, где были осуществлены «цветные революции». Основные события в этих странах разворачивались в столицах. Это, конечно, не исключало насильственных действий в других регионах, как, например, захват неонацистскими организованными бандами областных государственных администраций на территории западных и других областей

Украины во времена государственного переворота 2013-2014 гг., однако конечный смысл действий состоял в свержении режима В.Ф. Януковича. Поэтому все основные и самые важные события проходили в столицах, где сосредоточены ключевые государственные учреждения. В Гонконге протестные движения были организованы в специальном административном районе, который не является столицей. Поэтому целью дестабилизации не был и не мог быть демонтаж Коммунистической партии Китая, т.е. самого режима.

В Армении (2018 г.), Боливии (2019 г.) и Белоруссии (2020 г.) наблюдались признаки организации масс населения за пределами столиц, однако и в этих случаях организация протестных групп за пределами столиц осуществлялась для того, чтобы использовать их для движения из глубины в центр («поход на Рим»). Следующим этапом была дестабилизация ситуации именно в столице и попытка свержения действующего политического режима – относительно бескровным или насильственным способом. Выделяется здесь Боливия, поскольку существенная часть государственного переворота прошла за пределами столицы (г. Ла-Пас), например, в департаменте Санта-Крус, однако в итоге суммарные действия оппозиции, нефашистских радикалов и силовых структур привели к свержению Э. Моралеса. Поэтому гонконгский случай, при всех схожестях с другими, имеет выраженную отличительную особенность.

Применение комбинации методов и технологий новейших форм неклассических войн позволяет агрессору адаптивно подходить к своему противнику в соответствии с его внутривнутриполитическими, экономическими, военными и культурными особенностями. Следующим государством, в отношении которого могут быть применены новые методы и технологии неклассических войн, основанные на различных примерах, может стать именно Китай (демонтаж КПК). Учитывая стратегический поворот США при Б. Обаме в Азиатско-Тихоокеанский регион⁵⁰³ с явной антикитайской направленностью, развязанную против Китая торговую войну администрацией Д. Трампа, создание

---

⁵⁰³ Advancing the Rebalance to Asia and the Pacific [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/16/fact-sheet-advancing-rebalance-asia-and-pacific> (дата обращения: 25.05.2022).

трёхстороннего формата сотрудничества AUKUS⁵⁰⁴ при администрации Дж. Байдена и ситуацию вокруг Тайваня, данное предположение имеет основания.

Пример с Гонконгом показал, что в странах с большой площадью территорий возможно применение технологии «DDoS-революции» – организации актором (нападающей стороной) протестов сразу в нескольких проблемных административно-территориальных образованиях «объекта-мишени» с достижением кумулятивного и синергетического эффекта при суперпозиции воздействия от беспорядков, синхронно и/или последовательно инициированных как минимум в нескольких регионах⁵⁰⁵. В Китае к таким регионам (наряду с Гонконгом) относятся Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), Тибет и Внутренняя Монголия. Каждая из технологий (будь то торговая война, подрыв геоэкономических проектов или дестабилизация в китайских регионах) задействуется согласованно и взаимоувязано по целям и задачам в едином комплексе против КНР. В условиях, когда «растущий экономический, политический, военный, информационный, интеллектуальный, креативный потенциал группы ведущих держав (без США) позволяет сформировать коллективный управляющий центр, не совпадающий по своим геополитическим и геоэкономическим контурам с традиционным Западом-центром»⁵⁰⁶, Китай, который входит в число этих ведущих держав, и в дальнейшем может стать «объектом-мишенью» применения новейших средств, методов и технологий неклассических войн. Речь идёт о возможном сопряжении (интеграции) модифицированных версий «цветных революций» и других технологий неклассических войн с целью демонтажа КПК Китая, однако более детальная оценка подобной угрозы нуждается в дальнейших исследованиях.

---

⁵⁰⁴ Joint Leaders Statement on AUKUS [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aucus/> (дата обращения: 21.05.2022).

⁵⁰⁵ См.: Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 4. – С. 157-193.

⁵⁰⁶ Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка // Международные процессы. – 2019. – Т. 17. № 4. (59). – С. 36-48.

2.5. Практические рекомендации по организации системного противодействия формам и методам неклассических войн

Действия России, направленные в отношении акторов, развязавших против неё полномасштабную неклассическую войну, целесообразно соотносить с принципом стратегии не прямых действий, прежде всего в области т.н. большой стратегии, которая, согласно Б. Лиддел Гарту, гораздо шире стратегии военной⁵⁰⁷. Собственно, методы и технологии неклассических войн практически полностью отвечают действиям в соответствии с большой стратегией⁵⁰⁸ не прямых действий, подлинная цель которой – уменьшить возможности сопротивления⁵⁰⁹. В неклассических войнах не существует невоенных методов и средств; напротив, как отмечают исследователи, например, стратегия гибридной войны [как формы неклассических войн – Прим. авт.] преследует решительную цель: разгром противника путём нанесения ему поражения на всех фронтах: информационном, экономическом, военном, дипломатическом⁵¹⁰.

Фактически стратегия неклассических войн в пределе почти совпадает с тем, что понималось под «большой стратегией» Б. Лиддел Гартом. В таком случае все средства, методы и технологии воздействия на противника – от информационно-психологических операций и подрыва экономики до попыток его изоляции и блокады, осуществления кибератак и применения инструментов традиционной дипломатии для изнурения и подавления его воли к сопротивлению

---

⁵⁰⁷ См.: Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий. – М.: АСТ, 2018. – 512 с.

⁵⁰⁸ Под «большой стратегией» Б. Лиддел Гарт понимал стратегию, чья роль состоит в том, чтобы координировать и направлять все ресурсы страны или группы стран на достижение политической цели войны – цели, которая определяется большой, или государственной, политикой.

⁵⁰⁹ Там же. С. 453.

⁵¹⁰ Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. – 2018. – № 10. – С. 5-20.

– являются военными. Отличие состоит в том, является ли война классической или неклассической, т.е. разделение идёт не в дихотомии «война или не война» (или: военные ли это средства, методы и технологии или невоенные), а по тому, на что делается ставка инициатором войны. Если ВС не задействуются или применяются ограниченно в ходе лишения противника возможности к сопротивлению и навязывания ему своей воли, значит, речь идёт о неклассической войне.

Специфика контрмер в неклассических войнах состоит в том, чтобы противодействовать агрессору в:

- 1) информационно-психологической сфере (в т.ч. идейно-ценностной, т.е. ментальной, когнитивной и т.п.);
- 2) экономической сфере;
- 3) в научно-технологической сфере.

Развязанная коллективным Западом полномасштабная неклассическая война против России выявила острую необходимость в переходе на новый качественный уровень в системе отражения агрессии в информационной (информационно-психологической) сфере. Зарубежные организации в координации между собой проводят атаки в отношении России с антироссийским содержанием. Цель такого рода атак состоит в:

- информационной изоляции России;
- максимальной дегуманизации этнических русских и всё, что с ними связано (культурно-цивилизационный аспект), в т.ч. через «cancel culture»⁵¹¹).

Относительно СВО, проводимой ВС РФ на территории Украины, вбрасывается дезинформация в количествах, не имеющих аналогов в истории. Первые месяцы СВО показали, что против России данная агрессия готовилась заблаговременно, создавались «информационные закладки» как раз на такой случай, в информационное поле вбрасывалось гигантское количество фейков, против России проводились стратегические информационные операции

---

⁵¹¹ Культура отмены.

(например, инцидент в г. Буча). Противник поднял интенсивность информационной агрессии до невиданного прежде уровня.

Следует признать, что в ряде аспектов российские ведомства оказались слабо готовы к отражению столь мощной и скоординированной серии атак, не прекращающейся и по настоящее время. Лишь после первой недели СВО борьба в информационном поле усилилась и стала направленной как на его внутрirosсийскую часть, так и на внешнюю, в частности, на весь русскоязычный сегмент Интернета, в т.ч. на территории Украины. Содержание контента с пророссийским нарративом можно разбить на несколько основных частей:

- 1) новостная (собственно информационная) составляющая;
- 2) антифейковая (контрдезинформационная) составляющая;
- 3) пропаганда и контрпропаганда;
- 4) аналитическая составляющая⁵¹².

Часть из задействованных ресурсов в той или иной степени взаимодействует с некоторыми ведомствами России; другие работают на идейно-добровольческих началах.

Работа в информационной сфере ведётся отечественными спецслужбами, другими ведомствами и СМИ. Однако вся указанная деятельность нуждается в координации для усиления информационной мощи России. В этой связи видится разумным создание *единой системы противодействия информационной (информационно-психологической) войне*, которая в себя включает⁵¹³:

- 1) заблаговременное создание контента как для реактивных, так и для проактивных действий в информационно-психологической сфере (ИПС);
- 2) подготовку и осуществление стратегических наступательных операций и контропераций в ИПС в отношении внешних недружественных акторов, в т.ч. для лишения их преимуществ в этом компоненте развязанной против России полномасштабной неклассической войны;

---

⁵¹² См.: Манойло А.В., Петренко А.И., Стригунов К.С. Основные аспекты информационной войны Украины и Запада против России в ходе спецоперации [Электронный ресурс] // Идеология будущего. № 6. [Официальный сайт]. 2022. URL: https://histrf.ru/files/ideology_of_future_6.pdf (дата обращения: 19.01.2023).

⁵¹³ Там же.

3) создание и продвижение патриотического, пророссийского нарратива в российском сегменте информационного поля;

4) преодоление раскоординации и рассинхронизации действий как ведомств, так и частных организаций и лиц, работающих в интересах Российской Федерации в ИПС⁵¹⁴;

5) усиление связи всех ведомств Российской Федерации в деле противодействия в ИПС для создания синергетического эффекта при воздействии на агрессора;

6) осуществление информационной (информационно-психологической) войны с переносом акцента в информационное поле противников;

7) взаимодействие с аналогичными структурами и ведомствами дружественных России государств, т.е. создание коалиции для противодействия системно-тотальной агрессии коллективного Запада в ИПС;

8) разработку технологий проведения всех перечисленных выше мер в ИПС в информационном поле коллективного агрессора, которые позволили бы обходить цензуру, введённую Западом в отношении как российских источников (пророссийской направленности), так и иностранных источников, поддерживающих действия России на Украине;

9) диагностику назревания «цветных революций» и других форм неклассических войн, а также иных социальных возмущений, разработка предложений по их своевременной нейтрализации, что особенно актуально на фоне событий в Белоруссии (август 2020 г.), Казахстане (январь 2022 г.) и в свете развязанной против России полномасштабной неклассической войны после начала СВО.

В нынешних условиях преодоление имеющихся недостатков (технологических и организационных) требует разработки принципиально новых подходов и создание соответствующей структуры, что позволило бы преодолеть

---

⁵¹⁴ В частных беседах с автором данного диссертационного исследования представители различных структур неоднократно отмечали изолированность ведомств в России, существенно осложняющую координацию и взаимодействие в деле противодействия внешним недружественным акторам в ИПС. Преодоление такого рода изолированности, бюрократических препон, является важной задачей при создании единой системы противодействия в ИПС.

изолированность между ведомствами, а также между ведомствами и частными лицами, участвующими на идейно-добровольной основе на стороне России в неклассической войне, развязанной против России коллективным агрессором. Это может быть генеральный информационный штаб, находящийся в прямом подчинении Президента России.

Альтернативный путь – создание организации, функционирующей на основе частно-государственного партнёрства, контролируемой компетентными органами (что логично и в российских условиях неизбежно), но лишённой хотя бы основной части критических недостатков отечественных ведомств, а именно значительной бюрократизации, жёсткой иерархии, боязни брать на себя ответственность и т.д. При этом допустимо, что таких организаций может быть несколько, но все они должны координировать действия между собой – данную функцию следует встроить в их структуру, т.е. без создания дополнительного и громоздкого координирующего органа «сверху». Речь идёт о сети таких организаций. Полагаем, создание новой государственной организации или выделение отдельного подразделения в составе уже существующей будет означать появление очередного громоздкого и неэффективного департамента (управления и т.п.), на который распространятся те же недостатки, характерные для материнского ведомства и всей государственной бюрократии.

Отметим, что раскоординация и рассинхронизация в деле противодействия неклассической войне (особенно в её информационно-психологической составляющей) недопустимы. Напротив, в высшей степени важна слаженность, адаптивность, гибкость и динамизм, умение реагировать и, наоборот, наступать сообразно конкретной ситуации, не забывая о многоэтапных операциях и информационных закладках на будущее. Кроме того, в задачу входит проработка информационного прикрытия и сопровождения действий российского руководства в будущем, подготовка к разным сценариям развития международной обстановки.

Также предлагаются меры по недопущению деструктивного влияния с помощью фейков на общественно-политическую систему России. Для

эффективного противодействия фейкам новая организация (или сеть) по противодействию в ИПС должна быть способной отражать фейковые новости с учётом нижеприведённых условий.

Первое условие состоит в том, что отражение фейков необходимо проводить с максимальной скоростью, если используются так называемые антифейки – те же вбросы с резонансным содержанием, но чья задача уже состоит в перехвате повестки в информационной среде у инициаторов фейка. В этом случае скорость отражения фейка является одним из важнейших условий, без которого эффективное противодействие данному типу угроз не представляется возможным. Известно, что в России сложилась негативная практика, когда любую фейковую новость, приводящую к ажиотажу, пытаются отразить чиновники (например, официальные представители того или иного ведомства), но делают это со значительным опозданием – через сутки и больше, то есть тогда, когда это уже никому не нужно. Люди, подпавшие под воздействие фейка, нуждаются в опровержении или, напротив, подтверждении его, испытывая в этом очень сильную потребность – особенно в течение первых нескольких часов. Если в первые часы после запуска фейка альтернативы нет, то люди, на которых фейк оказал воздействие, воспринимают его как истину. Всё то, что произойдет позже, включая опровержения чиновников спустя сутки и более, – не имеет значения, поскольку эффект уже оказан и на заявления чиновников уже никто не обращает внимание. Более того, если фейк(и) представляет(ют) собой часть триггерного механизма активации дестабилизации (беспорядки, насилие), то подобные опровержения часто работают на агрессора, поскольку психологическая инерция вышедших на улицы протестных групп наберёт такой ход, что никакие опровержения уже не помогут, зато с высокой вероятностью сработают против власти.

Второе, но не по значению, условие состоит в том, чтобы антифейк создавал встречную резонансную волну сопоставимой мощности с фейком, иначе созданный им (антифейком) резонанс окажется недостаточно значимым, чтобы перехватить информационную повестку.

Третьим критически важным условием является правильно выбранная целевая группа, на которую должен быть направлен антифейк. Необходимо, чтобы данная целевая группа (или группы) совпадала с группой (группами), на которые направлен фейк (или серия фейков). Например, такой группой может быть молодёжь (особенно городская – столицы или городов-миллионников), поскольку данная социальная группа (страта) наиболее мобильная, которую легче всего вывести на улицы и направить её протестный потенциал против власти. Если антифейк направлен не на ту же самую целевую группу (группы), а, например, на провластную аудиторию среднего и пожилого возраста, тогда коэффициент полезного действия антифейка радикально снизится и он окажется бесполезным.

Четвёртое важное условие – содержание антифейка. Если содержание выбрано неправильно, то существует риск усилить фейк, а не перехватить повестку в информационном поле и погасить резонансную волну, вызванную фейком. В таком случае воздействие антифейка будет в лучшем случае неэффективным, а в худшем – контрпродуктивным.

Данный тип контрфейковых операций мы называем *операциями симметрично-реактивного типа*⁵¹⁵. Симметричные – потому что для противодействия фейкам используется тот же тип вброса, но с положительной задачей для обороняющейся стороны. Реактивные – потому что «объект-мишень» фейка действует в обороняющемся режиме, реагируя на действия агрессора. Однако для таких операций требуется специальная структура, гибкая и адаптивная, которая не нуждается в согласовании с множеством вышестоящих инстанций для реагирования на ту или иную указанную угрозу. Наконец, заметим, что существует возможность и для осуществления проактивных (наступательных) операций симметричного (с помощью фейков) или асимметричного типа.

Экономическая сфера. Критически важный аспект состоит в диверсификации экономики и уходе от её сырьевой ориентации. Вместе с этим

---

⁵¹⁵ Подробнее см.: Стригунов К.С., Манойло А.В., Го Фэнли. Фейковые новости и технология превентивной делегитимизации выборов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 2. – С. 98-109.

немаловажно и то, чтобы, уходя от зависимости от западных рынков, инвестиций и технологий, не попасть в зависимость от других мировых акторов (Китая, Индии, стран Юго-Восточной Азии, пр.). Переход под другую зависимость губителен не меньше, чем зависимость от коллективного Запада, навязанная России после 1991 года. Отдельно следует остановиться на программе импортозамещения в России, которая, по мнению сенатора А.А. Клишаса, полностью провалилась и «кроме бравурных отчётов отраслевых ведомств, нет ничего»⁵¹⁶. Данная проблема имеет исключительное значение и её решение необходимо поставить в число важнейших приоритетов.

Другим критически важным фактором является проведение ряда экономических изменений, о которых неоднократно заявляли эксперты⁵¹⁷. Так, отдельными специалистами предлагается разработка стратегического плана мобилизации имеющихся ресурсов «с целью обеспечения вооруженных сил и населения необходимыми товарами и нормативно-правовой базы по его исполнению», а также «подчинение макроэкономической политики, включая её денежно-кредитную составляющую, целям модернизации и роста производства высокотехнологической продукции военного и двойного назначения»⁵¹⁸. В основе осуществления данного плана предполагается частно-государственное партнёрство.

Вместе с этим важно отметить, что действия России должны носить не только (и не столько) защитный и реактивный характер, сколько наступательный и проактивный. Это подразумевает симметричный ответ там, где это возможно, но при условии, что такой ответ на развязанную агрессию в форме неклассической войны не нанесёт критического ущерба самой России.

---

⁵¹⁶ Программа импортозамещения провалена полностью, заявил Клишас [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://ria.ru/20220519/importozameschenie-1789395009.html> (дата обращения: 24.05.2022).

⁵¹⁷ Предложения по экономическим преобразованиям высказывал, в частности, С.С. Губанов. См.: Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – М.: Книжный мир. 2012. – 224 с.; Его же: Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2. – С. 23-41.

⁵¹⁸ Глазьев С.Ю. «Народ плохо понимает, что происходит»: Сергей Глазьев о деталях плана Запада и о том, как его сломать [Электронный ресурс] // Деловая электронная газета «БИЗНЕС Online» [Официальный сайт]. 2022. URL: <http://svop.ru/main/41821/> (дата обращения: 24.05.2022).

Применение методов стратегии непрямых действий является одним из доступных для России способов нанесения ущерба противнику. Так, осуществление максимальной дедолларизации экономики России при параллельных расчётах в национальных валютах с иностранными государствами относится к таким методам. Следует констатировать, что в данном направлении предпринимаются определённые шаги. Например, 20 мая 2022 г. премьер-министр РФ Михаил Мишустин на онлайн-заседании Совета глав правительств стран СНГ заявил, что «в центре внимания остаётся работа по дедолларизации, по укреплению экономического и технологического суверенитета»⁵¹⁹. Дедолларизацию следует расценивать как элемент стратегии непрямых действий, а создание финансовой системы, альтернативной долларовому гегемонизму, является одной из критически важных мер по защите суверенитета и независимости России.

Отметим, что осуществляемый коллективным Западом комплекс антироссийских действий в форме полномасштабной неклассической войны является не просто набором средств, методов и технологий, используемых бессистемно и хаотично. Напротив, в действиях противников России просматривается длительная подготовка, системность, гибкость и адаптивность, когда просчитывается каждый шаг, направленный против России. При этом агрессор действует с тем расчётом, чтобы минимизировать ущерб себе и максимизировать ущерб России. Следовательно, контрмеры не должны быть паллиативными. Более того, с высокой долей уверенности можно утверждать, что использование полумер в итоге окажется не только бесполезным, но и в пределе контрпродуктивным.

Таким образом, представляется, что стратегия противодействия системной внешней агрессии должна соответствовать следующим характеристикам:

1) проактивность (меры одной лишь стратегической обороны не в состоянии обеспечить эффективное противодействие системной и тотальной агрессии, не говоря о достижении победы в данном противостоянии);

---

⁵¹⁹ Мишустин назвал дедолларизацию приоритетом экономики России [Электронный ресурс] // Известия [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://iz.ru/1337445/2022-05-20/mishustin-nazval-dedollarizaciiu-prioritetom-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 25.05.2022).

2) непрямые действия (стратегия непрямых действий чаще всего требует большего времени и сложнее в исполнении, но в итоге гораздо более эффективна, чем прямые действия, поскольку противник в меньшей степени готов к ней; и напротив, попытка нанесения ущерба противнику там, где он этого ожидает, потребует приложения существенно бóльших усилий и ресурсов при меньшем результате);

3) выявление уязвимостей общественно-государственной системы противника(ов), удар по которым нанесёт ей максимальный ущерб при минимальных рисках для общественно-государственной системы России (ассиметричные действия, включающие в себя точечные или масштабные информационные операции, возможно, создание военных баз в тех регионах, которые имеют критически важное значение для противников, и т.п.);

4) действия в составе коалиций акторов, которые также испытывают на себе системное и деструктивное влияние коллективного Запада (экономические санкции, диверсионно-террористические атаки, информационно-психологические операции, кибератаки, активацию попыток государственных переворотов с помощью методов и технологий «цветных революций», пр.), поскольку совместное противодействие ему эффективнее, чем противодействие с опорой только на собственные силы.

На последнем пункте следует остановиться подробнее. Наиболее перспективным противодействием глобальной подрывной деятельности коллективного Запада во главе с США видится совместно с Китаем, который ещё во времена администрации Б. Обамы был возведён в ранг стратегического противника⁵²⁰. Отметим, что уже на протяжении трёх администраций (включая, администрации Д. Трампа и Дж. Байдена) антикитайские действия не только не уменьшаются, но и усиливаются. Как отмечает Т.А. Шаклеина, современный этап деятельности США характеризуется «полномасштабно глобальным воздействием, стремлением завершить процесс формирования мирового порядка, определив и

---

⁵²⁰ Advancing the Rebalance to Asia and the Pacific [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/16/fact-sheet-advancing-rebalance-asia-and-pacific> (дата обращения: 25.05.2022).

зафиксировав место и роль игроков разного уровня, нейтрализовав КНР и Россию и создав условия, при которых появление новых значимых оппонентов станет невозможным»⁵²¹. В этой связи синхронизация и координация действий России и Китая являются крайне перспективным ответом внешней агрессии. Поражение любого из этих акторов автоматически ослабит позиции другого. Следовательно, согласованное противодействие системной подрывной активности Запада отвечает обоюдным интересам Москвы и Пекина. Разумеется, в силу специфики политического устройства России и Китая, их геополитических императивов и стратегических культур объединение на текущем этапе в единый военно-политический блок видится маловероятным. Однако это не означает, что обе державы не могут действовать так, как если бы они входили в военно-политический союз, но при этом не сковывали себя формальными обязательствами друг перед другом (по аналогии с ОДКБ или НАТО).

Целесообразна и активация взаимодействия с теми странами ЕС и НАТО, которые выполняют антироссийские меры, не исходя из своих национальных интересов, а под мощным давлением Вашингтона и Лондона. Нарушение трансатлантического единства (во многом мнимого и существующего лишь за счёт ограниченной субъектности ряда акторов, являющихся геополитическими сателлитами США) способно ослабить давление на Россию. При этом скоординированные действия России и Китая предоставляют возможность дезорганизовать систему принятия решений коллективного агрессора⁵²². В частности, Россия и Китай могли бы скоординировать действия на Украине и Тайване, что создало бы существенные проблемы для Запада, для которого

---

⁵²¹ Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка // Международные процессы. – 2021. – Т. 19 № 3. (66). – С. 6-21.

⁵²² Факт опасений координации действий России и Китая на Западе подтверждается, в частности, заявлением командующего Стратегическими силами США (USSTRATCOM) адмиралом Чарльзом Ричардом, который отметил, что сегодняшняя стратегическая среда характеризуется наличием двух ядерных держав, которые «хотят изменить мировой порядок», и США с союзниками, которые хотят «защитить этот мировой порядок». По его словам, «и Китай, и Россия имеют возможность в одностороннем порядке довести конфликт до любого уровня насилия, в любой сфере, в любом географическом месте и в любое время. Однако ошибочно думать об этих противниках изолированно друг от друга». См. выступление адмирала Ч. Ричарда в Центре Фон Брауна на «Симпозиуме по космической и противоракетной обороне»: Richard C. Space and Missile Defense Symposium [Электронный ресурс] // U.S. Strategic Command [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://www.stratcom.mil/Media/Speeches/Article/2742875/space-and-missile-defense-symposium/> (дата обращения: 25.05.2022).

подобная координация представляет собой серьёзный вызов, т.к. потребует гораздо большей слаженности между его участниками. Широкая коалиция во главе с США позволяет им выдавать свои интересы за волю «мирового сообщества», но в этом же заключена и её слабость, поскольку с увеличением такой коалиции усиливаются и нарастают противоречия между её участниками. С появлением каждого нового участника требуется гораздо больше усилий по согласованию совместных действий. Если же противодействовать требуется не одному, а сразу нескольким (от двух и выше) стратегическим противникам, то это усложняет задачу ещё больше. Значит, активные и скоординированные действия России и Китая (а в перспективе и других акторов, возможно, Ирана) способны подорвать усилия Запада, дезорганизовав их взаимодействие.

Представляется, что суммарно вышеприведённые меры позволят не только эффективно отражать атаки коллективного Запада, но и перейти в режим системных проактивных действий, что следует считать критически важным условием для эффективного противодействия развязанной против России полномасштабной неклассической войны.

Выводы по Главе II

Сформулированные три свойства неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп как основного НЭНК, характеризуют целый ряд примеров демонтажа политических режимов или попыток демонтажа. Одним из таких примеров выступает переворот в Боливии (2019 г.), осуществлённый усилиями ультраправых фашистских группировок, военных и полиции при поддержке извне. Пример с BLM-террором, использованным силами близкими к Демократической партии, показал, как технологии «цветных революции» могут применяться в государстве, чьё руководство само использовало эти технологии против неугодных режимов в других странах. Специфика американского случая в том, что в случае с BLM одна часть политических сил США использовала левые и левоанархические сетевые группы с неиерархическим децентрализованным типом организации против Д. Трампа и сил, стоящих за ним. Сетевые группы применялись также и в событиях в Белоруссии (2020 г.), координируясь с помощью кроссплатформенной системы мгновенного обмена сообщениями.

Новейшие технологии демонтажа политических режимов характеризуются тем, что агрессор стремится переложить финансирование свержения неугодного режима на «государство-мишень» (Венесуэла, 2019 г.). Данные технологии способны применяться параллельно с технологиями мобилизации протестных масс, как это происходило в Белоруссии в 2020 г. В технологиях демонтажа современных политических режимов используются аморфно-роевые группы, создание которых не требует привязки к конкретным местам, как это было ранее (в «цветных революциях» типа «майдан»), а для активации переворота задействуется триггерный механизм с помощью превентивной делегитимизации

выборов и вмешательство наднациональных структур, например, действия ОАГ во время выборов в Боливии в 2019 г.

Государства, подвергшиеся применению средств, методов и технологий неклассических войн, отличаются нападающей стороной по уровням приоритета. Так, государственный переворот 2014 г. на Украине («объект-мишень» I-го уровня приоритета) создал угрозу России – «объекту-мишени» II-го уровня приоритета, которую пришлось устранять с помощью СВО. Дестабилизация Сирии коллективным агрессором создала угрозу стратегическим интересам России и Ирана («объекты-мишени» II-го уровня приоритета) и Китаю («объект-мишень» III-го уровня приоритета). Использование в 2015-2016 гг. миграционных потоков против европейских стран («объекты-мишени» I-го уровня приоритета) активировало «распад ЕС» («объект-мишень» II-го уровня приоритета) через создание условий для Brexit.

Важной особенностью неклассических войн является постепенное наращивание ресурсов агрессором и переход к всё более жёстким формам неклассических войн при условии, если «объект-мишень» сохраняет свою устойчивость и оказывает достаточно эффективное сопротивление агрессору. Если одними технологиями «цветных революций» не удаётся устранить неудобный режим, агрессор переходит к гибридной войне. Тогда вместо сетевых групп, участвующих в беспорядках (например, «Правый сектор» на Украине, неонацистские организации в Боливии и пр.), на смену им привлекаются внутренние и/или транснациональные парамилитарные иррегулярные формирования. Эти формирования заменяют собой протестные группы в «цветных революциях», но их функция остается аналогичной. Ярким примером этому являются события в Сирии в 2011 г. Технологии по типу «цветных революций» выступают частным случаем оказания влияния (осуществления насильственного контроля) над противником, что показал пример Гонконга (2019-2020 гг.), дестабилизация которого являлась частью системы мер принуждения Китая со стороны администрации Д. Трампа принять новую торговую сделку на невыгодных для Китая условиях.

Для противодействия методам и технологиям неклассических войн целесообразно создание в России единой системы противодействия в информационно-психологической сфере. Необходима ликвидация технологической и товарной зависимости в критически важных секторах экономики и промышленности, а также осуществление системных мер по диверсификации экономики. Требуется переход к проактивной стратегии в отношении недружественных акторов, осуществляющих против России полномасштабную неклассическую войну. Важно создание коалиции с теми акторами, которые заинтересованы в противодействии внешней агрессии.

Заключение

1. Основное отличие форм неклассических войн от классических войн состоит в переносе акцента с ВС на НЭНК, которые в неклассических войнах выполняют главную роль. Переход к формам неклассических войн был обусловлен неприемлемыми рисками, связанными с применением ОМП в случае вооружённого конфликта. Кроме того, этому же способствовала глобализация и все бóльшая взаимозависимость международных акторов, особенно в политическом и экономическом отношениях. Как следствие, полномасштабная война классического типа создавала гораздо больше проблем, чем могла решить. Данный фактор – одна из важнейших причин, способствовавших революции в стратегическом мышлении и переходу к принципиально новым подходам в деле осуществления насильственного контроля над противником, в частности, применение теорий сложности, хаоса и СОК, а также революция в сфере ИКТ, сетевых технологий, рефлексивного управления и организационного поведения. Другая причина состояла в росте стоимости вооружения, вследствие чего важную роль стал играть и финансовый аспект, поскольку даже относительно скоротечный конфликт (или война) приводил к значительным ресурсозатратам. Поэтому требовался альтернативный путь достижения военно-политического результата, в т.ч. более дешёвый в экономическом плане.

Исследования и применение средств, методов и технологий неклассических войн осуществлялись на протяжении десятилетий. Каждая новая форма неклассических войн представляла угрозу безопасности международных акторов, прежде всего государств. Как показала практика, разработчики не

останавливаются в создании новых средств, методов и технологий неклассических войн, их комбинированного применения и адаптации под условия конкретного государства для достижения различных целей, варьирующихся от оказания давления на правительство «объекта-мишени» (гонконгский случай) или полного демонтажа неудобного политического режима (например, боливийский случай) или же, в экстремальном сценарии, деструкции государства как такового (что отчётливо проявилось в Сирии).

2. Исследования неклассических войн на современном этапе можно разделить на четыре основных направления. Первое относится к исследованиям и дискуссиям вокруг информационных (информационно-психологических), «ментальных», «когнитивных» и «кибер» войн. Второе направление связано с исследованиями «цветных революций» и соотношения их с другими формами неклассических войн, что особенно заметно при сравнении подходов между отечественными исследователями и зарубежными. Исследования гибридных войн образуют третье направление. К четвертому направлению относятся исследования сетевых войн (военных действий) и «технологии системно-сетевой войны», которые существенно развили концепции военных действий в современных войнах, причём как классических, так и неклассических. Основная идея этих концепций состояла в том, чтобы подразделения увеличили свою эффективность за счёт объединения в сеть, мощность которой, в соответствии с законом Меткалфа, пропорциональна квадрату числа узлов ней (под узлами понимаются отдельные боевые единицы и подразделения низового уровня). При этом в данной концепции уделяется внимание вопросу существенной децентрализации С2-структуры войск, но при условии сохранения управления над ними. Концепция «технология системно-сетевой войны», частью которой является модель «облачного противника», позволила объяснить ряд важных аспектов современных форм неклассических войн (особенно сирийский пример и в определенной мере методы, применяемые коллективным Западом против России в зоне проведения СВО).

Представленный авторский методологический подход в исследовании форм неклассических войн, в основе которых лежит использование сетевых групп, показал, что средствами, методами и технологиями таких форм войн возможно достигать тех же военно-политических целей, которые достигаются при использовании средств и подходов классических войн, вследствие:

- изменений в стратегическом мышлении, прежде всего, военно-политического руководства США, когда международные процессы (в т.ч. конфликты) стали рассматриваться как системы, чьё поведение описывается теорией сложности;

- кардинального увеличения количества и качества управляющих команд, благодаря чему субъекту управления удалось инструментализировать сетевые группы (уменьшить разнообразие состояний их элементов) и использовать их для демонтажа политических режимов, что оказалось возможным благодаря переходу к сетевой организации, эффекту самоорганизации и самосинхронизации, революции в ИКТ, технологиям рефлексивного управления и организационного поведения;

- возникновения синергетического эффекта от применения всех НЭНК и конкретно людских масс, организованных по сетевому принципу.

Вместе с этим технология «венесуэльский прецедент» используется для демонтажа политических режимов без сетевых групп (как в «цветных революциях»). В данной технологии акцент сделан на то, что попытка устранения политического режима осуществляется за счёт «государства-мишени», с признанием одного из лидеров местной оппозиции в качестве «президента», чем инициируется раскол в военно-политическом руководстве данного государства и усугубляется социально-экономический кризис.

3. В основе классификации современных форм и методов неклассических войн лежит критерий – сетевые группы (их наличие или отсутствие). Существуют формы неклассических войн, в которых используются сетевые группы (гибридные войны, «цветные революции», системно-сетевая война и т.п.), и формы неклассических войн, в которых сетевые группы не используются

(информационно-психологические войны, когнитивные войны, «венесуэльский прецедент», неклассические войны, где применяется миграционное оружие). Существуют смешанные формы неклассических войн, где используются комбинации средств, методов и технологий. К таким комбинированным формам неклассических войн относится белорусский случай, где применялись технологии «цветных революций» последнего поколения (без использования площадей для организации сетевых групп), элементы «венесуэльского прецедента» и технологии организации сетевых групп, задействованные в Гонконге (в 2019-2020 гг.). Остается открытым вопрос о том, какие ещё существуют формы неклассических войн, в т.ч. не основанные на применении сетевых групп. Для ответа на него необходимы дальнейшие исследования. С высокой долей вероятности в будущем появятся новые технологии неклассических войн, которые вместе с уже известными необходимо исследовать и систематизировать, а вместе с тем выявлять их ключевые признаки и механизмы. Без этого затруднительно понимание данных угроз и эффективное противодействие им, в т.ч. через создание адекватных контртехнологий, что соответствует задаче по защите национальной безопасности России.

4. Критерием классификации субъектов неклассических войн выступает их принадлежность к тому или иному типу международных акторов. В этой связи выделяются три типа субъектов: государственные акторы; негосударственные акторы; субъекты смешанного типа. В последние годы наблюдается активное взаимодействие государственных и негосударственных акторов, что показала война в Сирии, СВО, а также попытка осуществления государственного переворота в Венесуэле 3 мая 2020 года, известная как операция «Гедеон», где диверсионно-террористическая атака против чавистского руководства была предпринята совместными усилиями государственного ведомства, ЧВК и наркоторговцев. При этом в современных неклассических войнах всё бóльшую роль играют негосударственные акторы (ЧВК, ЧРК), хакерские группы, террористические организации и криминальные сети, повстанцы и их конвергентные виды (накропартизаны Колумбии и Мьянмы, криминально-

террористические картели Латинской Америки и пр.). Однако основная роль в ведении неклассических войн до сих пор принадлежит государственным акторам. В силу разнообразия и специфики неклассических войн в одной диссертационной работе невозможно их рассмотреть в полной мере, тем более что появляются всё новые методы и технологии неклассических войн и комбинации их субъектов. Новейшие формы неклассических войн, их средства, методы и технологии, нуждаются в дальнейших исследованиях, поскольку они несут в себе новые угрозы национальной безопасности России и другим государствам.

Вместе с этим необходимы дополнительные исследования применения средств, методов и технологий неклассических войн такими странами, как Израиль, Иран, Китай, Россия, Франция. Кроме того, важно сравнить между собой средства, методы и технологии неклассических войн Израиля, Ирана, Китая, России, США и Франции.

5. Новейшие средства, методы и технологии неклассических войн представляют собой фундаментальную угрозу национальной безопасности России, что особенно проявилось после начала СВО на Украине. Коллективный Запад использует в опосредованном формате киевский режим в качестве основного инструмента для нанесения России военного поражения. Для этого оказывается поддержка Вооруженных сил Украины вооружением, военной и специальной техникой, предоставляются разведданные о местонахождении подразделений и частей российских войск, объектов, которые затем подвергаются атакам (в частности, ракетным ударам и ударам беспилотных/барражирующих боеприпасов), инструкторы НАТО тренируют диверсионные группы киевского режима, осуществляющие проникновение на территорию России, в т.ч. к Курской АЭС, в Белгородскую область и в иные субъекты РФ. Кроме того, атакуются объекты энергетической инфраструктуры (взрывы на газопроводах «Северный поток–1» и «Северный поток–2» в ночь с 25 на 26 сентября 2022 г., теракт на Крымском мосту 8 октября 2022 г. и др.). Осуществляются точечные террористические атаки на граждан России (убийства Дарьи Дугиной 20 августа 2022 г. и Максима Фомина 2 апреля 2023 г.). Параллельно с этим осуществляется

беспрецедентная в мировой истории информационная антироссийская кампания с ярко выраженной русофобией. Фиксируются кибератаки на объекты критической и социальной инфраструктуры России, сайты СМИ и официальных структур, хранилища личных данных граждан, а также иностранцев, проживающих в России. Фактически враждебная деятельность против России ведётся во всех сферах, кроме собственно прямого вооружённого столкновения с НАТО. Всё это сочетается с беспрецедентными экономическими санкциями. СВО продемонстрировало, что массированное деструктивное воздействие против России возможно и без прямого участия НАТО, однако при этом российское руководство ограничено в применении средств, в первую очередь ОМП. Действия коллективного Запада расширили диапазон угроз и их комбинаций, демонстрируя возможность использования не прямых средств, методов и технологий неклассических войн для достижения сначала военных целей, а в пределе – политических. Всё эти факторы требуют дальнейших тщательных и комплексных исследований.

6. Сетевые группы являются ключевым НЭНК в некоторых формах современных неклассических войн. Так, в Боливии усилиями неофашистских группировок, военных и других силовых структур был свергнут Э. Моралес. Свидетельства, указывающие на участие внешних сил в государственном перевороте, продемонстрировали, что де-факто операция «Кондор» до сих пор продолжается, но уже в новой форме, с применением современных технологий государственных переворотов как формы неклассических войн.

События в США (2020 г.) показали, что технологии демонтажа политических режимов в состоянии применяться и на территории государства, которое стоит у истоков их применения в других странах мира. В случае с периодом, пришедшимся на предвыборную кампанию 2020 года, этой технологией стало движение «Black Lives Matter», которое использовалось наравне с другими элементами противодействия Д. Трампу его противниками, включавшими систематическую информационную травлю против него и его сторонников, компроматы, вбросы, фейки и т.п. Более того, целый ряд признаков

указывает на фундаментальный кризис в США, следствием которого и является обострение противостояния внутри их элитарных групп⁵²³, выразившееся также в беспрецедентной кампании компроматов и нападок кандидатов в президенты (представляющих разные группы влияния), что лежит в основе перехода к неконвенциональным методам ведения борьбы. В их числе привлечение элитарными группировками в своё противоборство управляемых страт общества (конкретно – подавляющей части негроидного населения и других небелых граждан США, а также представителей белого населения – чаще всего деклассированных элементов и левоанархических радикалов), приводящее к выходу противостояния за пределы самих элит, что, по мнению отдельных отечественных исследователей, является маркером назревания системной политической катастрофы⁵²⁴. Ядром BLM-беспорядков являются молодежные группы разной степени радикальности, готовые применять насилие и в отношении органов правопорядка, и в отношении несогласных, особенно – сторонников Д. Трампа⁵²⁵. Таким образом, с одной стороны, по Д. Трампу наносился удар через обвинения в связях с Россией, с другой стороны, – через обвинения в неспособности справиться с распространением коронавирусной инфекции COVID-19, с третьей – давление по линии BLM и Antifa, включая нападки на полицию, с четвертой – фальсификации и подтасовки во время подсчёта голосов, предположительно с помощью системы голосования «Dominion Voting System», о чем неоднократно заявлял Д. Трамп⁵²⁶. И если вопрос о фальсификациях с данной системой, которой приписывается связь с Фондом

⁵²³ О причинах нынешнего кризиса см: Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец `Pax Americana`. – М.: Вече, 2003. – 368 с.; Стригунов К.С., Манойло А.В., Безвербный В.А. Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны. – М.: Горячая линия-Телеком, 2021. – 408 с.; Фурсов А.И. Колокола истории. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – 488 с.

⁵²⁴ Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Социальные маркеры политических катастроф // Социодинамика. – 2015. – № 12. – С. 81-111.

⁵²⁵ Например, случай с Кайлом Риггенхаусом, в котором этот 17-летний подросток подвергся нападению со стороны BLM-боевиков, но, будучи вооруженным, сумел ликвидировать двоих из них и ранить одного. См.: Стригунов К.С. Вашингтон на грани второй гражданской войны [Электронный ресурс] // Еженедельник «Звезда» [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/2020971515-RaRco.html> (дата обращения: 29.05.2022). В целом, в США после 25 мая 2020 года был развязан полномасштабный психологический и физический террор против несогласных с BLM, особенно против сторонников Д. Трампа.

⁵²⁶ REPORT: DOMINION DELETED 2.7 MILLION TRUMP VOTES NATIONWIDE [Электронный ресурс] // Twitter Donald Trump. 2020. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1326926226888544256> (дата обращения: 29.05.2022).

Клинтон (компания Dominion Voting ранее осуществляла взносы в Фонд Клинтон⁵²⁷), можно считать дискуссионным, то остальные антитрамповские действия демократов очевидны и доказуемы. Силы, противостоявшие Д. Трампу, не делали ставку на что-то одно, а напротив, наносили сразу несколько ударов с разных сторон, достигая определенного системного и кумулятивного эффекта.

7. В Венесуэле американскими технологами была опробована новая технология государственного переворота «венесуэльский прецедент», которую США задействовали после того, как стало ясно, что классическими схемами «цветных революций» свергнуть власть Н. Мадуро либо невозможно, либо это требует неприемлемых ресурсозатрат и недостижимо в течение одного президентского срока Д. Трампа. Выбранная схема с признанием Х. Гуайдо в качестве президента с последующей дозированной передачей ему контроля над замороженными активами Венесуэлы (например, счета Центрального банка Венесуэлы) показала, как могут быть осуществлены государственные перевороты за счёт самого «объекта-мишени». Технология «венесуэльский прецедент» продемонстрировала каскадные эффекты, которые расширяют спектр возможностей агрессора по демонтажу неудобного режима. Речь идёт о провальной операции «Гедеон»⁵²⁸ – попытке силового свержения чавистов, в которой принимали участие наёмники американской ЧВК «Silvercorp», венесуэльские дезертиры и наркоторговцы при ограниченной помощи со стороны американского правительства (в частности, Управления по борьбе с наркотиками и ряда американских чиновников третьего эшелона). Признание Х. Гуайдо президентом Венесуэлы означало легитимизацию любых преступных действий против Н. Мадуро, в т.ч. и под видом антинаркотической полицейской спецоперации. Эту стратегию стали прорабатывать в первые месяцы после признания Х. Гуайдо «президентом», о чём свидетельствует интервью некоторых

---

⁵²⁷ Например, см.: A vast network for donors [Электронный ресурс] // The Washington Post [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/politics/clinton-foundation-donor-list/> (дата обращения: 29.05.2022).

⁵²⁸ Операция «Гедеон» и её связь с «венесуэльским прецедентом» ранее нами была подробно описана. См: Стригунов. К.С. «Негро Примеро», или Крах дешёвой операции американского спецназа «Гедеон» [Электронный ресурс] // Еженедельник «Звезда» [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://zvezdaweb.ru/news/20205301227-QfFBV.html> (дата обращения: 27.05.2022).

лиц из его окружения⁵²⁹. Более того, данная технология позволяла свергнуть Н. Мадуро без одобрения со стороны ООН, т.е. продемонстрировала новый метод обхода международных структур.

Как показали события в Белоруссии в 2020 г., технология «венесуэльский прецедент» может быть интегрирована с технологиями «цветных революций». Кроме того, следует отметить, что неудача попыток устранения Н. Мадуро или А.Г. Лукашенко может быть обращена в успех в средне- или долгосрочной перспективе, поскольку данные технологии демонтажа политических режимов несут зондажную функцию, вскрывающую уязвимости в защитных механизмах «объекта-мишени», т.е. впоследствии вновь могут быть применены в той же стране, но уже с учётом наработанного опыта.

В новейших технологиях демонтажа политических режимов с использованием сетевых групп, как показали белорусский, боливийский и гонконгский примеры, практически не применяются площади для организации управляемых протестных движений. Кроме того, для их активации задействуется т.н. триггерный механизм активации протестов, для чего используется технология превентивной делегитимизации выборов (например, в Белоруссии и Боливии). Новые технологии демонтажа политических режимов адаптируются к странам с разными социокультурными, политическими и экономическими условиями.

8. Развязывание нападающей стороной неклассической войны против «объекта-мишени» не означает, что именно он являлся важнейшей искомой целью самого высокого приоритета. Напротив, демонтаж неудобного режима в отдельно взятом государстве (например, в ходе «цветной революции» или гибридной войны) чаще всего является целью самого низкого приоритета. Подлинными целями агрессора могут быть «объекты-мишени» (т.е. государства), которым наносится косвенный (каскадный) удар.

---

⁵²⁹ См.: Манойло А.В., Стригунов К.С. Операция «Гедеон»: успех венесуэльских или американских спецслужб? // *Международная жизнь*. – 2020. – № 11. – С. 64-79; Стригунов К.С., Манойло А.В. Стратегия «Шах и мат Мадуро» как исток операции «Гедеон» // *Международная жизнь*. – 2021. – № 3. – С. 56-71; Avendaño O. ¿Cómo lograr que EEUU deponga a Maduro?, explica Sosa Azpúrgua [Электронный ресурс] // PanAm Post [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://panampost.com/orlando-avendano/2019/04/02/sosa-azpurua-guaido-debe-buscar-alianza-con-la-dea-para-extraer-a-maduro/> (дата обращения: 28.05.2022).

Такое воздействие опосредованно и чаще всего прямого вреда государству или государствам более высокого приоритета не наносит. Однако в перспективе новый режим в государстве, над которым агрессор перехватывает управление в результате успешно осуществленной неклассической войны, начинает проводить такую внутреннюю и внешнюю политику, которая наносит ущерб национальным интересам государству или государствам, являющимся для нападающей стороны целью более высокого приоритета (государственный переворот на Украине в 2014 г. привёл к тому, что его последствия России пришлось преодолевать через проведение СВО). Если по периметру государства II уровня (более высокого приоритета) осуществляется демонтаж режимов сразу в нескольких государствах I уровня (более низкого приоритета), тогда суммарно это создает долгосрочный негативный эффект для государства II уровня приоритета, которому на устранение последствий демонтажа (или дестабилизации) режимов в государствах I уровня приоритета приходится тратить значительные ресурсы. Данный каскадный урон суммируется с использованием других НЭНК (например, экономических санкций, финансовых атак, диверсионно-террористической деятельности, подрывной работой спецслужб, информационных операций и вбросов, пр.), создавая синергетический эффект воздействия в отношении «объектов-мишеней» более высокого уровня приоритета.

Другим примером является миграционный кризис в ЕС (2015-2016 гг.), когда в европейские страны («объекты-мишени» I-го уровня приоритета) были направлены миграционные массы, что привело к Brexit и активации «распада ЕС» («объект-мишень» II-го уровня приоритета). Использование мигрантов в качестве оружия является формой неклассических войн. Детальное объяснение механизма миграционного оружия и нанесения урона антропотокком по странам-реципиентам нуждается в дальнейших исследованиях.

Разделение осуществляется и по уровням деструктивного воздействия средствами, методами и технологиями неклассических войн на «объект-мишень» – от минимального уровня («мягкая сила») до экстремальных форм, когда «объект-мишень» ввергается в социально-экономическую катастрофу,

сопровождающуюся его распадом, массовой гибелью населения и т.п. Одними из наиболее ярких примеров являются сирийский и украинский примеры. Инициатор неклассической войны действует путём наращивания давления и вкладываемых ресурсов. В отдельных случаях это происходит постепенно, в других – резко, переходя от фазы «цветной революции» к гибридной войне, как в случае с Сирией. Вместе с этим происходит ужесточение оказываемого воздействия на «объект-мишень» вплоть до системного и тотального поражения всей его общественно-государственной системы.

9. Внестоличная «цветная революция» в Гонконге (2019-2020 гг.) показала, что такого рода технологии можно применять не только для свержения неудобного режима, если это по каким-либо причинам не представляется возможным сделать, но и для более ограниченных целей, т.е. путём принуждения «объекта-мишени» к действиям в интересах агрессора. В данном случае «объектом-мишенью» является Китай, который сдерживается США в своём развитии. Противодействие Китаю – консенсус внутри американских элит; разница состоит в том, как именно противодействовать ему. Администрация Д. Трампа, выражавшая интересы реального сектора экономики, развязала полномасштабную торговую войну, принуждая Китай принять новую торговую сделку на невыгодных для Китая условиях. Для стимулирования КНР к принятию этих условий была активирована технология «цветной революции» в Гонконге, наработка которой была проведена ещё в 2014 году, во время «революции зонтиков». Целью беспорядков в Гонконге была дестабилизация этого специального административного района, наносящая урон Китаю в политическом отношении (удар по концепции «одна страна, две системы»), экономическом (через Гонконг проходят до 2/3 инвестиций из Китая и в него, а кроме того, город является оффшорной зоной для части китайской партийно-государственной элиты) и в плане безопасности, поскольку активированные сепаратистские тенденции среди гонконгцев, многие из которых не отождествляют себя с китайцами, представляют собой прямую угрозу национальной безопасности КНР и наносят огромный урон китайской стратегии возвращения под свой контроль

Тайваня. Таким образом, «цветная революция» не всегда выступает в качестве технологии демонтажа политических режимов в том смысле, что сам демонтаж – лишь частный случай насильственного контроля над «объектом-мишенью», который также может заключаться в ограниченном по целям и задачам влиянии на этот «объект-мишень».

В данной диссертационной работе была описана технология внестоличной «цветной революции», однако необходимы дальнейшие исследования угроз КНР, создаваемых средствами, методами и технологиями неклассических войн, особенно с учётом размеров государства, а также его политической и социокультурной специфики.

10. В контрмеры России по противодействию средствам, методам и технологиям неклассических войн целесообразно включить: создание единой системы противодействия информационной (информационно-психологической) войне; диверсификацию экономики и уход от сырьевой зависимости; реальное импортозамещение в критически важных отраслях и технологиях; переход к проактивной стратегии противодействия агрессии коалиции недружественных государств и других международных акторов; взаимодействие со странами, также находящимися под массированным давлением коллективного агрессора, для создания коалиций, направленных против общего противника. Отметим, что теоретические и практические наработки противодействия в ИПС в России уже существуют, а отечественные специалисты обладают значительными теоретическими наработками в финансово-экономической сфере (неоиндустриальная парадигма и вертикальная интеграция, др.), использование которых способно усилить экономический суверенитет России, что также является критически важной частью комплекса мер, направленных на противодействие системной и полномасштабной неклассической войне, развязанной против России коллективным агрессором. В то же время необходимы дальнейшие исследования мер противодействия формам неклассических войн, их средствам, методам и технологиям, в интересах обеспечения национальной безопасности России.

Библиография

Официальные документы и нормативные правовые акты

1. В 2015 г. в Европу прибыли миллион беженцев и мигрантов [Электронный ресурс] // УВКБ ООН [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://www.refworld.org.ru/publisher,UNHCR,,,56cd72a44,0.html> (дата обращения: 04.05.2022).
2. Выступление начальника войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ генерал-лейтенанта Игоря Кириллова по результатам анализа документов, касающихся военно-биологической деятельности США на территории Украины (17 марта 2022 г.): Брифинг начальника войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ [Электронный ресурс] // Министерство обороны РФ [Официальный сайт]. 2022. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12413375 (дата обращения: 28.03.2022).
3. Документы с брифинга Министерства обороны [Электронный ресурс] // 2022-03-17_МО_брифинг_документы. 2022. URL: <https://disk.yandex.ru/d/ndINmQKPfDRM0w> (дата обращения: 28.03.2022).
4. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 25.03.2022).
5. Заседание Совета Безопасности Беларуси [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь [Официальный сайт]. 2022. URL:

- <https://president.gov.by/ru/events/zasedanie-soveta-bezopasnosti-belarusi> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений [Электронный документ] // Президент России [Официальный сайт]. 2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4804> (дата обращения: 12.05.2022).
  7. О ситуации в Белоруссии [Электронный ресурс] // Служба внешней разведки Российской Федерации [Официальный сайт]. 2020. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2020/09/o-situatsii-v-belorussii-2.htm> (дата обращения: 12.05.2022).
  8. Положение на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // Совет Безопасности ООН. S/2014/348. Проект заседания 7180 [Официальный сайт]. 2014. URL: <https://undocs.org/ru/S/2014/348> (дата обращения: 25.03.2022).
  9. Протокол (по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана Президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина) [Электронный документ] // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе [Официальный сайт]. 2014. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/a/123258.pdf> (дата обращения: 12.05.2022).
  10. Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 10.09.2022).
  11. Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2000. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782/page/2> (дата обращения: 02.03.2022).

12. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2021. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0pID1ZzmR5cER0g5tZC.pdf> (дата обращения: 25.03.2022).
13. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 2023. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 02.03.2023).
14. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии». Статья 1. [Принят Государственной Думой 13 ноября 1996 года] // Президент России [Официальный сайт]. 1996. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10364> (дата обращения: 01.03.2022).
15. ФСБ России предотвращено совершение в Республике Крым террористических актов, подготовленных Главным управлением разведки Министерства обороны Украины [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации [Официальный сайт]. 2016. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.html?id%3D10437869%40fsbMessage.html> (дата обращения: 14.05.2022).
16. The National Strategy to Security Cyberspace [Электронный ресурс] // The Cybersecurity and Infrastructure Security Agency. U.S. Department of Homeland Security. [Официальный сайт]. 2003. URL: https://www.cisa.gov/uscert/sites/default/files/publications/cyberspace_strategy.pdf (дата обращения: 03.03.2022).
17. A Bill. To authorize the confiscation of assets subject to United States jurisdiction of certain foreign persons, and for other purposes [Электронный ресурс] // U.S. House of Representatives. HR6930 [Официальный сайт]. 2022. URL:

- <https://docs.house.gov/billsthisweek/20220425/BILLS-117hr6930-SUSv1.pdf>
(дата обращения: 21.05.2022).
18. Advancing the Rebalance to Asia and the Pacific [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/11/16/fact-sheet-advancing-rebalance-asia-and-pacific> (дата обращения: 25.05.2022).
  19. Alberts D. Information Age Transformation: Getting to a 21st Century Military. Washington, DC: Department of Defense Command and Control Research Program (CCRP) [Электронный ресурс] // Department of Defense Command and Control Research Program (CCRP) [Официальный сайт]. 2002. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_IAT.pdf (дата обращения: 03.03.2022).
  20. Alberts D., Garstka J., Stein F. Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority. Second edition (revised). Washington, DC: Department of Defense. Command and Control Research Program (CCRP) [Электронный ресурс] // Department of Defense. Command and Control Research Program (CCRP) [Официальный сайт]. 2000. URL: http://www.dodccrp.org/files/Alberts_NCW.pdf (дата обращения: 03.03.2022).
  21. Army Doctrine Reference Publication (ADRP) 3-37 [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists [Официальный сайт]. 2012. URL: https://fas.org/irp/doddir/army/adrp3_37.pdf (дата обращения: 11.03.2022).
  22. Arrest-Related Deaths Program Redesign Study, 2015–16: Preliminary Findings [Электронный ресурс] // U.S. Department of Justice. Office of Justice Programs Bureau of Justice Statistics [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.bjs.gov/content/pub/pdf/ardprs1516pf.pdf> (дата обращения: 28.04.2022).
  23. Bienvenue E., Rogers Z., Troath S. Cognitive Warfare [Электронный ресурс] // The Cove. Australian Army [Официальный сайт]. 2018. Mode of access: <https://cove.army.gov.au/article/cognitive-warfare> (дата обращения: 10.03.2022).

24. Blocking Property and Suspending Entry of Certain Persons Contributing to the Situation in Venezuela [Электронный ресурс] // U.S. Department of Treasury. Executive Order 13692 [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/126/13692.pdf> (дата обращения: 07.04.2022).
25. Blocking Property of Additional Persons Contributing to the Situation in Venezuela [Электронный ресурс] // U.S. Department of Treasury. Executive Order 13850 [Официальный сайт]. 2018. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/venezuela_eo_13850.pdf (дата обращения: 07.04.2022).
26. Blocking Property of the Government of Venezuela [Электронный ресурс] // U.S. Department of Treasury. Executive Order 13884 [Официальный сайт]. 2019. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/13884_0.pdf (дата обращения: 07.04.2022).
27. Community Prosecution Division Notes from conversation with Dr. Andrew Baker, Chief Hennepin County Medical Examiner [Электронный ресурс] // Hennepin County Attorney's Office [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.mncourts.gov/getattachment/Media/StateofMinnesotavTouThao/Container-Documents/Content-Documents/Exhibit-4.pdf.aspx?lang=en-US> (дата обращения: 28.04.2022).
28. Defence Secretary Ben Wallace visits Armed Forces of Ukraine as training programme starts across the UK [Электронный ресурс] // Government of the United Kingdom [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/news/defence-secretary-ben-wallace-visits-armed-forces-of-ukraine-as-training-programme-starts-across-the-uk> (дата обращения: 27.11.2022).
29. Department of Defense dictionary of military and associated terms. Joint publication 1-02 [Электронный ресурс] // Joint Chiefs of Staff [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://apps.dtic.mil/docs/citations/AD1004650> (дата обращения: 21.11.2022).

30. Network Centric Warfare [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense Report to Congress, Washington, DC: U.S. Government Printing Office [Официальный сайт]. 2001. URL: http://www.defenselink.mil/nii/ncw/ncw_main.pdf (дата обращения: 03.03.2022).
31. Field Manual 3-53. Military Information Support Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of the Army [Официальный сайт]. 2013. URL: https://armypubs.army.mil/ebooks/DR_pubs/DR_c/pdf/web/fm3_53.pdf (дата обращения: 09.03.2022).
32. FM 3-13. Information Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of the Army [Официальный сайт]. 2016. URL: https://armypubs.army.mil/ebooks/DR_pubs/DR_a/pdf/web/FM%203-13%20FINAL%20WEB.pdf (дата обращения: 09.03.2022).
33. FM 3-61. Communication strategy and public affairs operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of the Army [Официальный сайт]. 2022. URL: https://armypubs.army.mil/ebooks/DR_pubs/DR_a/ARN34864-FM_3-61-000-WEB-1.pdf (дата обращения: 09.03.2022).
34. Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on July 9, 2019 [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Официальный сайт]. 2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1679792.shtml (дата обращения: 18.04.2022).
35. Garamone J. Military Must Be Ready to Confront Hybrid Threats, Intel Official Says [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.defense.gov/Explore/News/Article/Article/1952023/military-must-be-ready-to-confront-hybrid-threats-intelligence-official-says/> (дата обращения: 13.03.2022).
36. Goldfein D. Remarks [Электронный ресурс] // U.S. Air Force. Remarks by General David L. Goldfein U.S. Air Force Chief of Staff [Официальный сайт].

2017. URL:
https://www.af.mil/Portals/1/documents/csaf/CSAF_AFA_2017%20Air_Space_and_Cyber_Symposium.pdf (дата обращения: 10.03.2022).
37. Imposing Additional Sanctions With Respect to the Situation in Venezuela [Электронный ресурс] // U.S. Department of Treasury. Executive Order 13808 [Официальный сайт]. 2017. URL:
<https://home.treasury.gov/system/files/126/13808.pdf> (дата обращения: 07.04.2022).
38. Joint Leaders Statement on AUKUS [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aucus/> (дата обращения: 21.05.2022).
39. Joint Publication 3-13. Information Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff [Официальный сайт]. 2012. URL:
https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_13.pdf (дата обращения: 06.03.2022).
40. Joint Publication 3-61. Public Affairs [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff [Официальный сайт]. 2016. URL:
https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_61.pdf (дата обращения: 09.03.2022).
41. Joint Strategic Plan. FY 2018-2022 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. U.S. Agency for International Development [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.state.gov/joint-strategic-plan/> (дата обращения: 11.03.2022).
42. Justice Department Finds Yale Illegally Discriminates Against Asians and Whites in Undergraduate Admissions in Violation of Federal Civil-Rights Laws [Электронный ресурс] // Department of Justice [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-finds-yale-illegally-discriminates-against-asians-and-whites-undergraduate> (дата обращения: 30.04.2022).

43. MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Understanding Hybrid Warfare [Электронный ресурс] // MCDC [Официальный сайт]. 2017. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/647776/dar_mcdc_hybrid_warfare.pdf (дата обращения: 11.03.2022).
44. NATO Innovation Challenge Fall 2021 – Countering Cognitive Warfare [Электронный ресурс] // North Atlantic Treaty Organization [Официальный сайт]. 2021. October URL: <https://www.act.nato.int/articles/innovation-challenge-2021-2-countering-cognitive-warfare> (дата обращения: 09.03.2022).
45. News Release, March 26, 2020 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Labor [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.dol.gov/sites/dolgov/files/OPA/newsreleases/ui-claims/20200510.pdf> (дата обращения: 29.04.2022).
46. OAS Hosts Conference on Human Rights Violations in Cuba [Электронный ресурс] // U.S. Mission to the Organization of American States [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://usoas.usmission.gov/oas-hosts-conference-on-human-rights-in-cuba/> (дата обращения: 09.04.2022).
47. Operation Inherent Resolve. Cost of Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://dod.defense.gov/OIR/> (дата обращения: 20.03.2022).
48. Posts Tagged ‘Ataque de mercenario’ [Электронный ресурс] // Gobierno Bolivariano de Venezuela. Ministerio del Poder Popular para Relaciones Exteriores [Официальный сайт]. 2020. URL: <http://mppre.gob.ve/etiqueta/ataque-de-mercenario/> (дата обращения: 11.04.2022).
49. Preliminary findings report to the General Secretariat [Электронный ресурс] // Organization of American States [Официальный сайт]. 2019. URL: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-099/19 (дата обращения: 31.03.2022).

50. Preliminary Report of the Electoral Observation Mission in Bolivia [Электронный ресурс] // Organization of American States [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://www.oas.org/documents/eng/press/Preliminary-Report-EOM-Bolivia-23-10-19.pdf> (дата обращения: 03.04.2022).
51. President Donald J. Trump's State of the Union Address [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. 2019 URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-state-union-address-2/> (дата обращения: 29.04.2022).
52. Psychological Warfare in Combat Operations: Field Manual 33-5 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Army. 1949. URL: <https://zlibrary.to/pdfs/fm-33-5-psychological-warfare-in-combat-operations-pdf> (дата обращения: 17.03.2023).
53. R4V Refugee and Migrant Response Plan [Электронный ресурс] // United Nations High Commissioner for Refugees [Официальный сайт]. 2019. URL: https://data2.unhcr.org/es/documents/details/67282#_ga=2.67533009.1110897126.1603270331-1232479665.1603270331 (дата обращения: 08.04.2022).
54. Real GDP growth [Электронный ресурс] // International Monetary Fund [Официальный сайт]. 2022. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCN@WEO/IRN?zoom=IRN&highlight=IRN (дата обращения: 16.05.2022).
55. Richard C. Space and Missile Defense Symposium [Электронный ресурс] // U.S. Strategic Command [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://www.stratcom.mil/Media/Speeches/Article/2742875/space-and-missile-defense-symposium/> (дата обращения: 25.05.2022).
56. Russia: Implications for UK defence and security: Government Response to the Committee's First Report of Session 2016–17. Fourth Special Report of Session 2016–17 [Электронный ресурс] // House of Commons Defence Committee [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmdfence/668/668.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).

57. State of Minnesota vs. Derec Michael Chauvin [Электронный ресурс] // District Court 4th Judicial District. Court File № 27-CR-20-2646. 2020. URL: https://www.documentcloud.org/documents/6933246-Derek-Chauvin-Complaint.html?fbclid=IwAR262pwo_0mM06Z_Gq39kQKYJW4ieXCjhppf26Qt59di8E3W-2dohga1XRg (дата обращения: 28.04.2022).
58. Statement from President Donald J. Trump Recognizing Venezuelan National Assembly President Juan Guaido as the Interim President of Venezuela [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-donald-j-trump-recognizing-venezuelan-national-assembly-president-juan-guaido-interim-president-venezuela/> (дата обращения: 10.04.2022).
59. Statement of the OAS Electoral Observation Mission in Bolivia [Электронный ресурс] // Organization of American States [Официальный сайт]. 2019. URL: https://www.oas.org/en/media_center/press_release.asp?sCodigo=E-085/19 (дата обращения: 02.04.2022).
60. Terrorismo separatista en Bolivia: Informe Conclusivo de la Comisión Especial Multipartidaria de Investigación de los Hechos y Atentados Acaecidos en la Ciudad de Santa Cruz de la Sierra [Электронный ресурс] // Comisión Especial Multipartidaria de la Cámara de Diputados [Официальный сайт]. 2009. URL: https://www.vicepresidencia.gob.bo/IMG/pdf/terrorismo_separatista.pdf (дата обращения: 29.11.2022).
61. The Comprehensive National Cybersecurity Initiative [Электронный ресурс] // The White House. [Официальный сайт]. 2010. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/issues/foreign-policy/cybersecurity/national-initiative> (дата обращения: 03.03.2022).
62. The United States Takes Action Against the Movement of Venezuelan Oil to Cuba [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. Press Statement. M.R. Pompeo, Secretary of State [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.state.gov/the-united-states-takes-action-against-the-movement-of-venezuelan-oil-to-cuba/> (дата обращения: 07.04.2022).

63. Unclassified Report to Congress on the Acquisition of Technology Relating to Weapons of Mass Destruction and Advanced Conventional Munitions [Электронный ресурс] // Office of the Director of National Intelligence [Официальный сайт]. 2006. Р. 9. URL: https://www.odni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/Acquisition_Technology_Report_030308.pdf (дата обращения: 24.11.2022).
64. Vergun D. Austin Thanks Ukrainian Force Trained in U.S. Returning to Ukraine [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2995038/austin-thanks-ukrainian-force-trained-in-us-returning-to-ukraine/> (дата обращения: 26.03.2022).
65. Women's History month 2011: Julie Eadeh [Электронный ресурс] // U.S. Department of State [Официальный сайт]. 2011. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/ei/pix/womenshistory/2011/157595.htm> (дата обращения: 18.04.2022).
66. Zaconeta H.A. Sesión Extraordinaria del Consejo Permanente de la OEA [Электронный ресурс] // Ministerio Relaciones Exteriores Estado Plurinacional de Bolivia [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://www.cancilleria.gob.bo/webmre/discurso/3712> (дата обращения: 02.04.2022).

Монографии и отдельные издания

67. Арзуманян Р.В. Кромка хаоса. Сложное мышление и сеть: парадигма нелинейности и среда безопасности XXI века. – Издательский дом «Регнум», 2012. – 600 с.
68. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
69. Васильев А.М., Петров Н.И. Рецепты арабской весны: русская версия. – М.: Алгоритм, 2012. – 304 с.
70. Военный энциклопедический словарь / Под ред. Н.В. Огаркова. – М.: Воениздат, 1983. – 863 с.

71. Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2014. – 126 с.
72. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова, А.Ю. Шутова. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 384 с.
73. Гоббс Т. Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
74. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М.: ИФ РАН, 1999. – 230 с.
75. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – М.: Книжный мир, 2012. – 224 с.
76. Долгов Б.В. Сирийский конфликт. Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. – М., 2015. – 418 с.
77. Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. – М.: Ленанд, 2017. – 200 с.
78. Кара-Мурза С.Г. Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... – М.: Алгоритм, 2005. – 143 с.
79. Карпович О.Г. Цветные революции: Теория и практика демонтажа современных политических режимов / О.Г. Карпович, А.В. Манойло. – Москва : Юнити-Дана : Закон и право, 2015. – 111 с.
80. Клаузевиц К. О войне. – М.: Эксмо; Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. – 458 с.
81. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец `Рах Americana`. – М.: Вече, 2003. – 368 с.
82. Коровин В.М. Третья мировая сетевая война. – СПб.: Питер, 2014. – 354 с.
83. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск: Харвест, 1999 – 448 с.
84. Леер Г.А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны. Часть 1. – СПб.: Печатня В. Головина, 1869. – 503 с.

85. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. – 5-е изд., т. 27. – М.: Политиздат, 1969. – 644 с.
86. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973. – 158 с.;
87. Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: Когито-Центр, 2003. – 496 с.
88. Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия не прямых действий. – М.: АСТ, 2018. – 512 с.
89. Лукашева Е.Н. Южная Америка. – М.: Просвещение, 1958. – 468 с.
90. Максимов И.В. Цветная революция: социальный процесс или сетевая технология? Монография. Под редакцией профессора Кочеткова В.В. – М.: Книга по требованию, 2010. – 116 с.
91. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: Монография. – М.: МИФИ, 2003. – 388 с.
92. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М.: Горячая линия – Телеком, 2018. – 494 с.
93. Манойло А.В., Петренко А.И., Рожин Б.А., Стригунов К.С. Фейки: анатомия лжи. – М.: Горячая линия – Телеком, 2021. – 384 с.
94. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. – М.: Горячая линия-Телеком, 2020. – 378 с.
95. Меркулов П.А. «Цветные революции» как технологии современной геополитики / Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Бочанов М.А. – Орел: Издательство ОФ РАНХИГС, 2016. – 138 с.
96. Модестов С.А. О состоянии и перспективах развития театра информационного противоборства. Организация контрпропагандистской работы в области борьбы с терроризмом и экстремизмом: сборник материалов пленарного заседания НКС при АТЦ СНГ. – М., 2019. – 130 с.
97. Москаленко М.Н. «Цветные революции» и иные угрозы конституционному строю Российской Федерации. История и современность [Электронный ресурс]: монография/ Москаленко М.Н. – Электрон. текстовые данные. – Москва: Дашков и К, 2015. – 136 с.

98. На пороге глобального хаоса. Битва за будущее / Общ. ред. и сост. А.И. Фурсов, С.А. Правосудов. – М.: Книжный мир, 2015. – 288 с.
99. Наварро П.У. Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы / пер. с англ., науч. ред. А. Козуляева. – М.: Вершина, 2007. – 272 с.
100. Наварро П.У., Отри Г.У. Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом / пер. с англ., науч. ред. Е.Н. Румянцева. – М.: Синосфера, 2017 – 329 с.
101. Наумов А.О. Мягкая сила, цветные революции и технологии смены политических режимов в начале XXI века. – АРГАМАК-МЕДИА Москва, 2016. – 274 с.
102. Научные труды ученых Отделения общих проблем войны и армии Академии военных наук. Том 1 / Под общ. ред. И.В. Бочарникова, Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. – М.: Издательство «Московский Дом Медиа», 2019. – 252 с.
103. Николис Г., Пригожин И.Р. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации. – М.: Мир, 1979. – 512 с.
104. Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н. А. Нарочницкая. – СПб.: Алтея, 2008. – 208 с.
105. Петров М.Н. Механизмы государственных переворотов: историко-теоретическое исследование. – Минск: Харвест. М.: АСТ, 2005. – 397 с.
106. Подберёзкин А.И., Харкевич М.В. Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований МГИМО МИД России. – М.: МГИМО–Университет, 2015. – 581 с.
107. Понкин И.В. Неклассические войны. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 87 с.
108. Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. – 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2018. – 832 с.

109. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская газета, 2012. – 414 с.
110. Проблемы информационной безопасности в международных военно-политических отношениях / Под ред. А.В. Загорского, Н.П. Ромашкиной – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 183 с.
111. Родькин П. Революция потеряла цвет. «Цветные революции» 2004–2014: гуманитарный и коммуникационный феномен войны нового типа. – М.: Совпадение, 2015. – 120 с.
112. Ряжева Ю.И. Организационное поведение: учебное пособие / Ю.И. Ряжева, О.В. Семенова. – Самара: Издательство Самарского университета, 2021. – 96 с.
113. Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война: введение в концепцию. – М.: Евразийское движение, 2011. – 130 с.
114. Свечин А.А. Стратегия. – М.: Военный вестник, 1927. – 265 с.
115. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. – М.: Вече, 2002. – 384 с.
116. Сирийский рубеж / Под ред. М.Ю. Шеповаленко. – 2-е изд., доп. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2016. – 184 с.
117. Стригунов К.С., Манойло А.В., Безвербный В.А. Фейки, вбросы, государственные перевороты и демографические войны. – М.: Горячая линия-Телеком, 2021. – 408 с.
118. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). – М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. – 433 с.
119. Сунь-Цзы. Искусство войны. – М.: Эксмо, 2021. – 416 с.
120. Трагедия юго-востока Украины. Белая книга преступлений / Под ред. докт. юрид. наук А.И. Бастрыкина. – 2-е изд., доп. М., 2015. – 368 с.
121. Филимонов Г.Ю., Данюк Н.С., Юраков М.В. Переворот. – СПб.: Питер, 2016. С. 157.

122. Фурсов А.И. Колокола истории. – М.: ИНИОН РАН, 1997. – 488 с.
123. Хабриева Т.Я. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование: монография / Т.Я. Хабриева, В.Е.Чиркин. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 192 с.
124. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / Под ред. В.И. Марченкова. – М.: Военный университет, Русский Путь, 2005. – 696 с.
125. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. – М.: Новое издательство, 2012. – 84 с.
126. Шумилин А.И. Политика США на Ближнем Востоке в контексте «Арабской весны» – М.: «Международные отношения», 2015. – 336 с.
127. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Иностранная литература, 1959. – 432 с.
128. Alberts D., Hayes R. Power to the Edge: Command and Control in the Information Age. – Washington, DC: CCRP Publication Series. 2003 – 11 p.
129. Armstrong A. Communicating Climate Change: A Guide for Educators / A.K. Armstrong, M.E. Krasny, J.P. Schuld. – Cornell: Cornell University Press, 2018. – 59 p.
130. Atkinson S., Moffat J. The Agile Organization: From Informal Networks to Complex Effects and Agility. – Washington, DC: DoD Command and Control Research Program, 2005. – 211 p.
131. Bowden M. Killing Pablo: The Hunt for the World's Greatest Outlaw. – Grove Press, 2001. – 304 p.
132. Buchanan B. The Cybersecurity Dilemma: Hacking, Trust, and Fear Between Nations. – Oxford University Press, 2017. – 304 p.
133. Clarke R., Knake R. Cyber War: The Next Threat to National Security and What To Do About It. – New York, NY: Ecco, 2010. – 304 p.
134. Complexity, Global Politics, and National Security / Beyerchen A. et al. – National Defense University Washington, D.C., 1998. – 180 p.

135. Cusumano E., Corbe M. (eds). *A Civil-Military Response to Hybrid Threats*. – Palgrave Macmillan, Cham, 2018. – 320 p.
136. Daniel G. et al. *Network-Centric Operations Case Study: The Stryker Brigade Combat Team*. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2005. – 137 p.
137. Echevarria A. *Operating in the Gray Zone: An Alternative Paradigm for U.S. Military Strategy*. – Pennsylvania: US Army War College Press, 2016. – 68 p.
138. Erickson A., Martinson R. *China's Maritime Gray Zone Operations*. – Annapolis, MD: Naval Institute Press, 2019. – 352 p.
139. Hannas W., Mulvenon J., Puglisi A. *Chinese Industrial Espionage: Technology Acquisition and Military Modernization*. – New York: Routledge, 2013. – 302 p.
140. Hoffman F. *Conflict in the 21-st century. The rise of hybrid wars*. – Arlington: Potomac Institute for policy studies, 2007. – 72 p.
141. *Hybrid Warfare and the Gray Zone Threat / Terrorism: Commentary on Security Documents*. V. 141. Ed. by Lovelace D. – New York: Oxford University Press, 2016. – 396 p.
142. Korybko A. *Hybrid Wars: The Indirect Adaptive Approach To Regime Change*. – Moscow: People's Friendship University of Russia, 2015. – 174 p.
143. Libicki M. *Cyberspace in Peace and War*. By. – Naval Institute Press, 2016. – 496 p.
144. Liu X. *Military Response to Significant Sudden Incidents and Crises: Research on Military Operations Other than War (军队应对重大突发事件和危机非战争军事行动研究)*. – Beijing: National Defense University Press, 2009. – 401 p.
145. Luttwak E. *Coup d'État: A Practical Handbook*. – Harvard University Press, 1968. – 210 p.
146. Moffat J. *Complexity Theory and Network Centric Warfare*. – Washington, DC: Do Command and Control Research Programm, 2003. – 160 p.
147. Nye J. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. – New York: Basic Books, 1990. – 307 p.

148. Nye J. The Future of Power. – NY.: Public Affairs, 2011. – 320 p.
149. Rekkedal N. et al. Winds of Change On Irregular Warfare. – Helsinki, National Defence University of Finland, Department of Military History. Publication series 2 N:o 18, 2012. – 465 p.
150. Rona T. Weapon systems and information War. – Washington: Boeing Aerospace Company, 1976. – 27 p.
151. Shakarian P., Shakarian J., Ruef A. Introduction to the cyber warfare: A multidisciplinary approach. – Syngress Publishing, 2013. – 336 p.
152. The social engagement of social science: A Tavistock anthology. Volume 1: The Socio-Psychological Perspective / Ed. by Trist E., Murray H. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. – 625 p.
153. Watts C. Messing with the Enemy: Surviving in a Social Media World of Hackers, Terrorists, Russians, and Fake News. – Harper Collins, New York, 2018. – 304 p.

Статьи в научных периодических изданиях и сборниках

154. Альисса М.А. Проблема Идлиба: стратегия и тактика ключевых игроков, причины обострения ситуации на современном этапе // Горизонты гуманитарного знания. – 2020. – № 2. – С. 45-57.
155. Ананьева Е.В., Сафронов А.В. Киевские хроники // Современная Европа. – 2015. – № 2. – С. 130-141.
156. Аршин К.В. Управление миграцией как элемент контртеррористической политики // Наука. Общество. Оборона. – 2019. – Т.7. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-migratsiei-kak-element-kontrterroristicheskoi-politiki/viewer> (дата обращения: 28.11.2022).
157. Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. – 2018. – № 10. – С. 5-20.
158. Батюк В.И. Политика США на постсоветском пространстве после окончания «холодной войны» // Международная жизнь. – 2011. – № 8. – С. 61-75.

159. Батюк В.И. Россия, США и «цветные революции» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 8. – С. 15-26.
160. Берков А. Силы специальных операций Вооруженных сил Украины // Зарубежное военное обозрение. – 2020. – № 7. – С. 37-43.
161. Борзова А.Ю., Агаев Ю.И., Торкунова Ю.А. Китай – CELAC: новые тенденции в экономическом сотрудничестве // Латинская Америка. – 2018. – № 7. – С. 32-46.
162. Будаев А.В. Уроки никарагуанского «майдана» // Латинская Америка. – 2019. – № 2. – С. 5-16.
163. Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19. № 1. – С. 35-46.
164. Ганнова О.С. Сетевая война: сущность и содержание // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 5. – С. 337-341.
165. Гилёв А.О. Многомерная война и новая оборонная стратегия // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т.12. № 5. – С. 47-56.
166. Глазьев С.Ю. О внешних и внутренних угрозах экономической безопасности в условиях американской агрессии // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2015. – № 1. – С. 4-20.
167. Глазьев С.Ю. Политика экономического роста в условиях глобального кризиса // Партнерство цивилизаций. – 2012. – № 2. – С. 66-90.
168. Губанов С.С. Системный кризис и выбор пути развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 2. – С. 23-41.
169. Гурьянов П.А. Два Майдана на Украине: предпосылки, особенности и геополитические последствия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – Т. 10. № 41. – С. 51-59.
170. Дудчак А.В. О роли неправительственных и некоммерческих организаций, финансируемых из-за рубежа, в разрушении государственного суверенитета, на примере деятельности Фонда Сороса на Украине в период

- с 1991 г. до февраля 2014 г. // Постсоветский материк. – 2019. – № 3. – С. 54-80.
171. Евстафьев Д.Г., Манойло А.В. Генезис современных цветных революций (на примере Венесуэлы и Белоруссии) // Дипломатическая служба. – 2021. – № 1. – С. 50-61.
172. Зайцев А.Я., Манойло А.В. Роль частных военных компаний в использовании технологий «облачного противника» // Вестник Российской академии наук. – 2021. – Т. 91. № 2. – С. 167-173.
173. Звягельская И.Д., Морозов В.М. Израиль – Иран: балансирование на грани? // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 5. – С. 182-187.
174. Кагарлицкий Б. Ю. Неуловимая правда революций // Логос. – 2012. – Т. 22. № 2. – С. 65-80.
175. Кара-Мурза С.Г. «Оранжевые» политические технологии // Проблемы управления. – 2011. – № 1. С. – 159-168.
176. Карпович О.Г. «Революция зонтиков» в Гонконге: признаки цветной революции // Политика и Общество. – 2015. – № 4. – С. 543-548.
177. Квашнин Ю.Д. и др. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. № 1. – С. 97-107.
178. Козлова О.А., Строкатов Д.А. Либерализация торговли страховыми услугами между США и ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 12. – С. 54-67.
179. Колесников А.В. Красная кнопка интернета // Индекс Безопасности. – 2015. – № 2. – С. 39-52.
180. Комлева Н.А. и др. Сирийский кризис как этап процесса реформирования Большого Ближнего Востока (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия История и политические науки. – 2015. – № 5. – С. 8-60.
181. Котляр В.С. Война в Сирии в свете норм международного права о применении государствами силы в международных отношениях //

- Международная жизнь. – 2013. – № 12. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/995> (дата обращения: 28.11.2022).
182. Кретов С.М. Федерализм как способ гармонизации интересов боливийского Востока и Запада // Политическая наука. – 2016. – № 1. – С. 147-160.
183. Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Политическое противоборство Саудовской Аравии и Ирана в сирийском кризисе в 2011–2016 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия. 3. Общественные науки. – 2018. – Т. 13. № 4. – С. 171-181.
184. Кузьмин В.А., Соколов Н.В. Цели и позиции Саудовской Аравии и Ирана в сирийском вопросе // Мусульманский мир. – 2018. – № 1. – С. 6-11.
185. Лаптева Е.М., Валуева Е.А. Феномен подсказки при решении задач // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – Т. 8. № 4. – С. 134-146.
186. Лукацкий А.В. Определение источника кибератак // Индекс Безопасности. – 2015. – № 2. – С. 73-86.
187. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 1. – С. 100-132.
188. Манойло А.В. Информационная война как угроза российской нации // Вестник Российской нации. – 2016. – № 6. – С. 174-184.
189. Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – Т. 6. № 39. – С. 61-67.
190. Манойло А.В. О противодействии цветным революциям // Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 332-363.
191. Манойло А.В. Цветная революция в Венесуэле // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 176-179.
192. Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 1-19.

193. Манойло А.В. Цветные революции как «отмычка для демократии» // Гражданин. Выборы. Власть. – 2017. – № 3. – С. 142-154.
194. Манойло А.В., Стебнева А.В., Стригунов К.С. Иранский фактор вступления России в сирийскую войну: причины и стратегические риски // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10. № 12. – С. 2883-2893.
195. Манойло А.В., Стригунов К.С. Геополитическая напряженность вокруг Ирана в локальном, региональном и глобальном контекстах // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. № 11. URL: <https://history.jes.su/s207987840008089-6-1/> (дата обращения 28.11.2022).
196. Манойло А.В., Стригунов К.С. Операция «Гедеон»: успех венесуэльских или американских спецслужб? // Международная жизнь. – 2020. – № 11. – С. 64-79.
197. Манойло А.В., Стригунов К.С. Технологии демонтажа чавистов: венесуэльский прецедент // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 1. – С. 213-237.
198. Манойло А.В., Теличко В.И., Попадюк А.Э. Методика противодействия фейковым новостям // Международная жизнь. – 2021. – № 7. – С. 78-93.
199. Махнёв С.Д. Угрозы конфликта в Сирии для национальной безопасности РФ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 1(2). – С. 345-350.
200. Мохаммад М.Д. Саудовская Аравия и Иран: анализ основных факторов соперничества // ПОЛИТЭКС. – 2014. – Т. 10. № 4. – С. 199-207.
201. Нагорняк К.И. Роль неправительственных организаций и проектов Государственного департамента США в подготовке «Евромайдана» на Украине // Стратегическая стабильность. – 2017. – № 1. – С. 73-74.
202. Наумов А.О. Мягкая сила и цветные революции // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3. № 1. – С. 73-86.

203. Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя // Государственное управление. Электронный вестник. – 2014. – № 45. – С. 148-178.
204. Нечаев Д.Н., Ницевич В.Ф., Бочанов М.А. «Цветные революции»: от soft power к гражданским войнам // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № Т. 10. № 6. – С. 115-120.
205. Новосельский А.В. Отражение правовой оценки гибридной войны против Сирии в научных публикациях // Вопросы безопасности. – 2019. – № 3. – С. 10-18.
206. Новосельцев С.В. Конфликт в Южно-китайском море в XXI веке: эволюция позиций участников // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9. № 3. – С. 88-100.
207. Окунева Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? // Латинская Америка. – 2020. – № 1. – С. 8-21.
208. Полуэктов А.Б. Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между ЕС и США: прообраз обновленной ВТО? // Торговая политика. – 2016. – Т. 2. № 6. – С. 22-40.
209. Пономарёва Е.Г. Протестное движение в Белоруссии : эволюция, технологии, символы // Обозреватель. – 2021. – № 2. – С. 5-28.
210. Пономарёва Е.Г. Секреты цветных революций: Современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль: Международный общественный журнал. – 2012. – № 1–2. – С. 87-98.
211. Пономарёва Е.Г. Что такое «цветные революции» и как с ними бороться? // Представительная власть. – 2016. – № 1–2. – С. 26-38.
212. Прохода В.А. Миграция как угроза безопасности принимающего сообщества: особенности восприятия коренным населением // Национальная безопасность / nota bene. – 2020. – № 2. – С. 62-82.

213. Родыгина Н.Ю. и др. Брексит: ход переговоров, перспективы, экономическая оценка // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 2. – С. 72-86.
214. Ромашкина Н.П. Глобальные военно-политические проблемы международной информационной безопасности: тенденции, угрозы, перспективы // Вопросы кибербезопасности. – 2019. – № 1 (29). – С. 2-9.
215. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Социальные маркеры политических катастроф // Социодинамика. – 2015. – № 12. – С. 81-111.
216. Сафронова Е.И. Проект «Один пояс, один путь» в контексте стран Африки и Латинской Америки // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2016. – Т. 21. № 21. – С. 159-173.
217. Свечников Н.И., Филюков А.Р. Политико-правовой анализ государственного переворота на Украине // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 23-27.
218. Семенов В.Л. Венесуэльский кризис и Россия // Латинская Америка. – 2019. – № 11. – С. 46–59.
219. Сидоренко И.Н. Конфликтологический подход к сущности социального насилия как деструкции // Труды БГТУ. Серия 6. – 2018. – № 1. – С. 96-100.
220. Соловей В.Д. «Цветные революции» и Россия // Сравнительная политика. – 2011. – Т. 2. № 1. – С. 33-43.
221. Стрельцов А.А. Суверенитет и юрисдикция государства в среде информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности // Международная жизнь. – 2017. – № 2. – С. 88-106.
222. Стригунов К.С., Безвербный В.А. Современные проблемы политической демографии и вопросы безопасности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2020. – № 3. – С. 21-38.
223. Стригунов К.С., Манойло А.В. Кризис в Венесуэле и раскол внутри чавистского руководства // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 4. – С. 57-73.

224. Стригунов К.С., Манойло А.В. Переворот в Боливии: внутренние и внешние факторы // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 466. – С. 131-142.
225. Стригунов К.С., Манойло А.В. Стратегия «Шах и мат Мадуро» как исток операции «Гедеон» // Международная жизнь. – 2021. – № 3. – С. 56-71.
226. Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. – 2019. – № 4. – С. 157-193.
227. Стригунов К.С., Манойло А.В., Го Фэнли. Фейковые новости и технология превентивной делегитимизации выборов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2022. – № 2. – С. 98-109.
228. Тория Ж.Н. Проблемы формирования национальной идентичности французской молодежи: социологический анализ // Коммуникология. – 2017. – Т. 6. № 5. – С. 103-110.
229. Фененко А.В. «Долгий мир» и ядерное оружие // Россия в глобальной политике. – 2018. – Т. 16. № 6. – С. 99-123.
230. Филимонов Г.Ю., Данюк Н.С. Социально-экономические предпосылки и последствия «цветных революций» // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2017. – № 1. – С. 7-21.
231. Фитуни Л.Л. «Арабская весна»: трансформация политических парадигм в контексте международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 1. – С. 3-14.
232. Хамдохов С.А. Турция-Иран: Начало «холодной войны» или временно похолодание в отношениях? // Азия и Африка сегодня. – 2012. – № 12. – С. 49-51.
233. Циткилов П.Я. Общественная дестабилизация Беларуси конца лета – осени 2020 г., её внешнеполитические факторы // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 1. – С. 18-43.

234. Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 4. – С. 253-258.
235. Цымбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 3. – С. 27-55.
236. Чернышев А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур // Латинская Америка. – 2020. – № 1. – С. 22-32.
237. Шаклеина Т.А. «Дилемма Америки» в формировании современного мирового порядка // Международные процессы. – 2019. – Т. 17. № 4. (59). – С. 36-48.
238. Шаклеина Т.А. Новый этап в формировании мирового порядка // Международные процессы. – 2021. – Т. 19 № 3. (66). – С. 6-21.
239. Шариков П.А. Подходы РФ и США к проблеме международно-правового обеспечения информационной безопасности // Проблемы национальной стратегии. – 2013. – № 5(20). – С. 131-144.
240. Штофер Л.Л. Военная безопасность на современном этапе развития: пути трансформации и меры обеспечения // Гуманитарий юга России. – 2019. – Т. 8. № 4. – С. 145-157.
241. Шульц Э.Э. Технологии бунта: «Цветные революции» и «Арабская весна» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № Т. 10. № 19. – С. 46-53.
242. Юрченко В.М., Олейник В.И. Религия и политика: исламизм в светском государстве (на материалах Западной Европы) // Вестник Российской нации. – 2014. – № 6. – С. 289-296.
243. Яковлев П.П. Россия и Латинская Америка: параметры стратегического партнерства // Латинская Америка. – 2016. – № 1. – С. 5-14.
244. Ясносокирский Ю.А. «Ответственность по защите» и цветные революции // Вопросы российского и международного права. – 2014. – № 10. – С. 21-42.

245. Ackerman P., Rodal B. The Strategic Dimensions of Civil Resistance // *Survival*. – 2008. – V. 50. № 3. – P. 111-126.
246. Adomeit H. Russland und der Westen: Von 'strategischer Partnerschaft' zur strategischen Gegnerschaft // *Sirius*. – 2021. – V. 5. № 2. – P. 107-124.
247. Alford L. Cyber warfare: A new doctrine and taxonomy // *The Journal of Defense Software Engineering*. – 2001. – V. 14. № 4. – P. 27-30.
248. Almäng J. War, vagueness and hybrid war // *Defence Studies*. – 2019. – V. 19. № 2. – P. 189-204.
249. Arażna M. Conflicts of the 21st century based on multidimensional warfare – “hybrid warfare”, disinformation and manipulation // *Security and Defence Quarterly*. – 2015. – V. 8. № 3. – P. 103-129.
250. Bachmann S., Gunneriusson H. Hybrid Wars: The 21st-Century's New Threats to Global Peace and Security // *Scientia militaria, South African Journal of military Studies*. – 2015. – V. 43. № 1. – P. 77-98.
251. Bak P., Chen K. Self-Organized Criticality // *Scientific American*. – 1991. – V. 264. № 1. – P. 46-53.
252. Bak P., Tang Ch., Wiesenfeld K. Self-organized criticality: An explanation of 1/f noise // *Phys. Rev. Lett.* – 1987. – V. 59. № 4. – P. 381-384.
253. Bąk T. The Wave of Migration in Europe as a Cause of Terrorist Threat // International conference KNOWLEDGE-BASED ORGANIZATION. – 2016. – V. 22. № 1. – P. 1-9.
254. Bērziņa I. Weaponization of «Colour Revolutions» // *Journal of Political Marketing*. – 2019. – V. 18. № 4. – P. 330-343.
255. Brown J. An Alternative War: The Development, Impact, and Legality of Hybrid Warfare Conducted by the Nation State // *Journal of Global Faultlines*. – 2018. – V. 5. № 1–2. – P. 58-82.
256. Cebrowski A., Garstka J. Network Centric Warfare: Its Origin and Future // *Proceedings of the Naval Institute*. – 1998. – V. 124. № 1. – P. 28-35.
257. Chapman R. et al. The Systems Research Laboratory's Air Defense Experiments // *Management Science*. – 1959. – V. 5. № 3. – P. 250-269.

258. Galeotti M. Hybrid, ambiguous, and non-linear? How new is Russia's 'new way of war'? // *Small Wars & Insurgencies*. – 2016. – V. 27. № 2. – P. 282-301.
259. Galtung J. Violence, Peace and Peace Research // *Journal of Peace Research*. – 1969. – V.6. № 3. – P. 167-191.
260. Gherman L. Warfare in the Information Age // *Journal of Defense Resources Management*. – 2010. – V. 1. № 1. – P. 101-106.
261. Gilder G. Metcalf's law and legacy // *Forbes ASAP*. – 1993. – V. 152. № 6. – P. 158-159.
262. Cohen M., Freilich C., Siboni G. Israel and Cyberspace: Unique Threat and Response // *International Studies Perspective*. – 2016. – V. 17. № 3. – P. 307-321.
263. Goldstone J. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory // *Annual Review of Political Science*. – 2001. – V. 4. – P. 139-187.
264. Collins S., McCombie S. Stuxnet: the emergence of a new cyber weapon and its implications // *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*. – 2012. – V. 7. № 1. – P. 80-91.
265. Goodwin M., Milazzo C. Taking back control? Investigating the role of immigration in the 2016 vote for Brexit // *British Journal of Politics & International Relations*. – 2017. – V. 19. № 3. – P. 450-464.
266. Editorial. Build a sustainable Belt and Road // *Nature*. – 2019. – V. 569. № 7757. URL: <https://www.nature.com/articles/d41586-019-01309-0> (дата обращения: 28.11.2022).
267. Elonheimo T. Comprehensive Security Approach in Response to Russian Hybrid Warfare // *Strategic Studies Quarterly*. – 2021. – V. 15. № 3. – P. 113-137.
268. Emery F., Trist E. The Causal Texture of Organizational Environments // *Human Relations*. – 1965. – V. 18. № 1. – P. 21-32.
269. Guo F.-F., Huang C.-F., Wu X.-L. Strategic analysis on the construction of new energy corridor China–Pakistan–Iran–Turkey // *Energy Reports*. – 2019. – V. 5. – P. 828-841.

270. Hale H. Regime Change Cascades: What We Have Learned from the 1848 Revolutions to the 2011 Arab Uprisings // *Annual Review of Political Science*. – 2013. – V. 16. – P. 331-351.
271. Hoffman F. Examining Complex Forms of Conflict: Gray Zone and Hybrid Challenges // *PRISM, the journal of complex operations*. – 2018. – V. 7. № 4.
272. Hoffman F. ‘Hybrid Threats’: Neither Omnipotent Nor Unbeatable // *Orbis*. – 2010. – V. 54. № 3. – P. 441-455.
273. Kilcullen D. The Evolution of Unconventional Warfare // *Scandinavian Journal of Military Studies*. – 2019. – V. 2. № 1. – P. 61-71.
274. Klingman A., Goldstein Z. Adolescents' response to unconventional war threat prior to the gulf war // *Death Studies*. – 1994. – V. 18. № 1. – P. 75-82.
275. Lind W. et al. The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // *Marine Corps Gazette*. – 1989. – № 73. – P. 22-26.
276. Mann S. Chaos Theory and Strategic Thought // *Parameters (US Army War College Quarterly)*. – 1992. – V. 22. – P. 54-68.
277. Masood E. How China is redrawing the map of world science // *Nature*. – 2019. – V. 569. № 7757. – P. 20-23.
278. McCuen J. Hybrid Wars // *Military Review*. – 2008. – V. 88. № 2. – P. 107-113.
279. Meiter J. Network Enabled Capability: A Theory Desperately in Need of Doctrine // *Defence Studies*. – 2006. – V. 6. № 2. – P. 189-214.
280. Parks R., Duggan D. Principles of cyberwarfare // *IEEE Security & Privacy*. – 2011. – V. 9. № 5. – P. 30-35.
281. Rekkedal N. Kahdenlaisesta sodasta // *Tiede ja ase*. – 2009. – V. 66. URL: <https://journal.fi/ta/article/view/1879> (дата обращения: 29.11.2022).
282. Robinson M., Jones K., Janicke H. Cyberwarfare: Issues and challenges // *Computers & Security*. – 2015 – V. 49. – P. 70-94.
283. Scheffran J. Formen hybrider Kriege: Zwischen Ambivalenz und Komplexität // *Wissenschaft & Frieden*. – 2019. – № 3. – P. 9-12.
284. Schnauffer T. II. Redefining Hybrid Warfare: Russia's Non-linear War against the West // *Journal of Strategic Security*. – 2017. – V. 10. № 1. – P. 17-31.

285. Stoker D., Whiteside C. Blurred Lines: Gray-Zone Conflict and Hybrid War – Two Failures of American Strategic Thinking // *Naval War College Review*. – 2020. – V. 73. № 1. – P. 1-37.
286. Strigunov K.S., Manoilo A.V., Rozhin B.A., Simons G. Energy market wars as a factor of military-political escalation in Eastern Mediterranean region: A Russian perspective // *Cogent Social Sciences*. – 2022. с V. 8. № 1. – P. 1-17.
287. Tan KH, Perudin A. The «Geopolitical» Factor in the Syrian Civil War: A Corpus-Based Thematic Analysis // *SAGE Open*. – 2019. – V. 9. № 2. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2158244019856729> (дата обращения: 28.11.2022).
288. Way L. The Real Causes of the Color Revolutions // *Journal of Democracy*. – 2008. – V. 19. № 3. – P. 55-69.
289. Weintraub C. American Revolutions in Georgia and Ukraine: An Analysis of the Role of Public Relations and NGOs in the Political Regimes' Change in the Post-Soviet Space // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2012. – № 33. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2012/vipusk__33._avgust_2012_g./kommunikazionnii_menedjment_i_strategiticheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/weintraub.pdf (дата обращения: 29.11.2022).
290. Yimin Z. A Double-Edged Sword: Russia's Hybrid Warfare in Syria // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. – 2019. – V. 13. № 2. – P. 246-261.
291. Zhang XZ, Liu JJ, Xu ZW. Tencent and Facebook data validate Metcalfe's law // *Journal of Computer Science and Technology*. – 2015. – V. 30. № 2. – P. 246-251.
292. Zhao Z., Zhao J. On Control and Management of Military Crises (论军事危机的管控) // *China Military Science (中国军事科学)*. – 2013. – № 4. – P. 65.

293. Zollmann F. Bringing Propaganda Back into News Media Studies // *Critical Sociology*. – 2019. – V. 45. № 3. – P. 329-345.

Материалы конференций

294. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12. / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – Ч. 1. – 984 с.
295. Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России. Международная научная конференция (Центр военно-политических исследований МГИМО) / Сборник докладов под ред. Подберезкина А.И. Москва, 2016. – 169 с.
296. Хамзатов М.М. «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности // Дни науки. «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО, 2014. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/30887> (дата обращения: 29.11.2022).
297. Taddeo M. An analysis for a just cyber warfare // 2012 4th International Conference on Cyber Conflict (CYCON 2012). – 2012. – P. 1-10.

Диссертации

298. Данюк Н.С. Внешняя политика Российской Федерации (2000-2016 гг.) и феномен «цветных революций»: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.15. – М., 2018. – 312 с.
299. Курилкин А.В. Информационные и кибернетические операции как инструмент реализации внешней политики: формы, методы, технологии дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2021. – 207 с.
300. Пиляева М.А. Политика Израиля по выстраиванию отношений с мусульманскими странами на примере Турции и Ирана : 1950–2011 гг.: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.15. – М., 2012. – 141 с.
301. Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис в трансформирующейся системе международных отношений: дисс. ... доктор. истор. наук: 07.00.15. – М., 2018. – 1047 с.
302. Sharp G. The politics of nonviolent action: a study in the control of political power: doctoral dissertation. – University of Oxford, 1968.

Аналитические доклады и публикации

303. Дудаков М. Цифровая революция в Гонконге [Электронный ресурс] // Центр изучения новых коммуникаций [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://zn.center/upload/img/1452421253.pdf> (дата обращения: 19.04.2022).
304. Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие. Функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу) [Электронный ресурс] // Изборский клуб [Официальный сайт]. 2013. URL: <https://izborsk-club.ru/1466> (дата обращения: 19.03.2022).
305. Стригунов К.С. Миграционный удар по Европе. Уроки для России [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://riss.ru/mail/20645/> (дата обращения: 10.05.2022).
306. Фененко А.В. Какой будет война будущего? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kakoy-budet-voyna-budushchego/> (дата обращения: 13.02.2023).
307. Хетагуров А. Организация кибербезопасности Украины [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/cyberukraine-org> (дата обращения: 29.03.2022).
308. Allen K. Hybrid warfare – Africa beware [Электронный документ] // Institute for Security Studies [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://issafrica.org/iss-today/hybrid-warfare-africa-beware> (дата обращения: 27.11.2022).
309. Amble J. War and the Human Brain, with Dr. James Giordano [Электронный ресурс] // Modern War Institute at West Point [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://mwi.usma.edu/mwi-podcast-war-human-brain-dr-james-giordano/> (дата обращения: 10.03.2022).
310. Arquilla J., Ronfeldt D. Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy [Электронный ресурс] // RAND Corporation [Официальный сайт].

2001. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1382.htm (дата обращения: 04.03.2022).
311. Basra R., Neumann P., Brunner C. Criminal Pasts, Terrorist Futures: European Jihadists and the New Crime-Terror Nexus [Электронный ресурс] // The International Centre for the Study of Radicalisation [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://icsr.info/wp-content/uploads/2016/10/ICSR-Report-Criminal-Pasts-Terrorist-Futures-European-Jihadists-and-the-New-Crime-Terror-Nexus.pdf> (дата обращения: 19.05.2022).
312. Cartalucci T. Hong Kong's "Occupy Central" is US-backed Sedition [Электронный ресурс] // New Eastern Outlook [Официальный сайт]. 2014. URL: <https://journal-neo.org/2014/10/01/hong-kong-s-occupy-central-is-us-backed-sedition/> (дата обращения: 16.04.2022).
313. Chambers J. Countering Gray-Zone Hybrid Threats. An Analysis of Russia's «New Generation Warfare» and Implications for the US Army [Электронный ресурс] // Modern War Institute at West Point [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://mwi.usma.edu/wp-content/uploads/2016/10/Countering-Gray-Zone-Hybrid-Threats.pdf> (дата обращения: 13.03.2022).
314. Denning D. How the Chinese Cyberthreat Has Evolved [Электронный ресурс] // Scientific American [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/how-the-chinese-cyberthreat-has-evolved/> (дата обращения: 27.11.2022).
315. Dreher A., Gassebner M., Schaudt P. Migration and terror [Электронный ресурс] // Centre for Economic Policy Research [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://cepr.org/voxeu/columns/migration-and-terror> (дата обращения: 28.11.2022).
316. Foreign Fighters. An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq [Электронный ресурс] // The Soufan Group [Официальный сайт]. 2015. URL: https://wb-iisg.com/wp-content/uploads/attachments/4826/TSG_ForeignFightersUpflow.pdf (дата обращения: 14.05.2022).

317. Jones S. The Future of Competition: U.S. Adversaries and the Growth of Irregular Warfare [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://www.csis.org/analysis/future-competition-us-adversaries-and-growth-irregular-warfare> (дата обращения: 25.11.2022).
318. Long G. et al. What Happened in Bolivia's 2019 Vote Count? [Электронный ресурс] // Center for Economic and Policy Research [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://cepr.net/publications/reports/bolivia-elections-2019-11> (дата обращения: 02.04.2022).
319. Modeling Human and Organizational Behavior: Application to Military Simulations [Электронный ресурс] // National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine [Официальный сайт]. 1998. URL: <https://nap.nationalacademies.org/catalog/6173/modeling-human-and-organizational-behavior-application-to-military-simulations> (дата обращения: 26.11.2022).
320. Polyakova A., Boulègue M. The Evolution of Russian Hybrid Warfare: Executive Summary [Электронный ресурс] // The Center for European Policy Analysis [Официальный сайт]. 2021. URL: https://cepa.org/comprehensive-reports/the-evolution-of-russian-hybrid-warfare-executive-summary/#footnote_6_621 (дата обращения: 26.11.2022).
321. Tilford S. Britain, Immigration and Brexit [Электронный ресурс] // Center for European Reform [Официальный сайт]. 2015. URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/bulletin_105_st_article1.pdf (дата обращения: 05.05.2022).
322. Vadum M. Origins of Antifa [Электронный ресурс] // Capital Research Center [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://capitalresearch.org/article/origins-of-antifa/> (дата обращения: 28.04.2022).
323. Wilson C. Network Centric Operations: Background and Oversight Issues for Congress [Электронный ресурс] // CRS Report for Congress. 2007. URL: https://www.researchgate.net/publication/235121618_Network_Centric_Operatio

ns_Background_and_Oversight_Issues_for_Congress (дата обращения: 03.03.2022).

Материалы СМИ и источники из сети Интернет

324. Апхаидзе Ш. Криминальный Туран: миф или реальность? [Электронный ресурс] // ИА News-Front [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://news-front.info/2021/09/26/kriminalnyy-turan-mif-ili-realnost/> (дата обращения: 24.03.2022).
325. Белые американцы нежно целуют ботинки чернокожих погромщиков. Примирение и согласие в США [Электронный ресурс] // YouTube канал «Сергей Колясников». 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AQBaR4N1CyQ> (дата обращения: 15.06.2022).
326. Белянинов К. Трамп устал от карантина. У американцев нет денег на оплату самоизоляции [Электронный ресурс] // BBC [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-52029686> (дата обращения: 29.04.2022).
327. Боевой микроб: Россия подозревает США в подготовке к биологической войне [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://ria.ru/20181004/1530014686.html> (дата обращения: 28.03.2022).
328. В июле безработица в США снизилась до 10,2% [Электронный ресурс] // Финмаркет [Официальный сайт]. 2020. URL: <http://www.finmarket.ru/database/news/5290920> (дата обращения: 29.04.2022).
329. В СМИ появились новые данные о наемниках батальона «Азов» [Электронный ресурс] // Телеканал «Беларусь 1» [Официальный сайт]. 2021. URL: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/v_smi_poyavilis_novye_dannye_o_naemnikakh_batalona_azov/?PAGEN_2=15 (дата обращения: 23.03.2022).
330. Война как национальная и глобальная угроза [Электронный ресурс] // Военный энциклопедический словарь [Официальный сайт]. 2007. URL:

- https://encyclopedia.mil.ru/files/morf/VoV_Vol12_Voina_kak_ugroza.pdf (дата обращения: 13.02.2023).
331. Выборы в Беларуси: пикет Тихановской в Минске собрал тысячи людей [Электронный ресурс] // BBC [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53455861> (дата обращения: 22.04.2022).
332. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении [Электронный ресурс] // Военно-промышленный курьер [Официальный сайт]. 2013. URL: <https://vpk-news.ru/articles/14632> (дата обращения: 07.03.2022).
333. Глава СВР Сергей Нарышкин: «Разведка работает на мир» [Электронный ресурс] // Московский комсомолец [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.mk.ru/politics/2022/02/10/glava-svr-sergey-naryshkin-razvedka-rabotaet-na-mir.html> (дата обращения: 27.11.2022).
334. Глазьев С.Ю. «Народ плохо понимает, что происходит»: Сергей Глазьев о деталях плана Запада и о том, как его сломать [Электронный ресурс] // Деловая электронная газета «БИЗНЕС Online» [Официальный сайт]. 2022. URL: <http://svop.ru/main/41821/> (дата обращения: 24.05.2022).
335. Другой Сянган: как начинался шторм [Электронный ресурс] // Китайская глобальная телевизионная сеть (CGTN) [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://russian.cgtn.com/t/BfJAA-BcA-CcA/DAaBAA/index.html> (дата обращения: 19.04.2022).
336. Дугин А.Г. Мир охвачен сетевыми войнами [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. 2005. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2005-11-25/4_netwars.html (дата обращения: 04.03.2022).
337. Евстафьев Д. Кризис в Республике Белоруссия: новый уровень социоинформационных войн [Электронный ресурс] // Еженедельник «Звезда» [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20208311343-vA12v.html> (дата обращения: 25.04.2022).

338. Жуков В. В казахстанский мятеж вмешались польские спецслужбы [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд» [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://vz.ru/world/2022/1/10/1138089.html> (дата обращения: 19.05.2022).
339. За время пандемии COVID-19 в Украине ООН зафиксировала рост погибших среди гражданского населения на востоке страны [Электронный ресурс] // Интерфакс [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://interfax.com.ua/news/general/689648.html> (дата обращения: 12.05.2022).
340. Иванов С. Иранцы начинают уставать от агрессивной политики аятолл [Электронный ресурс] // RIATAZA [Официальный сайт]. 2017. URL: <http://riataza.com/2017/12/31/irantsyi-nachinayut-ustavat-ot-agressivnoy-vneshney-politiki-ayatoll/> (дата обращения: 16.05.2022).
341. Ильницкий А.М. Ментальная война [Электронный ресурс] // Военная мысль (военно-теоретический журнал). Министерство обороны РФ [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/336904/> (дата обращения: 11.03.2022).
342. Источник: песчаная буря помогла боевикам захватить авиабазу в Сирии [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://ria.ru/20150909/1240133062.html> (дата обращения: 19.05.2022).
343. Как Россия блокировала резолюции СБ ООН по Сирии. Досье [Электронный ресурс] // ТАСС [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://tass.ru/info/5113763> (дата обращения: 25.03.2022).
344. Каков размер «денежного вознаграждения» от США участникам беспорядков в Сянгане? [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0827/c95181-9609501.html> (дата обращения: 16.04.2022).

345. Китай завершил масштабный проект расширения береговой зоны в порту Коломбо [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://ria.ru/20190117/1549469337.html> (дата обращения: 14.04.2022).
346. Китай назвал насилие в ходе протестов в Гонконге «творением» США [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://ria.ru/20190730/1557006794.html> (дата обращения: 15.04.2022).
347. Лавров: РФ и ФРГ обсудили возможность встречи «четверки» с учетом попытки диверсии в Крыму [Электронный ресурс] // ТАСС [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://tass.ru/politika/3538904> (дата обращения: 12.05.2022).
348. Лампси А. Триггеры информационной схватки [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. 2020. URL: https://nvo.ng.ru/spforces/2020-11-12/1_1117_triggers.html (дата обращения: 12.05.2022).
349. Литовкин В. Кибервойна с системами управления [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. 2011. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2011-02-04/11_cyberwar.html (дата обращения: 11.03.2022).
350. Лукашенко заявил о присутствии террориста на борту Ryanair [Электронный ресурс] // Известия [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://iz.ru/1169384/2021-05-26/lukashenko-zaiavil-o-prisutstvii-terrorista-na-bortu-ryanair> (дата обращения: 25.04.2022).
351. Манойло А.В., Петренко А.И., Стригунов К.С. Основные аспекты информационный войны Украины и Запада против России в ходе спецоперации [Электронный ресурс] // Идеология будущего. № 6. [Официальный сайт]. 2022. URL: https://histrf.ru/files/ideology_of_future_6.pdf (дата обращения: 19.01.2023).
352. Манойло А.В., Стригунов К.С. Венесуэльский прецедент: как была сорвана попытка очередной цветной революции // Культурная политика. – 2019. – № 2. URL: <https://histrf.ru/magazine> (дата обращения: 15.04.2022).

353. Манойло А.В., Стригунов К.С. Делегитимизация выборов (доклад) [Электронный ресурс] // Известия [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://unity.iz.ru/Novye%20technologii%20organizacii%20gosperevorotov%20v%20raznyh%20stranah.pdf> (дата обращения: 21.04.2022).
354. Манойло А.В., Стригунов К.С. Казахстанский мятеж: Технология очередной попытки госпереворота [Электронный ресурс] // «Белорусская военная газета. Во славу Родины» [Официальный сайт]. 2022. URL: https://vsr.mil.by/rubrics/vremya_sobytiya_lyudi/kazakhstanskiy_myatezh_tekhnologiya_ocherednoy_popytki_gosperevorota/ (дата обращения: 24.03.2022).
355. Минобороны РФ сообщило об уничтожении на Украине 1035 иностранных наемников [Электронный ресурс] // Интерфакс [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.interfax.ru/world/835351> (дата обращения: 18.04.2022).
356. Мишустин назвал дедолларизацию приоритетом экономики России [Электронный ресурс] // Известия [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://iz.ru/1337445/2022-05-20/mishustin-nazval-dedollarizatciiu-prioritetom-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 25.05.2022).
357. Мишустин сообщил о более 6000 санкциях, введенных против России [Электронный ресурс] // Ведомости [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/04/07/917085-sanktsii-vvedennih-protiv-rossii> (дата обращения: 30.03.2022).
358. Могерини: миграционный кризис охватывает 12 миллионов человек [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://ria.ru/20150915/1252703190.html> (дата обращения: 04.05.2022).
359. Моторин В. «Наша цель – раздеть Лукашенко»: уехавший в Россию соперник белорусского президента о бегстве и стратегии оппозиции [Электронный ресурс] // Forbes [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo/405773-nasha-cel-razdet-lukashenko-uehavshiy-v-rossiyu-sopernik-belorusskogo-prezidenta> (дата обращения: 21.04.2022).

360. Никандров Н. Террористы из Европы атакуют в Боливии [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры [Официальный сайт]. 2009. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2009/05/01/9443-9443.html?print> (дата обращения: 04.04.2022).
361. Полиция и чернокожие в США: факты и мифы [Электронный ресурс] // BBC [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-36837450> (дата обращения: 28.04.2022).
362. Посол Армении заявил о переброске Турцией из Сирии боевиков в Карабах [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://ria.ru/20200928/karabakh-1577872619.html> (дата обращения: 27.11.2022).
363. Программа импортозамещения провалена полностью, заявил Клишас [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://ria.ru/20220519/importozameschenie-1789395009.html> (дата обращения: 24.05.2022).
364. Прохвятилов В. Кто стоит за государственным переворотом в Боливии? [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры [Официальный сайт]. 2010. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/11/13/kto-stoit-za-gosudarstvennym-perevorotom-v-bolivii-49453.html> (дата обращения: 03.04.2022).
365. Российский политолог Игорь Панарин: Польша проводит психологические операции против Беларуси [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.sb.by/articles/rossiyskiy-politolog-igor-panarin-polsha-provodit-psikhologicheskie-operatsii-protiv-belarusi.html> (дата обращения: 25.04.2022).
366. «Россия не собирается сама себя отключать»: Секретарь Совета безопасности РФ Николай Патрушев – о «суверенном интернете», продовольственной независимости и предстоящих президентских выборах на Украине [Электронный ресурс] // Известия [Официальный сайт]. 2019.

- URL: <https://iz.ru/859393/izvestiia/rossiia-ne-sobiraetsia-sama-sebia-otkliuchat> (дата обращения: 07.04.2022).
367. Савин Л. Гибридная война. Об истоках концепции // Институт высокого коммунитаризма [сайт]. 2015. URL: https://communitarian.ru/posts/setevye_voyny_i_tekhnologii/gibridnaya_voyna_28022015 (дата обращения: 21.11.2022).
368. СМИ оценили расходы Германии на беженцев в 10 млрд. евро в 2015 году [Электронный ресурс] // РБК [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://www.rbc.ru/economics/06/09/2015/55ebdb5e9a794755b44aa9fd> (дата обращения: 04.05.2022).
369. Стригунов К.С. Вашингтон на грани второй гражданской войны [Электронный ресурс] // Еженедельник «Звезда» [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/2020971515-RaRco.html> (дата обращения: 29.05.2022).
370. Стригунов. К.С. «Негро Примеро», или Крах дешёвой операции американского спецназа «Гедеон» [Электронный ресурс] // Еженедельник «Звезда» [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20205301227-QfFBV.html> (дата обращения: 27.05.2022).
371. Твиттер Бранко Маринковича. Дата регистрации: ноябрь 2010 г. Локация: Сан-Паулу, Бразилия [Электронный ресурс] // Twitter. 2010. URL: https://twitter.com/branko_goran (дата обращения: 04.04.2022).
372. «Те, кто отказался поддерживать Black Lives Matter, больше мне не друзья» [Электронный ресурс] // BAZA [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://baza.io/posts/4cc186f3-1c6c-491b-af3a-dcc79664103c> (дата обращения: 30.04.2022).
373. Тертель: несмотря на беспрецедентное давление, Беларусь живет и работает в нормальном ритме [Электронный ресурс] // БЕЛТА [Официальный сайт]. 2021. URL: <https://www.belta.by/politics/view/tertel-nesmotrja-na->

- bespretsedentnoe-davlenie-belarus-zhivet-i-rabotaet-v-normalnom-ritme-443070-2021/ (дата обращения: 25.05.2022).
374. У СВР есть данные о разработке Украиной ядерного оружия, заявил Нарышкин [Электронный ресурс] // РИА Новости [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://ria.ru/20220303/oruzhie-1776346303.html> (дата обращения: 27.03.2022).
375. ФРГ потратит на миграционную политику 78 млрд евро до 2022 года [Электронный ресурс] // Deutsche Welle [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.dw.com/ru/фрг-потратит-на-миграционную-политику-78-млрд-евро-до-2022-года/a-43848224> (дата обращения: 04.05.2022).
376. ФСКН: ежегодно в Афганистане производится 150 млрд разовых доз героина [Электронный ресурс] // ТАСС [Официальный сайт]. 2014. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1021989> (дата обращения: 10.04.2022).
377. Хамзатов М.М. Новая технология войны. Выступление на круглом столе «Война в Сирии – уроки для России». Часть 1 [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. 2014. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2014-10-24/1_nvo.html (дата обращения: 15.03.2022).
378. Черных Е. Вторжение беженцев в Европу организовали через Твиттер США и Англия [Электронный ресурс] // Комсомольская правда [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://www.kirov.kp.ru/daily/26434.4/3305391/> (дата обращения: 10.05.2022).
379. Шойгу рассказал о российских войсках информационных операций [Электронный ресурс] // РБК [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2017/58ad78cd9a794757f3c80ece> (дата обращения: 06.03.2022).
380. 10 Action Ideas for Building a Police-Free Future [Электронный ресурс] // MPD150 [Официальный сайт]. URL: <https://www.mpd150.com/10-action-ideas-for-building-a-police-free-future/> (дата обращения: 01.05.2022).

381. A twin-track strategy to deter Vladimir Putin [Электронный ресурс] // Financial Times [Официальный сайт] 2021. URL: <https://www.ft.com/content/a1b697b3-066f-4cb2-a5c3-20685e26cf12> (дата обращения: 27.11.2022).
382. A vast network for donors [Электронный ресурс] // The Washington Post [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/politics/clinton-foundation-donor-list/> (дата обращения: 29.05.2022).
383. About Us [Электронный ресурс] // NGP VAN [Официальный сайт]. URL: <https://www.ngpvan.com/about> (дата обращения: 01.05.2022).
384. Alliance for Global Justice (AFGJ) [Электронный ресурс] // Influence Watch [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.influencewatch.org/non-profit/alliance-for-global-justice/> (дата обращения: 28.04.2022).
385. Alsharif A. Saudi Arabia and Qatar funding Syrian rebels [Электронный ресурс] // Reuters [Официальный сайт]. 2012. URL: <https://www.reuters.com/article/us-syria-crisis-saudi/saudi-arabia-and-qatar-funding-syrian-rebels-idUSBRE85M07820120623> (дата обращения: 14.05.2022).
386. AntiFa Demands Pay from Soros [Электронный ресурс] // EerSports [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://247sports.com/college/west-virginia/Board/103782/Contents/AntiFa-Demands-Pay-from-Soros-72692051/> (дата обращения: 28.04.2022).
387. Afirman que el Comité pro Santa Cruz es financiado por fundación norteamericana [Электронный ресурс] // Holybolivia [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.hoybolivia.com/movil/noticia.php?IdNoticia=305873> (дата обращения: 04.04.2022).
388. Argomedo D. Information Warfare in Mexico's Drug War: The Dámaso López ("El Licenciado") Case Study [Электронный ресурс] // Small Wars Journal [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/information-warfare-mexicos-drug-war-damaso-lopez-el-licenciado-case-study> (дата обращения: 22.03.2022).

389. As SOA/WHINSEC Graduates Continue Their Legacy of Destabilizing Latin America, Human Rights Activists Return to Fort Benning Where State Agents are Trained [Электронный ресурс] // School of the Americas watch [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://www.soaw.org/home/> (дата обращения: 04.04.2022).
390. Avendaño O. ¿Cómo lograr que EEUU deponga a Maduro?, explica Sosa Azpúrgua [Электронный ресурс] // PanAm Post [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://panampost.com/orlando-avendano/2019/04/02/sosa-azpurua-guaido-debe-buscar-alianza-con-la-dea-para-extraer-a-maduro/> (дата обращения: 28.05.2022).
391. Bacchi U. Syria: Al-Nusra Jihadists 'Capture US TOW Anti-Tank Missiles' from Moderate Rebels [Электронный ресурс] // International Business Times [Официальный сайт]. 2014. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/syria-al-nusra-jihadists-capture-us-weaponry-moderate-rebels-1472864> (дата обращения: 23.03.2022).
392. Barnes J. The U.S. has expanded intelligence sharing with Ukraine about Russian troops in the Donbas region [Электронный ресурс] // The New York Times [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/13/world/europe/us-russian-troops-donbas-intelligence-sharing-ukraine.html> (дата обращения: 26.03.2022).
393. Bartholomew J. Britain's great divide [Электронный ресурс] // The Spectator [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/britain-s-great-divide> (дата обращения: 10.05.2022).
394. Bell B. Crime and immigration [Электронный ресурс] // IZA World of Labor [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://wol.iza.org/uploads/articles/469/pdfs/crime-and-immigration.pdf?v=1> (дата обращения: 05.05.2022).
395. Bershidsky L. Putin Needs a Real Casus Belli to Invade Ukraine [Электронный ресурс] // Bloomberg [Официальный сайт] 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2021-12-02/putin-needs-a-real->

- casus-belli-to-invade-ukraine?srnd=premium-europe (дата обращения: 27.11.2022).
396. Blinken A. [Электронный ресурс] // Twitter. Secretary Antony Blinken account. 2021. URL: <https://twitter.com/SecBlinken/status/1424132388054093824> (дата обращения: 24.04.2022).
397. Blumenthal M., Norton B. Bolivia coup led by Christian fascist paramilitary leader and millionaire – with foreign support [Электронный ресурс] // The Grayzone [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://thegrayzone.com/2019/11/11/bolivia-coup-fascist-foreign-support-fernando-camacho/> (дата обращения: 03.04.2022).
398. Bolivia: filtran audios de líderes opositores llamando a un golpe de estado contra Evo Morales [Электронный ресурс] // El Periódico [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://elperiodicocr.com/bolivia-filtran-audios-de-lideres-opositores-llamando-a-un-golpe-de-estado-contra-evo-morales/> (дата обращения: 04.04.2022).
399. Chart of the Day: Overseas Investment Rises and Falls With the mainland Stock market [Электронный ресурс] // Caixin Global [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.caixinglobal.com/2019-05-20/overseas-investment-rises-and-falls-with-the-mainland-stock-market-101417807.html> (дата обращения: 19.04.2022).
400. China – Exports Of Goods And Services (% Of GDP) [Электронный ресурс] // Trading Economics [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://tradingeconomics.com/china/exports-of-goods-and-services-percent-of-gdp-wb-data.html> (дата обращения: 13.04.2022).
401. China Still Lucrative for businesses Despite the Rising Wage Rates [Электронный ресурс] // Euromonitor International [Официальный сайт] 2017. URL: <https://blog.euromonitor.com/china-still-lucrative-businesses-despite-rising-wage-rates/> (дата обращения: 15.04.2022).
402. Cohen D. behind a made-for-TV Hong Kong protest narrative, Washington is backing nativism and mob violence [Электронный ресурс] // The Gray Zone

- [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://thegrayzone.com/2019/08/17/hong-kong-protest-washington-nativism-violence/> (дата обращения: 17.04.2022).
403. Crabtree B. The nexus of conflict and illicit drug trafficking [Электронный ресурс] // The Global Initiative against Transnational Organized Crime [Официальный сайт]. 2016. URL: <http://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2016/10/The-nexus-of-conflict-and-illicit-drug-trafficking-Syria-and-the-wider-region.pdf> (дата обращения: 10.04.2022).
404. Crowcroft O. Syrian sniper: US TOW missiles transform CIA-backed Syria rebels into ace marksmen in the fight against Assad [Электронный ресурс] // The International Business Times [Официальный сайт]. 2015. URL: <https://www.ibtimes.co.uk/syrian-sniper-us-tow-missiles-transform-cia-backed-syria-rebels-into-ace-marksmen-fight-against-1526468> (дата обращения: 23.03.2022).
405. Das ist das Aufblühen von etwas Gefährlichem [Электронный ресурс] // Der Spiegel [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/chemnitz-chronologie-zu-den-ausschreitungen-in-sachsen-a-1226103.html> (дата обращения: 05.05.2022).
406. Dixon R. Belarus's Lukashenko faces a surging political newcomer. The response is familiar crackdowns [Электронный ресурс] // The Washington Post [Официальный сайт]. 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/belarus-lukashenko-election-tikhanovskaya-opposition/2020/08/06/71d14ed0-d649-11ea-a788-2ce86ce81129_story.html (дата обращения: 22.04.2022).
407. Ellsworth B. Trump says U.S. military intervention in Venezuela 'an option;' Russia objects [Электронный ресурс] // Reuters [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-venezuela-politics-idUSKCN1PS0DK> (дата обращения: 08.04.2022).
408. EN VIVO – Pronunciamiento de Jorge Rodríguez sobre hechos en las costas venezolanas [Электронный ресурс] // VPItv [Официальный сайт]. 2020. URL:

- https://www.youtube.com/watch?v=D0yt3oBjF5s&feature=emb_logo&ab_channel=VPItv (дата обращения: 11.04.2022).
409. Fergus K. US Navy to procure 196 Tomahawk cruise missiles from Raytheon for \$260 million [Электронный ресурс] // The Defense Post [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://thedefensepost.com/2017/11/03/tomahawk-cruise-missiles-us-navy-raytheon/> (дата обращения: 20.03.2022).
410. Fluchthilfe is not a crime [Электронный ресурс] // The Peng! Collective. URL: <https://pen.gg/campaign/fluchthelferin/> (дата обращения: 18.10.2022).
411. Frequently Asked Questions [Электронный ресурс] // MDP150 [Официальный сайт]. URL: <https://www.mpd150.com/faq/> (дата обращения: 01.05.2022).
412. Gaytandzhieva D. US Task Force Smoking Gun smuggles weapons to Syria: Serbia files (part 2) [Электронный ресурс] // Arms Watch [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://armswatch.com/us-task-force-smoking-gun-smuggles-weapons-to-syria-serbia-files-part-2/> (дата обращения: 23.03.2022).
413. George Soros to Give \$100 million to Human Rights Watch [Электронный ресурс] // Human Rights Watch [Официальный сайт]. 2010. URL: <https://www.hrw.org/news/2010/09/07/george-soros-give-100-million-human-rights-watch> (дата обращения: 10.05.2022).
414. Golinger E. USAID's Silent Invasion in Bolivia // The North American Congress on Latin America. 2009. May 20. [Electronic resource]. Mode of access: <https://nacla.org/news/usaid-silent-invasion-bolivia> (дата обращения: 04.04.2022).
415. Gonçalves A. 2020 Presidential Election in Belarus: Social Tensions Arise [Электронный ресурс] // Le Journal International [Официальный сайт]. 2020. URL: <http://www.lejournalinternational.info/en/bielorussie-elections-presidentielles-2020-la-montee-des-tensions-sociales/> (дата обращения: 22.04.2022).
416. Herrero A., Semple K. Venezuela Opposition Will Boycott Election, and Maduro Tightens His Hold // The New York Times [Официальный сайт]. 2018. URL:

- <https://www.nytimes.com/2018/02/21/world/americas/venezuela-election-opposition-boycott.html> (дата обращения: 22.04.2022).
417. Human Rights Watch [Электронный ресурс] // NGO Monitor [Официальный сайт] 2020. URL: https://www.ngo-monitor.org/ngos/human_rights_watch_hr_w/ (дата обращения: 10.05.2022).
418. IRGC Commander: ISIL Causes Increasing Awareness in Regional States [Электронный ресурс] // Fars News Agency [Официальный документ]. 2016. URL: <https://en.farsnews.ir/newstext.aspx?nn=13941022001355> (дата обращения: 27.11.2022).
419. Joint Pub 3-13.1. Command and Control Warfare [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. 1996. URL: https://www.bits.de/NRANEU/others/jp-doctrine/jp3_13_1.pdf (дата обращения: 02.03.2022).
420. Joint Doctrine for Information Operations. Joint Publication 3-13 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff. 1998. URL: http://www.c4i.org/jp3_13.pdf (дата обращения: 02.03.2022).
421. Joint Publication 3-13 Information Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff. 2006. URL: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=461648> (дата обращения: 02.03.2022).
422. L'Europe et les migrants, faits et chiffres [Электронный ресурс] // Le Parisien [Официальный сайт]. 2017. URL: <http://www.leparisien.fr/flash-actualite-monde/l-europe-et-les-migrantsfaits-et-chiffres-19-03-2017-6775920.php> (дата обращения: 04.05.2022).
423. Lau S., Delaney R. Hong Kong arrest of media tycoon Jimmy Lai sparks international condemnation [Электронный ресурс] // South China Morning Post [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/article/3096824/hong-kong-arrest-media-tycoon-jimmy-lai-sparks-international> (дата обращения: 18.04.2022).
424. Mark Simon, ex-CIA agent and personal aide of Jimmy Lai wanted by HK police [Электронный ресурс] // Dimsumdaily Hong Kong [Официальный сайт]. 2020.

- URL: <https://www.dimsumdaily.hk/mark-simon-ex-cia-agent-and-personal-aide-of-jimmy-lai-wanted-by-hk-police/> (дата обращения: 17.04.2022).
425. Merat A., Borger J. Rudy Giuliani calls for Iran regime change at rally linked to extreme group [Электронный ресурс] // The Guardian [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/30/rudy-giuliani-mek-iran-paris-rally> (дата обращения: 16.05.2022).
426. Military Information Support Operations [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defence. Joint Chiefs of Staff. 2011. URL: https://jpsc.ndu.edu/Portals/72/Documents/JC2IOS/Additional_Reading/1C1_JP_3-13-2.pdf (дата обращения: 06.03.2022).
427. Minneapolis City Council members say they plan to vote to disband city's police department [Электронный ресурс] // CBS News [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.cbsnews.com/news/minneapolis-city-council-intent-disband-police-department/> (дата обращения: 01.05.2022).
428. Myers M. The Army's psychological operations community is getting its name back [Электронный ресурс] // Army Times. 2017. URL: <https://www.armytimes.com/news/your-army/2017/11/06/the-armys-psychological-operations-community-is-getting-its-name-back/> (дата обращения: 06.03.2022).
429. Navarro B. La Unión Europea se prepara para encajar su ruptura [Электронный ресурс] // La Vanguardia [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20160624/402728272246/union-europea-ruptura-brexit.html> (дата обращения: 10.05.2022).
430. Ny kartläggning av våldtäktsdomar: 58 procent av de dömda födda utomlands [Электронный ресурс] // SVT Nyheter [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://www.svt.se/nyheter/granskning/ug/ny-kartlaggning-av-valdtaktsdomar-58-procent-av-de-domda-fodda-utomlands> (дата обращения: 05.05.2022).
431. OLP: La máscara del terror oficial en Venezuela [Электронный ресурс] // CONNECTAS [Официальный сайт]. 2017. URL:

- <https://www.connectas.org/especiales/olp/index.html> (дата обращения: 09.04.2022).
432. On Branko Marinkovic [Электронный ресурс] // WikiLeaks. The Global Intelligence Files [Официальный сайт]. 2013. URL: https://wikileaks.org/gifiles/docs/17/1791843_on-branko-marinkovic-.html (дата обращения: 04.04.2022).
433. Otárola M. Movement to defund police sees Minneapolis as proving ground [Электронный ресурс] // Star Tribune [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.startribune.com/movement-to-defund-police-sees-minneapolis-as-proving-ground/571116932/> (дата обращения: 01.05.2022).
434. Öztürk S. Paramiliterlerin Libya'da vesayet savaşları: WAGNER mi SADAT mı? [Электронный ресурс] // A3 Haber [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.a3haber.com/2019/12/26/paramiliterlerin-libyada-vesayet-savaslari-wagner-mi-sadat-mi-2/> (дата обращения: 25.11.2022).
435. Padinger G. Carlos Mesa, ex presidente de Bolivia: «No reconocemos la legitimidad de la candidatura de Evo Morales, pero vamos a participar de la elección» [Электронный ресурс] // Infobae [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.infobae.com/america/america-latina/2019/03/14/carlos-mesa-ex-presidente-de-bolivia-no-reconocemos-la-legitimidad-la-candidatura-de-evo-morales-pero-vamos-a-participar-de-la-eleccion/> (дата обращения: 22.04.2022).
436. Panwar R. Network Centric Warfare: Understanding the Concept [Электронный ресурс] // Future Wars [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://futurewars.rspanwar.net/network-centric-warfare-understanding-the-concept/> (дата обращения: 16.03.2022).
437. Pauly M. What a World Without Cops Would Look Like [Электронный ресурс] // Mother Jones [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.motherjones.com/crime-justice/2020/06/police-abolition-george-floyd/> (дата обращения: 30.04.2022).
438. Pelosi Kneels With Other Democrats in 'Moment of Silence' [Электронный ресурс] // VOA News. 2020. URL:

- <https://www.youtube.com/watch?v=pZgVBFYM2qk> (дата обращения: 29.04.2022).
439. Reclaim the Block: fund our broader movement [Электронный ресурс] // Reclaim the Block [Официальный сайт]. URL: https://docs.google.com/document/d/1yLWGTQIe3967hdc9RSxBq5s6KKZHe-3_mWp5oemd7OA/edit (дата обращения: 01.05.2022).
440. REPORT: DOMINION DELETED 2.7 MILLION TRUMP VOTES NATIONWIDE [Электронный ресурс] // Twitter Donald Trump. 2020. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1326926226888544256> (дата обращения: 29.05.2022).
441. Resistencia Juvenil Cochala [Электронный ресурс] // Facebook. 2019. URL: <https://www.facebook.com/RJCochala/> (дата обращения: 03.04.2022).
442. Rufo C. City of Seattle «Interrupting Internalized Racial Superiority and Whiteness» Training [Электронный ресурс] // Christopher F. Rufo [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://christopherrufo.com/city-of-seattle-interrupting-internalized-racial-superiority-and-whiteness-training/> (дата обращения: 29.04.2022).
443. Sales B. What you need to know about antifa, the group that fought white supremacists in Charlottesville [Электронный ресурс] // Jewish Telegraph Agency [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://www.jta.org/2017/08/16/united-states/what-you-need-to-know-about-antifa-the-group-that-fought-white-supremacists-in-charlottesville> (дата обращения: 28.04.2022).
444. Shaun King: 'Statues of the white European they claim is Jesus should also come down [Электронный ресурс] // Black Enterprise [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.blackenterprise.com/shaun-king-statues-of-the-white-european-they-claim-is-jesus-should-also-come-down/> (дата обращения: 30.04.2022).
445. Shotter J., Seddon M. 'This is the first time Belarusians believe we can change something' [Электронный ресурс] // The Financial Times [Официальный

- сайт]. 2020. URL: <https://www.ft.com/content/dc98f3e2-94fa-4903-959a-8909dad2ff7b> (дата обращения: 22.04.2022).
446. Stanley-Becker I. How McKinsey quietly shaped Europe's response to the refugee crisis [Электронный ресурс] // The Washington Post [Официальный сайт]. 2017. URL: https://www.washingtonpost.com/world/europe/how-mckinsey-quietly-shaped-europes-response-to-the-refugee-crisis/2017/07/23/2cccb616-6c80-11e7-b9e2-2056e768a7e5_story.html (дата обращения: 07.05.2022).
447. Stavinoha L., Fotiadis A. Asylum Outsourced: McKinsey's Secret Role in Europe's Refugee Crisis [Электронный ресурс] // Balkan Insight [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://balkaninsight.com/2020/06/22/asylum-outsourced-mckinseys-secret-role-in-europes-refugee-crisis/> (дата обращения: 07.05.2022).
448. Sullivan J. Cartel Info Ops: Power and Counter-power in Mexico's Drug War [Электронный ресурс] // MountainRunner.us. [Официальный сайт] 2010. URL: https://mountainrunner.us/2010/11/cartel_info_ops_power_and_counter-power_in_mexico_drug_war/ (дата обращения: 22.03.2022).
449. Sullivan J., Bunker R. Third Generation Gangs Strategic Note No. 4: Brigands, Bank Robbery, and Brazilian Gang Evolution at Ciudad del Este and the Triple Frontier [Электронный ресурс] // Small Wars Journal [Официальный сайт]. 2017. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/third-generation-gangs-strategic-note-no-4> (дата обращения: 10.04.2022).
450. Távara S. Nueva visión para asociación de agregados policiales en Washington [Электронный ресурс] // Metro Latino USA [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://metrolatinousa.com/2018/09/10/nueva-vision-para-asociacion-de-agregados-policiales-en-washington/> (дата обращения: 04.04.2022).
451. Tavares R. O «Brexit» e os seus admiradores [Электронный ресурс] // Publico [Официальный сайт]. 2016. URL: <https://www.publico.pt/2016/06/24/opiniao/opiniao/o-brexit-e-os-seus-admiradores-1736182> (дата обращения: 10.05.2022).

452. Teens arrested for «knockout game» violence in Memphis [Электронный ресурс] // CBS This Morning [Официальный сайт]. 2014. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Zvpb9sBcwgk&ab_channel=CBSThisMorning (дата обращения: 30.04.2022).
453. Tucker: City of Seattle tells white employees to work on undoing their whiteness [Электронный ресурс] // Fox News. 2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gLBQX5Z-j-I> (дата обращения: 29.04.2022).
454. U.S., Britain, Canada pledge artillery for Ukraine [Электронный ресурс] // Reuters [Официальный сайт]. 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/biden-allies-hold-video-call-ukraine-2022-04-19/> (дата обращения: 26.03.2022).
455. US Vice President warns Sri Lanka on China funded port [Электронный ресурс] // Colombo Gazette [Официальный сайт]. 2018. URL: <https://colombogazette.com/2018/10/06/us-vice-president-warns-sri-lanka-on-china-funded-port/> (дата обращения: 14.04.2022).
456. Vaca M. Bolivia: implican a líderes de Santa Cruz [Электронный ресурс] // BBC News [Официальный сайт]. 2009. URL: https://www.bbc.com/mundo/america_latina/2009/05/090505_0439_santacruz_terroristas_jg (дата обращения: 04.04.2022).
457. Venezuela crisis talks in Oslo break up without agreement [Электронный ресурс] // BBC [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-48458070> (дата обращения: 11.04.2022).
458. Venezuela's Maduro announces start of negotiations with opposition -- media reports [Электронный ресурс] // Xinhua [Официальный сайт]. 2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-07/09/c_138211081.htm (дата обращения: 11.04.2022).
459. Videos show People's Armed Police assembling in Shenzhen apparently for exercises [Электронный ресурс] // Global Times [Официальный сайт]. 2019.

- URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1161155.shtml> (дата обращения: 19.04.2022).
460. Wadhams N. Trump Team Sends Defiant Signal to Beijing by meeting Hong Kong Activist [Электронный ресурс] // Bloomberg [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-07-10/trump-team-sends-defiant-signal-to-beijing-by-meeting-activist> (дата обращения: 18.04.2022).
461. Watkins S. China and Iran flesh out strategic partnership [Электронный ресурс] // Petroleum Economist [Официальный сайт]. 2019. URL: <https://www.petroleum-economist.com/articles/politics-economics/middle-east/2019/china-and-iran-flesh-out-strategic-partnership> (дата обращения: 16.05.2022).
462. Wei X. Who is behind Hong Kong protests? [Электронный ресурс] // China Daily [Официальный сайт]. 2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201908/17/WS5d578b28a310cf3e355664f1.html> (дата обращения: 18.04.2022).
463. Wilcox G., Wilson G. Military Response to Fourth Generation Warfare in Afghanistan [Электронный ресурс] // Indian Strategic Knowledge on Line. 2002. URL: <https://indianstrategicknowledgeonline.com/web/4Th%20GENERATION%20WARFARE%20IN%20AFGANISTAN.pdf> (дата обращения: 24.11.2022).
464. Worldometers (World/Countries/United States) [Электронный ресурс] // Worldometers [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/country/us/> (дата обращения: 28.04.2022).
465. وأذربيجان تركيا بين "المرتزقة رحلات" حقيقة يكشف أميركي مسؤول (Американский чиновник раскрывает правду о «рейсах наемников» между Турцией и Азербайджаном) [Электронный ресурс] // Sky News Arabia [Официальный сайт]. 2020. URL: <https://www.skynewsarabia.com/world/1380596> (дата обращения: 25.11.2022).